

ISSN 0321-0359

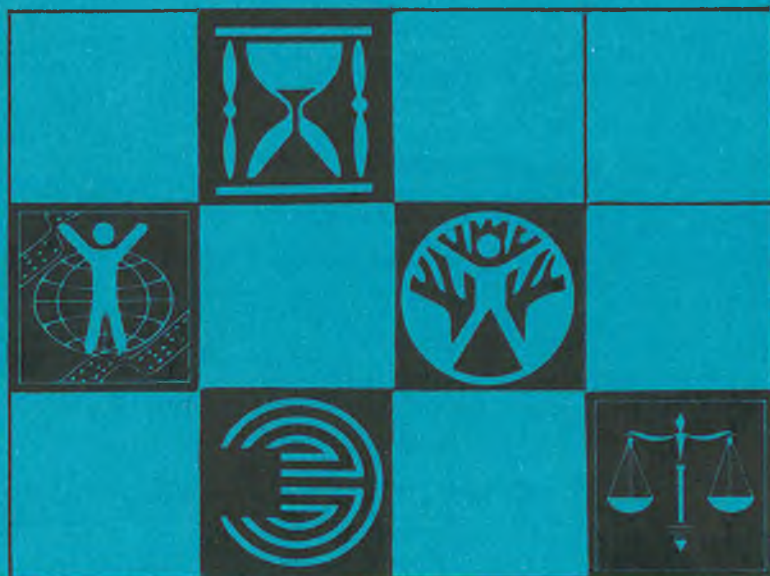
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2'93

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Сташкевіч М. С., Раманоўскі І. Ф.</i> Манархічныя партыі і арганізацыі на Беларусі	3
<i>Пархімовіч М. М.</i> Аб некаторых аспектах аграрнай палітыкі на Беларусі ў перыяд нэпа	6
<i>Літвіноўскі І. А.</i> Першыя крокі сельскай электрыфікацыі на Беларусі.	9
<i>Фралова І. В.</i> Беларусізацыя народнай асветы ў 20-я гады	11
<i>Румак А. А.</i> Барацьба палітычных партый за ўплыў на класавыя прафсаюзы Заходняй Беларусі (1921—1933)	14
<i>Дин Сянпин.</i> О некоторых принципах комплектования контингента и подготовки учащихся белорусской профтехшколы в 70-е — начале 80-х гг	17
<i>Петров К. А.</i> Ритуальные ранги и функции участников средневекового сражения в Западной Европе	18

ФІЛАСОФІЯ

<i>Елсуков А. М.</i> Основная проблема гносеологии и общие принципы ее разрешения	22
<i>Карако П. С.</i> Проблема критериев и типологии экстремальных ситуаций во взаимоотношениях общества и природы	25
<i>Александрова С. Н.</i> Полюсы творческих исканий Теодора Адорно (1903—1969)	28

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Кунцевіч К. Н.</i> Либерализм и социализм: к вопросу об их соотношении	32
<i>Мельников А. П.</i> О проблеме саморегулирования духовной культуры	34
<i>Поликарпов В. А.</i> Методологические проблемы социологического изучения последствий аварии на Чернобыльской АЭС	38
<i>Круглов А. А.</i> Религиозная обстановка в Республике Беларусь в современных условиях	41

ЭКАНОМІКА

<i>Воробьева Е. М., Воробьев А. В.</i> Интеллектуальная рента	47
<i>Ли Синь.</i> Госкапитализм в экономическом строительстве КНР (свободные экономические зоны)	49

ПРАВА

<i>Павлова Л. В.</i> Проблемы международно-правового регулирования непосредственного телевизионного вещания через искусственные спутники	52
<i>Мартинович И. И.</i> О суде присяжных в Республике Беларусь	55

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

Программа трудовой (народно-социалистической) партии	59
<i>Мартин Хайдеггер.</i> Понятие времени (пер. с нем. В. В. Сафронова)	63
<i>Адамушка У. І., Салькоў А. П.</i> «Пухавіцкая справа»	68
<i>Гантарэнка А. А.</i> Станаўленне і развіццё ваеннай адукацыі на Беларусі ў XVIII — XIX стст	70

НОВАЕ ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Шупляк П. А.</i> Гісторыя Беларусі ў Беларускам дзяржаўным універсітэце (некаторыя праблемы выкладання)	73
<i>Клюня В. Л.</i> Формирование экономического мышления студентов и создание современного курса экономической теории	75

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Мікалай Васільевіч Рожын.	80
--	----

ХРОНІКА

<i>Ходзін С. М., Часноўскі М. Э.</i> Першая ўсебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (3—5 лютага 1993 г., Мінск)	81
--	----

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2 '93

ЛІПЕНЬ

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК (*адказны рэдактар*),

М. І. БАЗЫЛЕЎ, А. М. БАЙЧОРАЎ, П. І. БРЫГАДЗІН,
В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАБЯЗКА, А. М. ВЛСУКОЎ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКИ, А. І. ЗЕЛЯНКОЎ (*нам. адказнага*
рэдактара), **Ю. Л. КАЗАКОЎ** (*адказны сакратар*),
П. М. КОБРЫНЕЦ, М. В. НАУЧЫЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН,
П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 2, 1993

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар **А. А. Сычоў**
Малодшы рэдактар **Г. М. Добыш**
Мастацкі рэдактар **Р. У. Кондрад**
Тэхнічны рэдактар і карэктар **Г. І. Хмарун**

Зладзена ў набор 05.07.93. Падпісана да друку 06.08.93. Фармат 70x108/16.
Папера афс. № 2. Друж афс. Ум. друж. арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд. арк. 8,59.
Тыраж 950 экз. Заказ 652. Цана 25 р.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.
Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220041, праспект Ф. Скарыны, 79.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Сташкевіч М. С., Раманоўскі І. Ф.</i> Манархічныя партыі і арганізацыі на Беларусі	3
<i>Пархімовіч М. М.</i> Аб некаторых аспектах аграрнай палітыкі на Беларусі ў перыяд нэпа	6
<i>Літвіноўскі І. А.</i> Першыя крокі сельскай электрыфікацыі на Беларусі.	9
<i>Фралова І. В.</i> Беларусізацыя народнай асветы ў 20-я гады	11
<i>Румак А. А.</i> Барацьба палітычных партый за ўплыў на класавыя прафсаюзы Заходняй Беларусі (1921— 1933)	14
<i>Дин Сянпин.</i> О некоторых принципах комплектования контингента и подготовки учащихся белорусской профтехшколы в 70-е — начале 80-х гг	17
<i>Петров К. А.</i> Ритуальные ранги и функции участников средневекового сражения в Западной Европе	18

ФІЛАСОФІЯ

<i>Елсуков А. М.</i> Основная проблема гносеологии и общие принципы ее разрешения	22
<i>Каракo П. С.</i> Проблема критериев и типологии экстремальных ситуаций во взаимоотношениях общества и природы	25
<i>Александрова С. Н.</i> Полосы творческих исканий Теодора Адорно (1903—1969)	28

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Кунцевич К. Н.</i> Либерализм и социализм: к вопросу об их соотношении	32
<i>Мельников А. П.</i> О проблеме саморегулирования духовной культуры	34
<i>Поликарпов В. А.</i> Методологические проблемы социологического изучения последствий аварии на Чернобыльской АЭС	38
<i>Круглов А. А.</i> Религиозная обстановка в Республике Беларусь в современных условиях	41

ЭКАНОМІКА

<i>Воробьева Е. М., Воробьев А. В.</i> Интеллектуальная рента	47
<i>Ли Синь.</i> Госкапитализм в экономическом строительстве КНР (свободные экономические зоны)	49

ПРАВА

<i>Павлова Л. В.</i> Проблемы международно-правового регулирования непосредственного телевизионного вещания через искусственные спутники	52
<i>Мартинович И. И.</i> О суде присяжных в Республике Беларусь	55

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

Программа трудовой (народно-социалистической) партии	59
<i>Мартин Хайдеггер.</i> Понятие времени (пер. с нем. В. В. Сафронова)	63
<i>Адамушка У. І., Салькоў А. П.</i> «Пухавіцкая справа»	68
<i>Гантарэнка А. А.</i> Станаўленне і развіццё ваеннай адукацыі на Беларусі ў XVIII — XIX стст	70

НОВАЕ ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Шупляк П. А.</i> Гісторыя Беларусі ў Беларускам дзяржаўным універсітэце (некаторыя праблемы выкладання)	73
<i>Клюня В. Л.</i> Формирование экономического мышления студентов и создание современного курса экономической теории	75

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Мікалай Васільевіч Рожын.	80
--	----

ХРОНІКА

<i>Ходзін С. М., Часноўскі М. Э.</i> Першая ўсебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (3—5 лютага 1993 г., Мінск)	81
--	----

М. С. СТАШКЕВІЧ, І. Ф. РАМАНОЎСКИ

МАНАРХІЧНЫЯ ПАРТЫІ І АРГАНІЗАЦЫІ НА БЕЛАРУСІ

Перад пачаткам рэвалюцыі 1905—1907 гг. самадзяржаўе ў нацыянальных рэгіёнах краіны, у тым ліку і на Беларусі, не дазваляла ствараць якія-небудзь грамадска-палітычныя арганізацыі. Ва ўмовах узмацнення рэвалюцыйнай барацьбы працоўных супраць самадзяржаўя памешчыцка-дваранскія сілы сталі аб'ядноўвацца ў свае палітычныя арганізацыі. Так, 8 лістапада 1905 г. было абвешчана стварэнне «Саюза рускага народа». Яшчэ раней, у красавіку, узнікла «Руская манархічная партыя». У лістападзе аформіўся і «Усерасійскі саюз зямельных уласнікаў».

Ідэалагічную аснову праграм гэтых партый выражала трыяда: праваслаўе, самадзяржаўе, народнасць. Самадзяржаўе разгледжвалася непахіснай і адзінай асновай грамадства. Праграмы ўсіх гэтых арганізацый адстойвалі прынцып непадзельнасці Расіі, адхілялі правы народаў на самавызначэнне і стварэнне ў той ці іншай форме нацыянальнай дзяржаўнасці.

На падставе агульнага падыходу да нацыянальнай праблемы манархічных партый адмаўлялі беларускаму народу ў праве на стварэнне самастойнай дзяржавы. Іх ідэолагі разглядалі Беларусь як частку «адзінай і непадзельнай Расіі» ў складзе «Заходняй Расіі» і адгэтуль рабілі вывад: беларусы — адна са славянскіх галін, якая арганічна ўваходзіць у склад «адзінага рускага народа».

Пад уплывам агульнарасійскіх манархічных партый у гады першай рускай рэвалюцыі падобнага тыпу палітычныя арганізацыі сталі ўзнікаць і ў Беларусі. У кансерватыўна-манархічным лагера Беларусі актыўна дзейнічала тады таварыства «Крестьянин», якое аформілася ў Вільні ў канцы 1905 г. Яно аб'ядноўвала памешчыкаў, частку заможнага сялянства, чыноўнікаў царскай адміністрацыі, прадстаўнікоў праваслаўнага духавенства. На чале гэтай арганізацыі стаялі вядомыя мясцовыя дзеячы манархічнага накірунку Вруцэвіч, Каранкевіч, Пшчолка. Таварыства мела свой друкаваны орган «Крестьянин», першы нумар якога выйшаў у студзені 1906 г. Натуральна, таварыства «Крестьянин» спачатку маскіравала сваю палітычную накіраванасць заявамі аб тым, што яно не падзяляе праграмныя ўстаноўкі ніводнай з расійскіх партый, а будзе дамагацца эканамічнага і культурнага развіцця краю. Аднак ужо ў пачатку 1906 г., літаральна праз два месяцы пасля ўтварэння «Крестьянина», яго лідэры заявілі, што выступаюць супраць ідэй сацыялістаў і спадзяюцца, што сялянскія інтарэсы задаволяць толькі цар.

У 1907 г., калі рэвалюцыя пайшла на спад, у Вільні ўзнікла арганізацыя «Окраинный Союз», якая неўзабаве была рэарганізавана ў «Русское окраинное общество» (лідэры Кавалюк, Бывалькевіч, Кулакоўскі, Саланевіч, Філевіч і інш.). У рамках кансерватыўна-манархічнага лагера дзейнічалі і іншыя палітычныя арганізацыі: партыя «правага парадку» ў Гродна, «Православное братство» ў Мінску, розныя рэлігійна-клерыкальныя ўтварэнні. У гэты перыяд у губернскіх і многіх павятовых гарадах Беларусі сталі ўзнікаць арганізацыі Рускага нацыянальнага саюза. Адрэзненне такога саюза, напрыклад, у Гродзенскай губерні пачало афармляцца ў канцы 1910

г. Аб сваім існаванні Саюз заявіў 1 студзеня 1911 г. заклікам «Да рускіх людзей — сялян Гродзенскай губерні». У закліку сцвярджалася, што «ў Гродзенскай губерні гаспадаром з'яўляецца па гістарычнаму праву свайму рускае насельніцтва»¹. Канчатковае афармленне Гродзенскага рускага нацыянальнага саюза завяршылася на агульным сходзе яго членаў 25 сакавіка 1911 г. Сход зацвердзіў Статут саюза, які так вызначаў свае палітычныя мэты: «а) панаванне рускай народнасці ў межах рускай зямлі, у прыватнасці Гродзенскай губерні; б) умацаванне свядомасці рускага народнага адзінства; в) наладжванне рускай бытавой самадапамогі і развіццё рускай культуры; г) умацаванне рускай дзяржаўнасці на аснове самадзяржаўнай улады пара ў аднанні з заканадаўчымі народнымі прадстаўнікамі»². Таксама фармуляваліся палітычныя мэты і іншых манархічных арганізацый, якія дзейнічалі на Беларусі. Такім чынам, па сацыяльнай арыентацыі ўсе яны прадстаўлялі сабой рэгіянальныя філіялы манархічнага «Саюза рускага народа». І хоць гэтыя арганізацыі аб'ядноўвалі галоўным чынам заможныя слаі беларускага сялянства, тон у іх задавалі памешчыкі, чыноўнікі і праваслаўнае духавенства. Яны імкнуліся ўмацаваць свае эканамічныя і палітычныя пазіцыі і тым самым забяспечыць непахіснасць асноў самадзяржаўя ў Беларусі.

Паражэнне першай рускай рэвалюцыі выклікала ў беларускім кансерватыўна-манархічным лагеры палярызацыю палітычных сіл. На з'ездзе таварыства «Крестьянин» ў Вільні (27—30 снежня 1908 г.) адбыўся раскол. Частка яго дэлегатаў, якая адлюстроўвала інтарэсы сельскай буржуазіі, інтэлігенцыі і чыноўнікаў, стварыла новую арганізацыю «Белорусское общество». Аднак у праграме новага таварыства сцвярджалася, што беларускі народ з'яўляецца «непадзельнай часткай расійскага народа і без аднанні з Расіяй не можа мець і незалежную гістарычную будучыню». У сувязі з гэтым праграма канстатавала: «Таварыства лічыць, што адзіным гістарычным шляхам для беларусаў можа быць шлях адзінства з астатнімі рускімі плямёнамі (вялікарусамі і маларусамі) на асновах «грамадзянскай свабоды»³.

Пад націскам ліберальна-дэмакратычнага руху «Белорусское общество» вымушана было ў нейкай ступені адмяжоўвацца ад непапулярнай праграмы чарнасоценцаў, якія адмаўлялі беларускаму народу нават у праве на культурнае развіццё, і заявіла аб падтрымцы выданняў «народнай літаратуры» беларусаў на роднай мове.

Беларускае пытанне, натуральна, абвастрыла супярэчнасці ўнутры кансерватыўна-манархічнага лагера. У ім вылучылася два накірункі — кансерватыўны і ліберальны, аднак іх палітыка, накіраваная на абарону самадзяржаўя на Беларусі, заставалася непахіснай.

Ідэалогія «заходнерусаў» была адным з накірункаў грамадскай думкі Беларусі ў пачатку ХХ ст. Згодна з гэтай канцэпцыяй, беларусы як адно са славянскіх плямёнаў арганічна ўваходзяць у склад «адзінага рускага народа», а беларуская мова з'яўляецца «арганічнай галіной вялікай рускай мовы». Ідэалогія «заходнерусаў», якія лічылі Беларусь часткай «адзінай і непадзельнай Расіі», процістаяла «беларускай нацыянальнай ідэі». Ва ўмовах рэвалюцыі 1905—1907 гг., калі пачаў хутка набіраць тэмпы беларускі нацыянальна-вызваленчы рух, адэпты кансерватыўна-манархічнай ідэалогіі па-ранейшаму не дапускалі думкі, што беларуская культура змога стаць самастойнай. У гэтым яны бачылі сур'ёзную пагрозу для існавання Расійскай дзяржавы.

Падобнай палітычнай арыентацыі прытрымлівалася і «Заходнерускае таварыства», якое было створана 29 студзеня 1911 г. у Пецярбургу. Яно аб'ядноўвала прадстаўнікоў буйных памешчыкаў, вышэйшай праваслаўнай іерархіі, манархічнай інтэлігенцыі. Вядомы беларускі грамадска-палітычны дзеяч А. І. Цвікевіч так характарызаваў яго палітычную накіраванасць: «Тут выступіў на сцэну не толькі наш беларускі «заходнерусізм» — у названым «Таварыстве» ў сумесным разуменні сышліся і «паўднёварусы»: побач з епіскапам Елегіем, прафесарам Філевічам, Кулакоўскім і іншымі «заходнерусамі» з Беларусі мы бачым тут кіеўскіх ідэолагаў «паўднёварускага» манархізму — Піхно, Вяргуна, Шульгіна і іншых»⁴.

Натуральна, беларускі палітычны рух, арыентаваны на расійскае самадзяржаўе, не быў аднародны. Акрамя манархічных арганізацый «Крестьянин», «Окраинный союз», «Национальный союз» і іншых чыста палітычных аб'яднанняў, якія мелі выразна акрэсленую структуру, у падтрымку самадзяржаўя выступалі і разрозненыя групы, а таксама прадстаўнікі навуковай інтэлігенцыі. Да гэтай культурна-асветніцкай

плыні належалі Сапуноў, Стукаліч, Раманаў, Нікіфароўскі, Янчук і іншыя даследчыкі беларускай гісторыі, археалогіі, этнаграфіі. І хоць яны былі прыхільнікамі вялікадзяржаўнай ідэі, аднак у іх дзейнасці і свядомасці выяўляліся дзве сутнасці: адна мясцовая — беларуская і другая — агульнаруская. У гэтым адбілася супярэчлівасць ідэалагічнай платформы беларускага палітычнага руху, які прытрымліваўся манархічнай арыентацыі.

Прыхільнікі кансерватыўна-манархічнага лагера сцвярджалі, што адзінства рускай мовы з'яўляецца перадумовай адзінства Расійскай дзяржавы. Гэты пункт праграмы манархістаў збліжаў іх з прадстаўнікамі ліберальнай плыні. Праграма рускіх лібералаў заклікала партыі, незалежна ад іх палітычнай арыентацыі, абараняць агульнарускую культуру і вызначыць свае адносіны да беларускага і ўкраінскага адраджэння. Сэнс гэтага закліка зводзіўся да таго, каб абмежаваць развіццё беларускай і ўкраінскай культур у рамках «мясцовых асаблівасцей», быту і традыцый.

Побач з традыцыйнымі арганізацыямі ў кансерватыўна-манархічным лагерах пачалі вылучацца групы, якія прытрымліваліся новага палітычнага накірунку. У іх праграмных дакументах спалучаліся як ахавальныя, так і ліберальна-буржуазныя ідэі. Першай такой арганізацыяй было «Хрысціанское единение», якое ўзнікла ў 1915 г. у Заходняй Беларусі. Яго арганізатарамі былі барон Ронп, князь Святаполк-Мірскі, барон Шафнагель, ксёндз Гідлеўскі і іншыя. У «Хрысціанское единение» ўваходзілі прадстаўнікі вышэйшых колаў каталіцкага кліру, буйной буржуазіі, памешчыкаў, а таксама сялян, сярэдніх гарадскіх слаёў, рабочых, што і дазволіла яе лідэрам сцвярджаць, што «Хрысціанское единение» — «народная» партыя. У рамках кансерватыўна-манархічнага лагера рабіліся спробы стварэння і «Белорусского православного союза».

У 1916 г. у Мінску ўзнікла ініцыятыўная група (Скірмунт, Аляксаяк, Чаўсаў і інш.) па стварэнню партыі беларускіх народных сацыялістаў. І хоць у яе праграмных дакументах ужо дамінавалі ліберальна-дэмакратычныя ўстаноўкі, тым не менш па пытанніям грамадскага развіцця Расіі гэта арганізацыя прытрымлівалася канцэпцыі памешчыцка-манархічных партый.

Перамога лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. прывяла да новай расстаноўкі палітычных сіл і на Беларусі. Тут, як і ў іншых нацыянальных рэгіёнах краіны, з рэшткаў буржуазных партый і памешчыцка-манархічных арганізацый пачаў складвацца ліберальны блок, які выступаў за абмежаванне рэвалюцыі ліберальна-дэмакратычнымі рамкамі, забеспячэнне адзінаўладдзя Часовага ўрада і арганізацыю барацьбы з усялякага роду максіmalізмам і бальшавіцкім радыкалізмам. Манархісты некалькі трансфармавалі адны саюзы, змянілі назвы другіх і тым самым імкнуліся паставіць іх на службу як памешчыкам, так і буржуазіі.

У 1917 г. на Беларусі буржуазна-памешчыцкі блок аб'ядноўваў два тыпы палітычных арганізацый: памешчыцка-клерыкальныя (Беларускі народны саюз, Заходнерускае таварыства, Саюз беларускага праваслаўнага духавенства, Беларускі саюз зямельных уласнікаў) і ліберальна-дэмакратычныя (Магілёўскі беларускі нацыянальны камітэт, Гомельскі саюз беларускай дэмакратыі, Аршанскі беларускі нацыянальны камітэт, Беларуская партыя аўтанамістаў, Беларуская партыя народных сацыялістаў).

Праграмы арганізацый, якія аб'ядналіся ў буржуазна-памешчыцкі блок, былі эклектычнымі, іх асноўныя палажэнні запазычаны ў кадэтаў. І толькі ў нацыянальным пытанні інтарэсы гэтых арганізацый не супадалі з імкненнямі партый рускай ліберальнай буржуазіі. Яны патрабавалі даць палітычную аўтаномію Беларусі ў межах федэратыўнай Расійскай дзяржавы. Лозунг палітычнай аўтаноміі Беларусі, высунуты ў красавіку 1917 г. з'ездам прадстаўнікоў беларускіх палітычных партый і арганізацый, выражаў прагрэсіўнае патрабаванне — даць беларускаму народу права на стварэнне нацыянальнай дзяржаўнасці, і, натуральна, гэта патрабаванне было адхілена Часовым урадам.

Па меры паглыблення рэвалюцыі ў беларускім грамадска-палітычным руху адбывалася размежаванне палітычных сіл. Буржуазна-памешчыцкія арганізацыі былі выцеснены на перыферыю грамадска-палітычнага жыцця, а іх сацыяльныя і нацыянальныя ўстаноўкі адхілены шырокімі слаямі працоўнага народа. У абстаноўцы наспеўшага восенню 1917 г. рэвалюцыйнага крызісу яны аказаліся ў поўнай палітычнай ізаляцыі.

21 лютага 1918 г., калі нямецкія войскі занялі Мінск, буржуазна-памешчыцкія арганізацыі спрабавалі адрадыць сваю дзейнасць. Першым аб сваім існаванні заявіў Беларускі саюз зямельных уласнікаў. Легалізаваліся

і іншыя арганізацыі гэтай арыентацыі. Яны аб'ядналіся ў «Мінскае беларускае прадстаўніцтва», якое прымкнула да правага флангу беларускага палітычнага руху. У склад гэтага аб'яднання ўвайшлі народныя сацыялісты, сацыялісты-аўтанамісты, а таксама беларускі праваслаўны саюз і іншыя буржуазна-памешчыцкія арганізацыі. У яго кіруючае ядро ўваходзілі памешчык Скірмунт, генерал Кандратовіч, ксёндз Гідлеўскі і іншыя.

Аналіз праграмных дакументаў «Мінскага беларускага прадстаўніцтва» паказвае, што яно выказвала класавыя імкненні мясцовай буржуазіі і памешчыкаў, а ў рэалізацыі сваіх планаў адкрыта арыентавалася на кайзераўскую Германію. К восені 1918 г. ва ўмовах нарастання нацыянальна-вызваленчай барацьбы працоўных супраць нямецкіх акупантаў «Мінскае беларускае прадстаўніцтва» было поўнасьцю дыскрэдытавана. Пасля абвешчэння 1 студзеня 1919 г. БССР буржуазна-памешчыцкія арганізацыі аказаліся дэзарганізаванымі, што і прывяло да распаду іх аб'яднання.

¹ Гродзенскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 92, воп. 1, спр. 133, арк. 33.

² Там жа.

³ Беларускі ўчитель. 1909. Вып. 1. С. 40.

⁴ Цвікевич А. «Западнарусизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн., 1929. С. 306.

М. М. ПАРХІМОВІЧ

АБ НЕКАТОРЫХ АСПЕКТАХ АГРАРНАЙ ПАЛІТЫКІ НА БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД НЭПА

Пасля Кастрычніцкага перавароту 1917 г. вядучай галіной эканомікі Беларусі заставалася сельская гаспадарка, у якой было занята 85 % насельніцтва. Сусветная і грамадзянская войны ліквідавалі тыя парасткі прамысловасці, якія слаба прабіваліся ў атмасферы панавання аграрнай сферы эканомікі.

Рэквізіцыі, канфіскацыі, эпідэміі, гібель на франтах працаздольнай часткі насельніцтва не мінулі беларускую вёску: іх вынікам быў заняпад сельскай гаспадаркі. Не садзейнічала развіццю аграрнага сектара і палітыка «ваеннага камунізму», выкліканая да жыцця сусветнай і грамадзянскай войнамі. Асобныя яе элементы прымяняліся і ў другіх ваяваўшых краінах. Асаблівасцю ж савецкага «ваеннага камунізму» было тое, што бальшавікі лічылі яго метадам будаўніцтва сацыялізму ў сялянскай краіне. Аб гэтым сведчаць заявы многіх лідэраў бальшавіцкай партыі ў 1921—1922 гг.

Незадаволенасць сялянства выклікалі два моманты гэтай палітыкі: харчразвёрстка і спробы ўсеагульнай калектывізацыі. Праўда, на тэрыторыі Беларусі гэтыя фактары не атрымалі шырокага распаўсюджвання, таму што рэспубліка падверглася іншаземнаму напшэццю. Тым не менш і тут важна адчувалася ўздзеянне «ваеннага камунізму».

На ўвядзенне новай эканамічнай палітыкі, заснаванай на прынцыпе матэрыяльнай зацікаўленасці сяляніна, бальшавікоў, думаецца, падштурхнула рэальная пагроза страты ўлады.

Гаспадарчая самастойнасць вясковага жыхара была немагчыма без прадастаўлення яму свабоды выбару форм землекарыстання. Першыя гады новай палітыкі як раз характарызаваліся тым, што гэтае права было яму дадзена. Праўда, на прайшоўшым у кастрычніку 1921 г. V з'ездзе камуністычнай партыі Беларусі было прынята рашэнне аб прыярытэтным развіцці калектывнага земляробства. Толькі яно, на думку дэлегатаў з'езда, адпавядала характару сацыялістычных пераўтварэнняў на вёсцы. Адраджэнне і развіццё сяла павінна было ісці ў рамках гэтага працэсу. Іншыя ж формы гаспадарання разглядаліся як перажыткі мінулага. У гэтым рашэнні яскрава бачацца рэцывы палітыкі «ваеннага камунізму», пакінуць якія многія камуністы не маглі чыста псіхалагічна. Неп звязваўся імі з адступленнем ад сацыялізму, пагэтаму яны імкнуліся пакінуць стары парадак рэчаў у абставінах новай палітыкі. На шчасце, гэта рашэнне не было ажыццёўлена на справе. У снежні 1921 г. Усерасійская партыйная канферэнцыя і IX з'езд Саветаў прынялі рашэнне аб свабодзе выбару форм землекарыстання. Згодна з рашэннем гэтых органаў, усе формы гаспадарання — як існаваўшыя раней, так і ўзнікшыя — атрымлівалі права на існаванне. Жаданню сялян не павінна было чыніцца ніякіх перашкод. Вяскоўцы ат-

рымалі магчымасць выбраць форму гаспадарання, зыходзячы са сваіх магчымасцей і эканамічнай метаакіраванасці.

У адпаведнасці з гэтым рашэннем Прэзідыум ЦВК БССР сваёй пастановай ад 14 студзеня 1922 г. дазволіў свабодны выбар форм землекарарыстання на Беларусі. Да гэтага акту далучыўся VI з'езд кампартыі рэспублікі, які працаваў у сакавіку 1922 г. Выступіўшы на ім В. Г. Кнорын не ўтойваў, што рашэнне аб выбары форм гаспадарання было прынята пад націскам Усерасійскай снежаньскай канферэнцыі 1921 г., а такое ж рашэнне ЦВК БССР — па прамому указанню ЦБ КП(б)Б.

Канкрэтызаваў формы землекарарыстання, замацаваў за сялянамі права на іх выбар асноўны закон аб працоўным землекарарыстанні. Законам дазвалялася часова (на тры гады) арэнда зямлі. Селянін мог арэндаваць участак, памер якога вызначаўся магчымасцямі сям'і па яго апрацоўцы. Дазвалялася прымяненне наёмнай сілы. Праўда, гэта абумоўлівалася пэўнымі акалічнасцямі: нанімаць работніка дазвалялася сем'ям, дзе ўсе працаздольныя прымалі ўдзел у гаспадарчай дзейнасці.

Гэтыя артыкулы давалі прастору развіццю прадпрымальнасці вяскоўцаў. Яны маглі цяпер пашыраць засяваемыя плошчы, ствараць невялікія прадпрыемствы па перапрацоўцы сыравіны, аддаваць свае надзелы ў арэнду. Вясковае насельніцтва, якое мела цяжкасці з працаўладкаваннем, атрымала магчымасць працаваць у якасці падзёмных рабочых. Закон аб працоўным землекарарыстанні быў выгадны ўсяму сялянству. Так, беспартыйная сялянская канферэнцыя Беларускай воласці Мінскага павета ў снежні 1922 г. заявіла, што закон вельмі правільны і адказвае інтарэсам сялян¹.

Пасля выдання закона аб працоўным землекарарыстанні і стварэння ў 1922 г. сістэмы сельскагаспадарчага крэдыту ўзаемаадносіны вяскоўцаў з дзяржавай значна ўпарадкаваліся. У той жа час стартавыя ўмовы 1922 г. у Беларусі былі значна горшымі, чым, напрыклад, у 1906 г., калі рэформы пачынаў П. А. Сталыпін: негатыўна адбіліся разбуральныя вынікі дзвюх войнаў. У 1922 г. на сялянскую душу прыпадала па 0,8 дзесяціны раллі і сенажаці, што на 20 % менш, і кожны двор меў зямлі на 35 % менш, чым у 1906 г. Сялянская гаспадарка был горш забяспечана цяглавай сілай².

У гэтых рэформаў, тым не менш, былі і агульныя рысы: у абодвух выпадках стаўка рабілася на прадпрымальнасць і стараннасць земляроба. Разам з тым П. А. Сталыпін лічыў, што яго рэформы прывядуць да стварэння ў краіне шырокага слою ўласнікаў, якія стануць гарантамі спакою і міру ў дзяржаве. Камуністычная ж партыя, абвясчаючы нэп, імкнулася часова задаволіць «дробнаўласніцкія» інтарэсы сялянства, каб затым правесці сацыялістычнае пераўтварэнне вёскі. Аб стварэнні катэгорыі моцных уласнікаў гаворкі тут не было, таму што адной з галоўных задач пераўтварэння сяла з'яўлялася ліквідацыя ў земляробаў уласніцкіх інстыктаў. Тым не менш у выніку прыняцця закона аб працоўным землекарарыстанні склалася сітуацыя, якая давала максімум магчымасцей для стварэння моцных гаспадарак. Парадаксальнасць сітуацыі была ў тым, што такія гаспадаркі вырасталі насуперак ідэалагічным пастулатам партыі, а гэта непазбежна павінна было прывесці ў будучым да канфлікту.

Аднак у сялянства глебы для асцярогі ў 1922 г. не было. Больш таго, прыняты ў сакавіку 1923 г. Зямельны кодэкс БССР надаў праву селяніна на сваю выбару форм землекарарыстання трывалую заканадаўчую аснову. Ён замацаваў не толькі самое гэтае права, але і юрыдычнае раўнапраўе розных форм гаспадарання. Пры гэтым не мела значэння, склаліся яны да рэвалюцыі, ці пасля яе. Для сялянства гэта было вельмі важна, таму што цяпер спосаб гаспадарання, выпрабаваны да 1917 г., атрымліваў права на існаванне на каноннай аснове. Асабліва станоўча гэта адбілася на хутарскіх і адрубных гаспадарках, якія пазбеглі разбуральнага перадзелу.

Задавальняла вясковае насельніцтва і палажэнне Зямельнага кодэксу, якое замацоўвала за кожным сялянскім дваром тую колькасць зямлі, якою селянін ужо карыстаўся. Тыя ж гаспадаркі, дзе зямлі не хапала, павінны былі атрымаць яе з дзяржаўнага фонду, а не за кошт разарэння заможных сялян. Ажыццяўляючы пераёмнасць з законам аб працоўным землекарарыстанні, Зямельны кодэкс зацвердзіў права на арэнду зямлі і прымяненне наёмнай сілы. Новы зямельны закон прадугледжваў і меры супраць драблення сялянскіх двароў, а для вырашэння зямельных спрэчак ствараліся спецыяльныя камісіі. Гэты Зямельны кодэкс праіснаваў да 1925 г., калі ў сувязі з распыраннем тэрыторыі БССР быў распрацаваны новы закон. Яго асноўныя артыкулы адпавядалі існаваўшаму раней.

Такім чынам, прынятыя ў рамках нэпа зямельныя законы давалі сялянам Беларусі магчымасць выбіраць форму землекарыстання. Перавага была за індывідуальнымі формамі вядзення гаспадаркі. На долю калгасаў таго перыяду прыпадала не больш аднаго працэнта зямель рэспублікі. Прычым гэта былі ўтодзі, канфіскаваныя ў памешчыкаў і царквы і не падзеленыя паміж сялянамі. У складзе калгасаў не было вяскоўцаў са сваёй надзельнай зямлёй.

У 1921—1925 гг. сяляне не толькі адмоўна ставіліся да спроб стварэння калектыўных гаспадарак, але і былі ваража настроены да ўжо існаваўшых. Земляроб не мог уявіць сабе сумесную працу гультая і добрага работніка. Прымусіць чалавека працаваць у поўную сілу маглі толькі важкія стымулы. У нямногіх жа калгасах той пары такіх стымуляў сяляне не бачылі.

Формы гаспадарання сялянскага двара ў гэты перыяд былі розныя. Адны сяляне імкнуліся землеўпарадкаваць свае ўчасткі шляхам ліквідацыі цераспалосіцы ў межах зямельнай абшчыны, другія выбіралі невялікі пасёлак, адруб ці хутар. Выйсці за межы вёскі імкнуліся тыя, хто меў неабходны інвентар і рабочую жывёлу. Стварэнне хутарскіх гаспадарак вызывалася эканамічнай эфектыўнасцю апошніх, што пацвярджаецца дакументальна. Так, параўноўваючы эканамічныя паказчыкі гаспадарак Бабруйскага раёна, інспектар працы Ждановіч прыйшоў да высновы, што эфектыўнасць выкарыстання зямлі ў такіх гаспадарках значна вышэйшая, чым у іншых¹. У эканамічным спаборніцтве раёнаў Віцебскай акругі перамог Лёзненскі, у якім хутарскія гаспадаркі складалі 75 % сялянскіх двароў².

Некаторыя работнікі партыйных і дзяржаўных устаноў пры правядзенні землеўпарадкавання стымулявалі сялян да выхаду на хутары і адрубы. Каб уберагчы такія гаспадаркі, іх адносілі да культурна-паказальных. Так, нарком земляробства З. Ф. Прышчэпаў у 1924/25 г. вызваліў ад падаткаў і залічў у разрад культурна-паказальных гаспадаркі селяніна Юрэвіча на хутары Буйдаўшчына Крупіцкага сельскага савета Самахвалавіцкага раёна Мінскай акругі і Вайцяхоўскага ў Рагачоўскім раёне Магілёўскай акругі.

Працэс хутарызацыі найбольш паспяхова развіваўся ў Віцебскай акрузе, дзе к канцу 1925 г. да хутаранскіх адносілася 55,8 % усіх гаспадарак. У іншых акругах гэты працэс ішоў больш марудна. У Мозырскім раёне, напрыклад, па стану на 1925 г. на хутары выйшлі толькі 20 % гаспадарак. Аднак даследавання намі дакументы дазваляюць зрабіць вывад, што гэтая форма землекарыстання была папулярнай сярод сялян усіх акруг. Архіўныя матэрыялы сведчаць аб няспынным росце ў 1921—1925 гг. колькасці хутарскіх гаспадарак. Калі да рэвалюцыі на Беларусі пад хутары і адрубы было землеўпарадкавана 857143 гектары зямлі, то к 1926 г. да іх далучыліся яшчэ 330439³.

Аднак хутары і адрубы не любілі прадстаўнікі дзяржаўных і партыйных устаноў: гэтыя формы не адносіліся да сацыялістычных. Тым не менш у 1925 г. красавіцкі Пленум ЦК ВКП(б) запатрабаваў не рабіць адміністрацыйных перашкод жадаючым весці хутарскую ці адрубную гаспадарку, строга захоўваць права свабоды выбару форм гаспадарання⁴. З улікам рашэння пленума камісарыят земляробства рэспублікі распараваў «Перспектывны план развіцця сельскай гаспадаркі БССР на 1925/26—1929/30 гг.», у якім было прадугледжана далейшае стварэнне хутароў і адрубаў. У 1925 г. гэты план быў зацверджаны ЦК КП(б)Б і СНК БССР. У снежні таго ж года яго падтрымаў з'езд партыі. Хутары і адрубы атрымалі права на існаванне мінімум яшчэ на пяць гадоў.

Такім чынам, сяляне Беларусі ў 1921—1925 гг. мелі права выбіраць форму гаспадарання і шырока яго выкарыстоўвалі, аддаючы перавагу індывідуальнай гаспадарцы. І справа тут не толькі ў эканоміцы, але і ў псіхалогіі земляробаў. Кожны з іх імкнуўся рэалізаваць сябе як гаспадар сваёй зямлі. Думаецца, што калі б дзяржава і ў далейшым пакінула за сялянамі такую магчымасць, гэта станоўча адбілася б на развіцці сельскагаспадарчай вытворчасці.

¹ Гл.: Шкляр М. Е. Борьба компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства в восстановительный период (1921—1925 гг.). Мн., 1960. С. 101.

² Гл.: Талунтис С. // Вперед. 1923. № 1. С. 19.

³ ЦГАОР РБ. Ф. 44, оп. 1, д. 143. л. 105.

⁴ Филиал Витебского областного архива. Ф. 10051, оп. 1, д. 247, л. 256; д. 128, л. 242.

⁵ Подсчитано по ЦГАОР РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 337, л. 56.

⁶ Гл.: И о ф ф е Э. // Родник. 1989. № 10. С. 37.

І. А. ЛІТВІНОЎСКИ

ПЕРШЫЯ КРОКІ СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРЫФІКАЦЫІ НА БЕЛАРУСІ

Гады аднаўленчага перыяду сталі часам з'яўлення першых сельскіх электрычных станцый на Беларусі. Так, Барысаўскі павятовы савет народнай гаспадаркі ўжо ў чэрвені 1921 г. пачаў разглядаць рэальныя магчымасці ўстанаўлення электрычнага асвятлення ў вёсках павета¹.

Першыя сельскія электрычныя станцыі ствараліся пры саўгасах. Калі ў 1918 г. у сельскай гаспадарцы Беларусі было ўсяго тры электраўстаноўкі, то ў 1922 г. электрычныя станцыі мелі ўжо сем саўгасаў: «Смілавічы», «Блонь», «Беразіно», «Дойнічэва», «Дурынчы», «Сінча» і «Жанстанцінава». Станцыі працавалі пераважна для асвятлення гаспадарчых будынкаў у саўгасах і дамоў навакольнага насельніцтва. Буйнейшай і найбольш прыбыткавай з гэтых станцый была электрастанцыя ў Смілавічах. Яна сілкавала 412 лямпаў у мястэчку і 176 у саўгасе, прыносячы валавы даход у 1030 пудоў жыта за год (16,5 т), бо памер штомесячнай платы за электраэнергію быў устаноўлены ў 10 фунтаў жыта за лямпу. Электрастанцыя саўгаса «Блонь» давала энергію для 180 электралампаў сялянскіх дамоў Блоні і Зарэчча і 20 лямпаў вытворчых памяшканняў саўгаса, маючы даход памерам 450 пудоў жыта ў год. Электрастанцыя ў саўгасе «Беразіно» забяспечвала электраэнергіяй 300 лямпаў, а ў саўгасе «Дукора» — 450 лямпаў².

Выданая ў 1924 г. інструкцыя па ўжыванню адзінага сельскагаспадарчага падатку з'явілася важнай мерай у справе стымулявання электрыфікацыі сельскай гаспадаркі. Яна давала права саветам народных камісараў саюзных рэспублік устанаўліваць прэміраванне за ўжыванне аб'яднаннямі і насельніцтвам разнастайных удасканалванняў. Гэта прэміраванне праводзілася ў форме скідак з падатку і надбаўкі да яго. Ільготы распаўсюджваліся таксама і на тыя грамадскія арганізацыі, якія ўжывалі электрычную энергію для сельскагаспадарчых работ, апрацоўкі сельскагаспадарчых прадуктаў, саматужных промыслаў і культурных патрэб³.

Надаючы шмат увагі развіццю сельскага электрабудаўніцтва, мясцовыя органы ўлады клапаціліся таксама і пра тое, каб электрычная энергія пранікала ў самыя аддаленыя куткі рэспублікі, уносячы ў побыт мясцовага насельніцтва дасягненні сучаснай культуры. У снежні 1924 г. пленум Віцебскага акружнага выканкама прыняў план электрыфікацыі на 1925 г. У ім было прадугледжана будаўніцтва шэрагу электрычных станцый у найбольш далёкіх сёлах акругі. Запланавана было пабудаваць станцыі ў наступных месцах: 1) у маёнтку «Адамава» Сененскага раёна Алексініцкага сельсавета на рацэ Абалянка магутнасцю 30 кВт; 2) у былым маёнтку «Цяпіна» Чашніцкага раёна на прытоку ракі Улы магутнасцю 30 кВт; 3) на рацэ Аўсянцы, на мяжы Гарадокскага і Межынскага раёнаў, магутнасцю 60 кВт⁴.

Перспектывны аперацыйна-фінансавы план Віцебскага таварыства сельскагаспадарчага крэдыту прадугледжваў выдзяленне для збудавання гэтых станцый доўгатэрміновай пазыкі ў памеры 50 тыс. руб. Цалкам падтрымліваючы мерапрыемствы па сельскаму электрабудаўніцтву, Віцебскі акрвыканкам прасіў ЦВК БССР аказаць магчымую падтрымку для здзяйснення намечанага плана шляхам бясплатнага выдзялення лесаматэрыялаў, а таксама дазволу абвясціць насельніцтва, што пасля пабудовы гэтых электрастанцый яму на працягу чатырох гадоў будзе рабіцца скідка з сельскагаспадарчага падатку ў памеры ад 10 да 100 % (але не менш 5 рублёў на двор) згодна з інструкцыяй па ўжыванню адзінага сельскагаспадарчага падатку⁵.

Там, дзе ўжо існавалі электрычныя станцыі, сяляне хутка ацэнівалі іх карысць. Так, на ўрачыстым сходзе ў гонар пуску Хойніцкай электрастанцыі, які адбыўся 11 красавіка 1924 г., адзначалася, што зацікаўленасць селяніна ў электрыфікацыі вельмі моцная, таму што электраэнергія дапамагае яму ўзняць гаспадарку, палегчыць працу. Сход пастанавіў: «Лічыць неабходным імкнуцца да пашырэння і паглыблення працы па электрыфікацыі воласці, каб нараўне з электрычным асвятленнем ужываць электрычную энергію для сельскагаспадарчых машын і прыстасаванняў»⁶.

Аднаўляючы народную гаспадарку, савецкія і гаспадарчыя органы рабілі захады па падвыдзенню індустрыяльнай базы пад развіццё сельскай гаспадаркі. Гэтымі першымі крокамі і было сельскае электрабудаўніцтва.

Першыя электрычныя станцыі, якія былі пабудаваны ў сельскай мясцовасці і пачалі складаць у гады аднаўленчага перыяду групу станцый сельскагаспадарчага значэння, можна было падзяліць на наступныя віды: электрастанцыі, якія знаходзіліся ў мястэчках і працавалі ў большасці выпадкаў у комплексе з млынамі, лесапільнымі, крухмальнымі і вінакурнымі заводамі і г. д. у якасці дапаможных збудаванняў; электрастанцыі, абсталяваныя пры саўгасах. Пераважная колькасць электраэнергіі, якая вырабляецца на станцыях абодвух відаў, выкарыстоўвалася для асвятлення жылых і вытворчых памяшканняў.

Увогуле, на пачатку 20-х гг. сельскае электрабудаўніцтва знаходзілася яшчэ ў пачатковым стане, праходзіла амаль што без усялякай планавай прывязкі. Толькі з 1926/27 аператыўнага года гэтымі пытаннямі пачынае займацца створанае пры Наркамземе БССР бюро па сельскай электрыфікацыі⁷. У сферу дзейнасці бюро былі ўключаны ўсе электрычныя станцыі, якія былі ў мястэчках і многіх раённых гарадах, хаця яны часта не мелі сувязі ні з сельскагаспадарчай вытворчасцю, ні з асвятленнем вёсак. У выніку такога падліку колькасць сельскіх электрастанцый узрасла з 18 у 1925/26 г. да 24 — у пачатку першай пяцігодкі⁸. Гэтыя станцыі мелі нязначную магутнасць. Так, напрыклад, Зембінская станцыя мела магутнасць 12 кВт, а станцыя саўгаса «Дойнічэва» на Бабруйшчыне — 25 кВт⁹. Электрычнай энергіяй у пачатку першай пяцігодкі карысталася пераважна насельніцтва, якое пражывала на тэрыторыі саўгасаў. Некаторыя саўгасы або мелі ўласныя электрастанцыі, або атрымлівалі энергію з бліжэйшых мястэчак, ці раённых гарадоў. На асінаўскіх тарфяных балотах буйная раённая электрастанцыя (будучая БелГРЭС), якая будавалася з 1927 г., давала вялікія магчымасці не толькі для асвятлення вёсак, але і для сельскагаспадарчай вытворчасці.

Праблема электрыфікацыі вёсак і выкарыстання электраэнергіі ў сельскай гаспадарцы разглядалася на сесіі ЦВК БССР васьмага склікання, якая праходзіла ў Мінску ў верасні 1928 г., як адна з галоўных задач аднаўлення. Зыходзячы з рашэнняў сесіі ЦВК БССР, камісія па ўліку спажыву току БелГРЭС непасрэдна занялася пытаннем электрыфікацыі сельскай гаспадаркі. У сувязі з тым, што галоўным спажывцом электраэнергіі павінен быў стаць Віцебск і яго акруга, у канцы 1928. камісія распрацавала і ўзгадніла з наркаматам Земляробства, Віцебскім акрпланам і акрзямаддзелам план электрыфікацыі. Члены рабочай часткі камісіі сумесна з прадстаўнікамі райвыканкамаў аб'ехалі ўсе месцы, дзе пройдзе лінія трасы, выявіўшы ўсіх патэнцыяльных спажывцоў.

Віцебская акруговая планавая камісія распрацавала тарыфы платы за электраэнергію ў сельскай мясцовасці. У аснову іх былі пакладзены фактычныя выдаткі селяніна на газу для асвятлення і малацбу каласавых (асвятляльны і вытворчы тарыфы былі розныя). Даследаванні паказалі, што найменшая сума расходаў на газу складае прыкладна 4 рублі за год на двор, а ў асобных выпадках яна дасягала 12 рублёў. Зыходзячы з гэтага і быў намечаны тарыф: за лямпу на 16 свечак (20 Вт) — 4 рублі за год (34 капеек за месяц); за 1 лямпу на 25 свечак (30 Вт) — 6 рублёў за год (50 капеек за месяц). У вытворчасці ўстанаўлівалася аплата 10 капеек за кілават-гадзіну. Ужыванне электрычнасці ў сельскай гаспадарцы не толькі аблягчала працу, але было выгадна і з эканамічнага пункту гледжання.

У ліпені 1929 г. акруговая камісія па планаванню разгледзела пытанне аб электрыфікацыі Аршанскага, Дубровенскага, Горэцкага і Дрыбінскага раёнаў. Ад кожнай падстанцыі будучай БелГРЭС было запланавана электрыфікаваць 140 населеных пунктаў, з якіх каля 50 складалі калгасы і саўгасы. Да 1 ліпеня 1929 г. па Віцебскаму, Аршанскаму, Дубровенскаму, Шклоўскаму і Капыльскаму раёнам меркавалася пракласці 25 трас, ахапіўшы 415 населеных пунктаў¹⁰.

Магутнасць запраектаваных да скарыстання ў сельскай гаспадарцы электраматораў, якія павінны былі атрымліваць электраэнергію толькі ад Беларускай ГРЭС, шматразова перавышала сумарную магутнасць усіх электраматораў, усталяваных у сельскай гаспадарцы Беларусі да 1931 г., якая дасягала толькі да 144 кВт.

Недахопы ў развіцці сельскай электрыфікацыі Беларусі ў 20-я гг. тлумачацца перш за ўсё цяжкасцямі ў фінансаванні сельскага электрабудаўніцтва і адноснай дарагоўляй электраэнергіі, якую выраблялі

на невялікіх станцыях, малалікасю адпаведных спецыялістаў, адсутнасцю эканамічна абгрунтаваных праектаў сельскіх электрастанцый, а таксама слаба разгорнутай прапагандай ролі электраэнергіі ў індустрыялізацыі сельскай гаспадаркі.

¹ Гл.: Беларуская деревня. 1921. 24 чэрвеня.

² Гл.: Народное хозяйство Белоруссии. 1922. № 12. С. 71—72.

³ Гл.: Беднота. 1924. 8 чэрвеня.

⁴ ЦДАКР РБ. Ф. 143, воп. 1, спр. 24, арк. 97.

⁵ Т а м ж а. Арк. 97—98.

⁶ ДА Гомельскай вобласці. Ф. 665, воп. 1, спр. 20, арк. 3.

⁷ Савецкая Беларусь. 1928. 31 снежня.

⁸ Ад з'езду да з'езду. Менск, 1929. С. 168.

⁹ ЦДАКР РБ. Ф. 48, воп. 1, спр. 4432, арк. 296—297, 518—520.

¹⁰ Т а м ж а. Ф. 63, воп. 1, спр. 2093, арк. 239; ДА Віцебскай вобласці. Ф. 130, воп. 2, спр. 2, арк. 11.

І. В. ФРАЛОВА

БЕЛАРУСІЗАЦЫЯ НАРОДНАЙ АСВЕТЫ ў 20-я ГАДЫ

Першыя крокі па ажыццяўленню палітыкі беларусізацыі пачаліся яшчэ ў 1918 г., калі быў утвораны Беларускі нацыянальны камісарыят, культурна-асветніцкі адзел якога ставіў сваёй мэтай арганізацыю адзінай працоўнай школы на Беларусі. Адзел склікаў у Маскве з'езд настаўнікаў з Беларусі, дзе абмяркоўваўся план развіцця народнай асветы ў рэспубліцы. З 11 ліпеня па 12 жніўня 1918 г. у Маскве пад кіраўніцтвам аддзела праходзілі заняткі народнага ўніверсітэта для настаўнікаў, дзе быў прачытаны курс лекцый па гісторыі і геаграфіі Беларусі. У пунктах найбольшага скак-цэнтравання бежанцаў з Беларусі адзел адкрыў школы для іх дзяцей.

Адзін з першых дэкрэтаў ЛітБела — «Дekret о реорганизации школьного дела» — прадпісаў пры стварэнні адзінай працоўнай школы трымацца прынцыпу «нацыяналізацыі», што азначала навучанне на роднай мове пры адначасовым вывучэнні адной з моў, распаўсюджанай у рэспубліцы. У развіццё палажэнняў дэкрэта НКА ЛітБ выдаў інструкцыю аб мясцовых мовах: вывучэнне другой мовы ўводзілася з трэцяга года навучання, а выбар яе даваўся саветам народнай асветы пры павятовых альбо гарадскіх аддзелах народнай асветы¹.

29 кастрычніка 1920 г. на пасяджэнні камітэта Наркамасветы Беларусі было пастаўлена пытанне аб неабходнасці пашырэння дзейнасці беларускіх секцый пры павятовых аддзелах народнай асветы. 20 лістапада 1920 г. загадчык беларускага аддзела НКА В. Ільчонак направиў Мінскай губернскай партыйнай тройцы запіску з абгрунтаваннем неабходнасці пераводу навучання ў школах на беларускую мову і адначасовую арганізацыю школ для ўсіх нацыянальных меншасцей рэспублікі. Пастанова Цэнтральнага бюро КП(б)Б ад 1 снежня 1920 г. «О белорусизации Компроса» нацэльвала на «принудительность изучения белорусского языка» і неабходнасць устанаўлення «равноправия местных языков»². У снежні 1920 г. у Мінску пачалі дзейнічаць курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў беларускай пачатковай школы: да выкладання на іх былі запрошаны некаторыя прадстаўнікі апазіцыйнай інтэлігенцыі: Ю. М. Лёсік, П. Бадунова і іншыя.

З пачатку 1921/22 вучэбнага года ў БССР прыступілі да практычнага ажыццяўлення беларусізацыі ў нулявых і першых класах сямігадак і вясковых школах, кантынгент якіх складваўся з дзяцей-беларусаў. Арганізацыя беларускіх школ была немагчымай без дастатковай колькасці падручнікаў і кніг. Ужо вясною 1921 г. Ільчонак направиў у СНК БССР пісьмо, дзе адзначаў, што «становішча з беларускімі кніжкамі страшэнна цяжкае, кніжак німа». 6 красавіка 1922 г. НКА сваім цыркулярам растлумачыў Мінскаму гарадскому адзелу асветы, што «выхаваньне дзяцей у садах павінна вельміся на роднай мове»³. Загад НКА № 267 ад 14 верасня 1922 г. патрабаваў: «Ва ўсіх школах на тэрыторыі Б.С.С.Р. дзе выкладаньне вядзецца на расейскай і польскай мове, абавязкова ўвесьці беларускую мову, як прадмет, з першай клясы, а ў жыдоўскіх і іншых чыста-нацыянальных школах — з 4 клясы»⁴.

7 мая 1923 г. калегія Галоўпрафасветы ССРБ зацвердзіла палажэнне аб педтэхнікумах, дзе між іншым было запісана: «Педагогический техникум выпускает преподавателей на родном языке»⁵. З лета 1923 г. курсы

(паўтарамесячныя) для настаўнікаў беларускай мовы і па беларусазнаўству дзейнічалі ўжо на ўсёй тэрыторыі рэспублікі⁶.

Самі настаўнікі таксама выступалі з ініцыятывай беларусізацыі школы. Так, напрыклад, 30 жніўня 1922 г. у Бабруйскай аддзел народнай асветы ад калектыву настаўнікаў школы 2-й ступені імя Луначарскага паступіла заява з просьбай дазволіць вывучэнне ў 1922/23 вучэбным годзе праграмы з дабаўленнем беларусазнаўства (мова, гісторыя, геаграфія) у аб'ёме прыкладных праграм, зацверджаных НКА для 7-гадовай школы⁷.

І Усебеларускі з'езд работнікаў асветы (25—26 мая 1923 г.) абмеркаваў пытанне аб арганізацыі 6-месячных курсаў для настаўнікаў, на якія павінны былі запрашацца лепшыя лектары па беларусазнаўству⁸. Цікава, што на гэтым жа з'ездзе было пастаўлена пытанне аб распаўсюджванні па ўсім паведам рэспублікі буквара Некрашэвіча, а таксама прапанаваны спіс падручнікаў і кніг для беларускіх школ. Сярод іх падручнікі, напісаныя Лёсікам, Тарашкевічам, Гарэцкім, Луцэвічам, Смолічам і іншымі⁹. Большасць пералічаных аўтараў гэтых падручнікаў — прадстаўнікі нацыянальнай інтэлігенцыі, актыўныя ўдзельнікі нацыянальна-рэвалюцыйнага руху ў дакастрычніцкі перыяд, якія знаходзіліся ў палітычнай апазіцыі бальшавікам.

Гэта былі толькі першыя крокі беларусізацыі школьнай асветы ў рэспубліцы. «Практычныя мерапрыемствы агульнага характару па правядзенню нацыянальнай палітыкі», прынятыя ліпеньскім (1924) пленумам ЦК КП(б)Б, а таксама шэраг адпаведных пастановаў другой сесіі ЦВК БССР замацавалі беларусізацыю ў якасці афіцыйнай дзяржаўнай палітыкі. У сферы дзейнасці НКА трэба было ажыццяўляць «навучанне і выкладанне ва ўсіх установах сацыяльнага выхавання і профтэхнічнай адукацыі, культурна-асветніцкіх установах на роднай матчынай мове... няўхільная, паступовая і паслядоўная беларусізацыя культурна-асветніцкіх устаноў, далучаных да Гомельскай, Віцебскай, Смаленскай губерній...» Забеспячэнне школ з пераважнай колькасцю дзяцей беларускай нацыянальнасці педагогамі-беларусазнаўцамі, знаёмства ўсіх настаўнікаў з беларускай мовай, увод беларускай мовы як абавязковага прадмета ва ўсіх школах¹⁰.

Вынікі палітыкі беларусізацыі школы сталі адчувацца вельмі хутка. Напрыклад, калі ў 1919 г. за 10 паведаў Мінскай губерні выкладанне на беларускай мове вялося толькі ў адным, то ў 1924 г. у Мінскай акрузе налічвалася беларускіх школ — 110, а ў 1925 — ужо 146¹¹. У справядачы Мінскага выканаўчага камітэта за кастрычнік 1924 — красавік 1925 гг. і акружнаму з'езду Саветаў падкрэслівалася: «асноўным дасягненнем народнай асветы з'явілася больш глыбокае і паслядоўнае правядзенне прынцыпу навучання на роднай мове... умацаванне нацыянальнай школы...»¹²

К пачатку 1927 г. у Мінску (з нацыянальным складам насельніцтва: беларусаў — 40 %, яўрэяў — 43,4, палякаў — 4, рускіх — 7,2, іншых — 4,7 %) налічвалася школ: беларускіх — 145, яўрэйскіх — 99, рускіх — 70, польскіх — 22. У Мінскай акрузе беларускія школы складалі 56 %, польскія — 3,32, яўрэйскія — 2,92 %¹³.

Іншым было становішча ў рэгіёне, далучаным да Беларусі ў 1924—1926 гг. (Гомельская, Віцебская, Магілёўская, Смаленская губерні), дзе вельмі глыбокімі былі карані «русіфікацыі». Нават сярод настаўнікаў-беларусаў толькі каля 30 % ведалі беларускую мову¹⁴.

На пасяджэнні бюро ЦК КП(б)Б 24 ліпеня 1925 г. было вырашана перавесці ў далучаным у 1924 г. да БССР рэгіёне на беларускую мову другі і трэці гады навучання ўсіх працоўных школ, кантынгент якіх складалі дзеці беларускай нацыянальнасці, павялічыць колькасць яе гадзін у 6—7-х класах. Не прымушаць, а растлумачваць бацькам неабходнасць вывучэння беларускай мовы, умацоўваць іншыя нацыянальныя школы¹⁵.

Аднак да палітыкі беларусізацыі на месцах не ўсюды адносіліся памяркоўна. Так, у паведамленні Чырэйскага РАНА Барысаўскаму акружнаму аддзелу асветы ад 2 лютага 1925 г. адзначалася, што выкладанне беларускай мовы ў мясцовых школах пачалося толькі з 1925 г. У школах г. Барысава самі настаўнікі не жадалі вывучаць беларускую мову, хаця лічылі, што выкладанне яе вучням неабходна. Барысаўскі АНА прапанаваў настаўнікам першай школы-сямігодкі перавесці ў трохтыднёвы тэрмін выкладанне на беларускую мову, пагражаючы, калі гэта не будзе выканана, звальненнем з работы¹⁶.

У дакладзе Мінскага акружнага аддзела народнай асветы аб правядзенні нацыянальнай палітыкі (1925 г.) адзначалася: «В этом учебном году при комплектовании школ детьми было проявлено максимум усилий к тому,

чтобы, независимо от желаний родителей и детей, определить последних в школы, преподавание в которых велось бы на их родном языке», «имелись случаи сокрытия родителями национальности детей (со стороны мелкобуржуазной интеллигенции и мещанского элемента)». Мінскі АНА бачыў сваю задачу ў тым, каб «разрушить у учительства (белорусского) вредный взгляд на белорусский язык, который, по их мнению, не был «понятен» даже для самого крестьянина»¹⁷.

19 сакавіка 1926 г. нацыянальная камісія ЦВК БССР разглядала справу Жлобінскай школы, якая адказалася пераходзіць на беларускую мову, хаця 80 % яе навучэнцаў былі беларусамі¹⁸.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, у выніку правядзення палітыкі беларусізацыі да 1928 г. каля 80 % школ было пераведзена на беларускую мову навучання. Разам з тым ва ўсіх навучальных установах беларуская і руская мовы з'яўляліся абавязковымі прадметамі выкладання. Адначасова захоўваліся і адчыняліся адпаведна патрабаванням новыя школы і класы з роднай мовай навучання для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў. Так, у 1927 г. выкладанне ў школах Беларусі вялося на васьмі нацыянальных мовах (80 % школ — беларускамоўныя, прыкладна 20 % — яўрэйскія, польскія, рускія, па адной школе — эстонская і ўкраінская, літоўская і латышскія нацыянальныя класы).

Да 1928 г. на Беларусі дзейнічалі шэсць педагагічных тэхнікумаў: чатыры беларускіх, яўрэйскі і польскі. Паўсюдна працавалі курсы беларусазнаўства. Абавязковымі для вывучэння ва ўсіх школах, акрамя беларускай і рускай моў, з'яўляліся: гісторыя, прыродазнаўства, геаграфія, краязнаўства і эканоміка Беларусі. На беларускую мову была пераведзена большая частка прафесійна-тэхнічных вучылішч, школ рабочай і сялянскай моладзі. У выніку ў 20-я гг. была створана адзіная беларуская школа, якая давала прастору для развіцця творчасці настаўніка. К канцу 20-х гг. школа мела даволі трывалую матэрыяльную базу. Вялікая праца была затрачана на падрыхтоўку і друкаванне падручнікаў для беларускіх школ, у асноўным за мяжой — у Германіі.

Безумоўна, пры правядзенні беларусізацыі назіраліся і цяжкасці, і негатыўныя з'явы: элементы вялікадзяржаўнага і мясцовага нацыяналізму, аўтарытарызм, узмацненне адміністрацыйна-каманднага дыктату, залішняе фарсіраванне тэмпаў беларусізацыі. Пераадолець усе гэтыя з'явы ў той час цалкам не ўдалося. Такія перакосы вызывалі незадаволенасць некаторай часткі насельніцтва, а галоўнае, садзейнічалі ажыўленню сапраўды вялікадзяржаўных, нацыяналістычных поглядаў, носьбіты якіх выкарыстоўвалі іх для кампраметацыі палітыкі беларусізацыі.

Адмаўленне ад нэпа ў канцы 20-х гг. непазбежна прывяло да дэфармацыі ў нацыянальнай і культурнай палітыцы. У 1931 г. рэспубліканскія ўлады прынялі пастанову аб узмацненні барацьбы з ухілам ў нацыянальным пытанні. Пачалася барацьба з нацыянал-дэмакратызмам, калі ўжо навучанне на беларускай мове становілася аргументам для абвінавачвання ў «нацдэмаўшчыне».

Вяртаючыся да 20-х гг., неабходна аб'ектыўна ацэньваць і выкарыстоўваць тагачасныя дасягненні ў нацыянальна-культурным будаўніцтве. Аднак, як і любы вопыт, вопыт беларусізацыі павінен выкарыстоўвацца творча, у адпаведнасці з новымі ўмовамі.

¹ Гл.: Школа и культура Советской Белоруссии. 1919. № 1. С. 16, 20.

² ЦДАКР РБ. Ф. воп. 1, спр. 4, л. 2; НАРБ. Ф. 4, воп. 1, спр. 833, л. 65.

³ ДА Мінскай вобласці. Ф. 3, воп. 1, спр. 169, л. 11; ЦДАКР РБ. Ф. 42, воп. 1, спр. 65, л. 15; ДА Мінскай вобласці. Ф. р-322, воп. 1, спр. 88, л. 19.

⁴ Там жа. Л. 147.

⁵ ЦДАКР РБ. Ф. 42, воп. 1, спр. 211, л. 33.

⁶ ДА Мінскай вобласці. Ф. 3, воп. 1, спр. 169, л. 11.

⁷ ЦДАКР РБ. Ф. 42, воп. 1, спр. 125, л. 119.

⁸ Там жа. Спр. 129, л. 4.

⁹ Там жа. Спр. 202, л. 212.

¹⁰ Гл.: Решения и резолюции ВКП(б) и КП(б)Б по национальному вопросу. Мн., 1926. С. 43—44.

¹¹ ЦДАКР РБ. Ф. 42, воп. 1, спр. 1, л. 2—33.

¹² ДА Мінскай вобласці. Ф. 3, воп. 1, спр. 71, л. 46.

¹³ Там жа. Ф. р-3, воп. 1, спр. 281, л. 13, 55.

¹⁴ ЦДАКР РБ. Ф. 101, воп. 1, спр. 1595, л. 2, 4.

¹⁵ НАРБ. Ф. 4, воп. 7, спр. 17, л. 193.

¹⁶ ДА Мінскай вобласці. Ф. 321, воп. 1, спр. 163, л. 3—7.

¹⁷ Там жа. Ф. 3, воп. 1, спр. 169, л. 7—8.

¹⁸ Там жа. Спр. 168, л. 90.

А. А. РУМАК

БАРАЦЬБА ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ ЗА УПЛЫЎ НА КЛАСАВЫЯ ПРАФСАЮЗЫ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921—1933)

Вызначаючы для сябе ў якасці галоўнай мэты абарону сацыяльна-эканамічных інтарэсаў працоўных, прафсаюзы Заходняй Беларусі, як і ўсёй Польшчы, у 1921—1933 гг. не маглі пазбегнуць удзелу ў палітычным жыцці грамадства. Прычына гэтага крылася ў падлегласці прафесійных саюзаў уплыву палітычных аб'яднанняў. Амаль усе палітычныя партыі імкнуліся да распаўсюджвання сваіх уплываў на прафсаюзы, самыя масавыя і арганізаваныя аб'яднанні працоўнага насельніцтва, каб падпарадкаваць іх дзейнасць дасягненню сваіх палітычных мэтаў.

Саперніцтва палітычных аб'яднанняў за дамінуючы ўплыў выразна праявілася ў класавых прафсаюзах Заходняй Беларусі. У Беластоку акруговы камітэт Камуністычнай рабочай партыі Польшчы (КРПП) на працягу 1921—1923 гг. стаў найбольш уплывовай палітычнай сілай сярод арганізаваных працоўных. У пачатку 1921 г. камуністы распаўсюдзілі свой уплыў у беластоцкіх прафсаюзах краўцоў, работнікаў тытунёвай прамысловасці, будаўнікоў і гарбароў. Пад канец таго ж года ў 12 прафесійных саюзах пераважная большасць іх членаў ішла за камуністамі, акрамя ганцлёвых работнікаў, якія сімпатызавалі Польскай сацыялістычнай партыі (ППС). У Гродне ў студзені 1922 г. камуністы ўплывалі на дзейнасць чатырох з шасці класавых саюзаў¹.

Перавага камуністаў высветлілася і ў авалоданні кіруючымі прафсаюзнымі органамі. На першай ва ўсходніх ваяводствах акруговай канферэнцыі класавых прафсаюзаў 27 жніўня 1922 г. у Беластоку за рэзалюцыю камуністаў аддалі свае галасы 68 дэлегатаў, астатнія 20 набралі ППС і Бунд. У акруговую камісію было абрана 25 чалавек, у пераважнай колькасці з левымі поглядамі. На наступнай канферэнцыі 22 мая 1923 г. камуністы і іх прыхільнікі налічвалі 45 дэлегатаў з 68².

Барацьба за ўплыў на класавыя прафсаюзы ў Вільні прынесла супрацьлеглыя вынікі. На акруговай канферэнцыі 16 ліпеня 1922 г. за рэзалюцыю ППС галасавалі 47 удзельнікаў, з імі былі згодныя па ўсіх пытаннях 9 будаўніцаў. Камуністы разам са сваімі прыхільнікамі атрымалі 37 галасоў. На выбарах у раду бальнічнай касы Вільні ў верасні 1923 г. ППС і Бунд абыйшлі сваіх сапернікаў. Вынікі выбараў прынеслі ім адпаведна дзесяць і сем мандатаў, а левому адзінаму фронту толькі тры.

Наступныя гады прывялі да аслаблення ролі камуністаў у класавых прафсаюзах Заходняй Беларусі, што было выклікана наступнымі абставінамі. Па-першае, на рэвалюцыйныя выступленні працоўных Польшчы ўрад адказаў рэпрэсіямі. Больш за ўсіх яны закранулі КРПП, чые дзеянні і лозунгі былі самымі радыкальнымі і небяспечнымі для існаваўшага ладу. У кастрычніку 1924 г. былі забаронены дзевяць класавых саюзаў, апанаваных камуністамі. Па-другое, Кампартыя Заходняй Беларусі на II канферэнцыі (1924 г.) прыняла курс на ўзброенае паўстанне, ігнаруючы агульнапольскую рэвалюцыйную абстаноўку. Усе намаганні камуністы засяродзілі на пашырэнні непапулярных узброеных партызанскіх выступленняў і тым самым значна аслабілі свой уплыў у рабочым руху.

У маі 1926 г. у Польшчы адбыліся падзеі, вельмі значныя для развіцця краіны ў міжваенны перыяд. Былы «начальнік дзяржавы» Юзэф Пілсудскі з дапамогай адданных яму вайскоўцаў звергнуў канстытуцыйны ўрад блока «Хьено-Пяста». Правабуржуазны характар гэтага блока, з аднаго боку, і былая прыналежнасць Пілсудскага да рэвалюцыйнай фракцыі ППС, з другога, надалі яму воблік чалавека левых, сацыялістычных поглядаў. Дзяржаўны пераварот падтрымала большасць насельніцтва, цэнтрэцкія і левыя партыі, нават камуністы. Праўда, хутка і КПП, і КПЗБ свае паводзіны ў маі прызналі памылковымі.

Майскія падзеі і абвешчаныя палітыка «санацыі» (адраджэння краіны) прывялі да актывізацыі палітычнага жыцця, што выклікала некаторыя перамены ў прафсаюзным руху. Нягледзячы на агульны крызіс польскіх прафсаюзаў, пасля 1923 г. распад класавых саюзаў замарудзіўся, а ў далейшым нават адбыўся рост колькасці ад 218 тыс. членаў у 1926 г. да 241 тыс. у 1929⁴. У той жа час абвастрылася праблема палітычнага адзінства саюзаў. Аб сваіх прэтэнзіях на кіраўніцтва класавымі прафсаюзамі заявіла новая партыя, узнікшая ў чэрвені 1926 г. — ППС-лявіца. Яна аб'яднала

членаў ППС, нязгодных з палітыкай Пілсудскага. ППС-лявіцу актыўна падтрымлівалі камуністы, якія бачылі ў ёй процівагу ППС і магчымасць выкарыстоўваць легальнае становішча для прыкрыцця сваёй дзейнасці. Цэнтральныя камітэты КПП і КПЗБ прапанавалі сваім членам уступаць у рады ППС-лявіцы, каб дапамагчы станаўленню яе мясцовых арганізацый.

Сацыяльна-палітычны крызіс у краіне і антыўрадавны выступленні працоўных прымусілі КПЗБ у першай палове 1926 г. змяніць тактыку. Крыху раней, у студзені, на III канферэнцыі яна прызнала памылковым курс на ўзброенае паўстанне і адмовілася ад яго. Было прынята рашэнне накіраваць барацьбу працоўных горада і вёскі на задавальненне іх паўсядзённых патрабаванняў, не забываючы, аднак, пра канчатковыя лозунгі партыі. Перамена тактыкі камуністаў дазволіла ім заваяваць у 1926 г. прафсаюзы польскіх металістаў у Брэсце, муніцыпальных рабочых і будаўнікоў у Вільні, дрэвапрацоўшчыкаў і аддзяленне «Іглы» у Слоніме. На пачатак 1927 г. у чатырох буйнейшых рабочых цэнтрах Заходняй Беларусі левую палітыку праводзілі 28 класавых саюзаў: у Беластоку — шэсць, Вільні — пяць, Брэсце — дзесяць, Гродне — сем⁵.

Умацаванню левай апазіцыі ў класавых прафсаюзах садзейнічала і ППС-лявіца. Яе фракцыі былі створаны ў пасці прафсаюзах Гродна і ў трох Беластока. Пад уплывам мясцовага камітэта ППС-лявіцы ў чэрвені 1928 г. знаходзілася ад 20 да 60 % членаў сямі класавых прафсаюзаў у Вільні⁶.

Радыкалізм камуністаў і ППС-лявіцы ў змаганні за прафсаюзы сустракаў моцнае супраціўленне ППС і Бунда. Яны ўдала выкарыстоўвалі перавагу свайго легальнага становішча і знаходжанне Цэнтральнай камісіі прафсаюзаў (ЦКЗЗ) пад уплывам іх партый. Саюзам, якія знаходзіліся пад уплывам левых, адмаўлялі ў легалізацыі і памяшканнях, а некаторыя з іх наогул забаранялі. У выніку акруговыя і павятовыя камітэты ППС і Бунда ўзмацнілі ўплыў на класавыя прафсаюзы Беластока, Вільні, Гродна, Баранавіч, Пінска і Ліды.

Сацыял-дэмакраты здолелі ўтрымаць за сабою міжсаюзныя органы і не дазволілі замацавацца ў іх камуністам. У другой палове 20-х гадоў акруговыя камісіі ў Вільні і Беластоку, мясцовыя рады класавых прафсаюзаў у Гродна, Вільні, Ваўкавыску, Баранавічах і Сувалках засталіся ў руках Бунда і ППС. У некаторых месцах (Беласток, Сувалкі) пасады штатных сакратароў прафсаюзных органаў былі сумешчаны з пасадамі кіраўнікоў камітэтаў ППС. Камуністы авалодалі толькі гарадской радай у Брэсце, якую закрыла цэнтральная камісія. На кароткі час гэта ім удалося зрабіць у Пінску. На выбарах новага праўлення рады ў жніўні 1927 г. усе сем мандатаў атрымалі прыхільнікі КПЗБ. Павятовы камітэт ППС пачаў праводзіць сходы ў прафсаюзах, каб дабіцца перавыбараў, а яго прадстаўнік у ЦКЗЗ Дзягілеўскі прапанаваў распустыць пінскую раду за невыкананне рашэнняў цэнтральнай камісіі. Перавыбары праўлення на сходзе рады 29 кастрычніка прынеслі перамогу ППС і Бунду⁷.

Барацьба палітычных партый паміж сабой за прафсаюзы наносіла сур'ёзны ўрон адзінству класавага прафесійнага руху. Пытанне аб адзінстве ўзнікала і ажыццяўлялася толькі эпизадычна. Так, у сакавіку—красавіку 1926 г. левыя саюзы і арганізацыі КПЗБ звярнуліся да акруговых камісій і рад прафсаюзаў, і сваіх палітычных апанентаў з прапановай правесці святкаванне 1 Мая на адзінай платформе. У Беластоку на акруговай канферэнцыі прафсаюзаў быў абраны першамайскі камітэт, у які ўвайшлі прадстаўнікі ППС, бундаўцаў і камуністаў. У Пінску да згоды прыйшлі камуністы, Бунд і ППС-лявіца⁸.

У апошні перад эканамічным крызісам год адбыліся рэзкія перамены ў адносінах камуністаў да сацыял-дэмакратаў. Гучныя заявы камуністаў аб неабходнасці адзінства не адпавядалі справам, накіраваным супраць узэмадзеення з ППС і Бундам. У лісце ад 7 лютага 1929 г. віленскаму акруговаму камітэту прафаддзел ЦК КПЗБ адзначыў, што «адзінства класавых прафсаюзаў у нашым разуменні гэта было і ёсць адзінства найшчырайшых рабочых масаў пад кіраўніцтвам кампартыі...» КПП і КПЗБ паклёпніцкі абвінавачвалі ППС у прамой змове з рэакцыйнымі буржуазнымі коламі і, больш таго, у фашызме. Нават пасля расколу яе ў 1929 г. і вылучэння фракцыі, якая адкрыта заявіла аб падтрымцы Пілсудскага, сама ППС перайшла ў апазіцыю рэжыму. ЦК КПЗБ не бачыў ніякай розніцы паміж дзвюма фракцыямі: «уса ППС і да, і пасля расколу была і ёсць сацыял-фашысцкая, усе яе лідэры і дзеячы былі і ёсць агенты фашызму ў рабочым класе, усе яны служылі і служаць буржуазіі...» Не менш абразліва ацэньвалі камуністы дзейнасць Бунда і дзвюх фракцый ППС⁹.

Безумоўна, прэтэнзіі камуністаў на аднаасобнае кіраўніцтва рабочым рухам, непрыманне імі любых мірных форм абароны сацыяльна-эканамічных інтарэсаў працоўных і беспадстаўнае абінавачванне сацыял-дэмакратаў у фашызме пашырала мяжу паміж працоўнымі рознай палітычнай арыентацыі.

Гэты паварот ў дзейнасці КПП і КПЗБ — не іх уласнае параджэнне, а быў выкліканы працэсамі ва ўсім камуністычным руху таго часу. Так, у 1928 г. VI кангрэс Камінтэрна і IV кангрэс Прафінтэрна зацвердзілі новую тактыку барацьбы «клас супраць класа». Яна прадугледжвала абстрактнае барацьбы ў першую чаргу с сацыял-дэмакратыяй, якая была вызначана як «сацыял-фашызм». Новая тактыка камуністаў у прафсаюзах выявілася ў лозунгу «адзіны фронт знізу». З гэтага моманту забараняліся ўсялякія кантакты з кіраўніцтвам рэфармісцкіх класавых прафсаюзаў, дазваляліся кантакты толькі з іх радавымі членамі.

Новая тактыка была глыбока памылковай і небяспечнай для рабочага руху. Яна вяла да арганізацыйнага расколу класавых прафсаюзаў. У Пленум ЦК КПП у студзені 1929 г. прыняў рэзалюцыю, якая заклікала да ўтварэння рэвалюцыйных прафсаюзаў. Услед за ім адбыўся II Пленум ЦК КПЗБ, які таксама прыняў рашэнне аб арганізацыі рэвалюцыйных саюзаў як «адзіны спосаб зберагчы прафрух для класавай барацьбы і сацыялізму» і даў арыентацыю на самастойную арганізацыю забастовачных кампаній і самастойнае кіраўніцтва імі¹⁰. У хуткім часе чырвоныя прафсаюзы ўзніклі ў Вільні — работнікаў шкляной, хімічнай і скураной вытворчасці, друкароў, пекараў, абутнікоў і транспартнікаў; у Беластоку — металістаў, дрэваапрацоўшчыкаў і пекараў. Невялікія саюзы былі створаны ў Брасце, Пінску і другіх гарадах і мястэчках. Ад класавых рэвалюцыйных саюзы адрозніваліся нешматлікасцю і паўлегальным становішчам. Кіраваў імі Савет рэвалюцыйных прафсаюзаў.

Агульная колькасць членаў самастойных левых прафсаюзаў у Заходняй Беларусі складала больш за 2 тыс. і таму яны адыгрывалі ў рабочым руху значна меншую ролю, чым планавалася¹¹. Імкненне камуністаў любой цаной арганізаваць паралельныя саюзы аслабляла іх уплыў на працоўных.

Праз некаторы час ЦК КПЗБ на III Пленуме быў вымушаны правесці карэктыроўку рашэнняў папярэдняга пленума. Было прызнана магчымым ствараць паралельныя (рэвалюцыйныя) прафсаюзы толькі там, дзе працоўныя наогул не ахоплены прафрухам, ні ў якім разе не выходзіць з рэфармісцкіх саюзаў, умацоўваючы іх левую апазіцыю. У адказ на актыўнае барацьбы камуністаў супраць ППС і Бунда кіраўніцтва класавых прафсаюзаў загадала выключыць членаў КПЗБ і іх прыхільнікаў са сваіх саюзаў. Цэнтральная камісія і місцёвыя рады зачынілі шэраг левых аддзелаў: у Беластоку — пекараў, Пінску — рабочых хімічнай вытворчасці, Вільні — гарбароў, Гродне — «Іглы», а ў Кобрыне — чатыры аддзелы прафсаюзаў¹².

Далейшае паглыбленне эканамічнага крызісу і пагаршэнне становішча працоўных мас КПП і КПЗБ успрынялі як прыкметы новага рэвалюцыйнага пад'ёму. Таму яны сталі празмерна палітызаваць эканамічную барацьбу працоўных і патрабаваць абвясчэння ўсеагульнай рэвалюцыйнай забастоўкі. Такая ацэнка сітуацыі ў краіне абумовіла адыход ад умераных рашэнняў VI Пленума ЦК КПП і III Пленума ЦК КПЗБ і вяртанне да папярэдніх радыкальных рашэнняў. У гэтым ім «дапамог» V кангрэс Прафінтэрна, на якім узялі верх лявацкія тэндэнцыі. Пад іх уплывам была абвешчана самая жорсткая барацьба супраць лідэраў класавых прафсаюзаў, прынята рашэнне аб зняцці лозунга «Ідзіце ў рэфармісцкія прафсаюзы». Было падкрэслена, што стварэнне новых самастойных прафсаюзаў магчыма, у першую чаргу, у Германіі і Польшчы.

Рэкамендацыі Прафінтэрна падштурхнулі КПП утварыць уласны прафсаюзны цэнтр — прафсаюзную ляміцу, каб аб'яднаць рэвалюцыйныя прафсаюзы, левую апазіцыю ў класавых і некласавых саюзах, фабрычныя камітэты і камітэты беспрацоўных. У студзені 1931 г. у Варшаве на паўлегальнай канферэнцыі быў абраны крайны камітэт Прафлявіцы. У Заходняй Беларусі гарадскія камітэты дзейнічалі ў Вільні і Беластоку. Да 1933 г. Прафлявіца ў Заходняй Беларусі змагла аб'яднаць вакол сябе толькі каля 4 тыс. чалавек. Яна актыўна ўдзельнічала ў страйкавай барацьбе працоўных. У 1932, кульмінацыйным годзе эканамічнага крызісу, групы і дзеячы Прафлявіцы кіравалі 19 і аказвалі рашучы ўплыў на ход 10 страйкаў з удзелам 25 тыс. рабочых¹³. Аднак Прафлявіца не змагла аб'яднаць большасць арганізаваных працоўных, на што разлічвала

кіраўніцтва КПЗБ. Асноўная частка іх засталася ў складзе легальных класавых прафсаюзаў, з якімі яны былі традыцыйна звязаны. У пачатку 1933 г. да акруговых камісій у Беластоку і Вільні належыла 10754 члены саюзаў¹⁴.

Барацьба палітычных партый за ўплыў на прафсаюзы вяла да расколу прафесійнага руху і была, натуральна, не на карысць інтарэсам працоўных. Масавыя выступленні працоўных Заходняй Беларусі ў час крызісу паказалі, што паспяхова абараняць сваё сацыяльна-эканамічнае становішча і дэмакратычныя правы працоўныя рознай палітычнай арыентацыі могуць толькі тады, калі яны выступаюць адзіным фронтам.

¹ Гл.: Ruch robotniczy na Białostocczyźnie: Studia i materiały. Warszawa, 1987. S. 51.

² Гл.: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 242, воп. 1, спр. 3, арк. 85.

³ Гл.: Революционное движение в Вильнюсском крае. 1920—1940: Документы и материалы. Вильнюс, 1978. С. 55, 63.

⁴ Гл.: Kwartalnik historii ruchu zawodowego. Warszawa, 1984. № 3. S. 55.

⁵ Гл.: НАРБ. Ф. 242, воп. 1, спр. 189, арк. 46.

⁶ Гл.: Дзяржаўны архіў Літоўскай Рэспублікі. Ф. 51, воп. 17, спр. 19, арк. 27, 28.

⁷ Гл.: Дзяржаўны архіў Брэскай вобласці (ДАБВ). Ф. 2, воп. 1, спр. 1294, арк. 214.

⁸ Гл.: НАРБ. Ф. 242, воп. 1, спр. 15, арк. 121.

⁹ Там жа. Спр. 150, арк. 208, 407.

¹⁰ Там жа. Арк. 478.

¹¹ Там жа. Спр. 363, арк. 2.

¹² Гл.: ДАБВ. Ф. 1, воп. 9, спр. 209, арк. 26.

¹³ Гл.: НАРБ. Ф. 242, воп. 1, спр. 363, арк. 137.

¹⁴ Гл.: Ruch robotniczy na Białostocczyźnie w XIX i XX wieku. Warszawa, 1979. S. 241; НАРБ. Ф. 242, воп. 1, спр. 363, арк. 189.

ДИН СЯНПИН

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОНТИНГЕНТА И ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОФТЕХШКОЛЫ В 70-е — НАЧАЛЕ 80-х ГГ.

В 70-е гг. в Белоруссии была разработана широкая программа формирования рабочей смены. Важная роль отводилась в ней профтехучилищам, особенно после того, как межшкольные учебно-производственные комбинаты доказали свою несостоятельность.

В это время потребность народного хозяйства в квалифицированных рабочих проявилась главным образом в сфере сельского хозяйства, строительства, легкой и пищевой промышленности, бытового обслуживания. По состоянию на 1 августа 1980 г. план приема по училищам строительного профиля был выполнен на 45,8, сельскохозяйственного — на 61,4 %, невыполнение плана приема по всем типам училищ составило около 13,7 тыс. чел., в том числе по дневной форме обучения — 9,4 тыс. Из них городскими ТУ план был выполнен на 95,4, сельскими ПТУ — на 63,1, средними ПТУ — на 81,1 %¹. Абсолютное большинство выпускников общеобразовательной школы проходили производственное обучение в межшкольных УПК или школьных мастерских. Межшкольные УПК хотя отбирали у профтехобразования значительный контингент учащихся, но не обеспечили качественной подготовки квалифицированных рабочих. Большинство из окончивших УПК не могли на производстве подтвердить присвоенный им рабочий разряд. Многие из выпускников школ получали в УПК профессию на всякий случай, «про запас» и в дальнейшем ее не использовали. Неуккомплектованность многих профтехучилищ можно также объяснить их непрестижностью у молодежи и родителей.

В ряде случаев комплектование ПТУ, особенно отраслевых, осуществлялось административными методами. Такая практика привела к тому, что в профтехучилища попадали наименее дисциплинированные и слабо подготовленные подростки.

Среди поступающих в учебные заведения профтехобразования большинство составляли юноши. Однако рост масштабов применения женского труда требовал увеличения и совершенствования подготовки кадров из числа женщин. Таким образом, расширение обучения девушек в ПТУ явилось насущной потребностью.

Все возрастающие потребности народного хозяйства в квалифицирован-

ной рабочей силе создавали предпосылки для расширения системы профтехучилищ. Благодаря этому контингент учащихся профтехучилищ (дневная форма обучения) возрос с 81,5 тыс. в 1971 г. до 136,5 тыс. в 1980 г., увеличившись на 67,6 %, в том числе количество учащихся выросло в городских ПТУ в 1,4 раза, в техучилищах — в 2,4 раза, в средних ПТУ — в 14,1 раза². Резкое увеличение контингента средних ПТУ было связано с преобразованием в них профтехучилищ, а также сближением общеобразовательной и профессиональной школы.

Комплексная механизация и автоматизация производства сопровождалась повышением требований к уровню квалификации рабочих кадров. Происходила ликвидация узкопрофессионального труда операционников. На смену им приходили рабочие широкого профиля, которые обладали знаниями, умениями и навыками, позволяющими выполнять смежные операции и работы. В 70-е — начале 80-х гг. в несколько раз выросло число наладчиков и настройщиков станков и автоматических линий. В системе ПТО было организовано обучение по таким современным профессиям, как операторы счетных машин, операторы и наладчики автоматических линий, арматурщики-электросварщики, машинисты кранов, операторы по откорму крупного рогатого скота, мастера по технической диагностике. Перечень специальностей, по которым готовились рабочие кадры в профтехучилищах, расширился с 224 в 1971 г. до 308 в 1980 г. При этом была организована подготовка по 61 новой профессии и прекращена по 23³.

Система ПТУ готовила будущих рабочих в соответствии с требованиями НТР и состоянием научно-теоретической мысли. На протяжении 1971—1980 гг. квалификационные экзамены на установление разряда сдало большинство учащихся. Выпускники училищ получали значительно больший объем теоретических знаний и практических навыков, чем те, кто проходил подготовку на производстве.

¹ БГА. Ф. 909, оп. 4, д. 498, л. 38; Текущий архив Министерства образования РБ. Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1976—1980 гг. Л. 14.

² См.: Текущий архив Министерства образования РБ. Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1971—1975 гг. Л. 3; Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1976—1980 гг. Л. 2.

³ БГА. Ф. 909, оп. 4, д. 499, л. 20.

К. А. ПЕТРОВ

РИТУАЛЬНЫЕ РАНГИ И ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО СРАЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Данное исследование строится на предположении о наличии в конкретном историко-культурном ареале традиционных представлений о сражении как системе достаточно определенных действий, которые осознавались глубоко лично и выражались в соответствующем поведении участников средневековых батальи Западной Европы.

Источниковая база опирается на три текста одной культуры, относящиеся к разным стадиям развития: VI, XIII, XV вв. Ограниченность источников обуславливает предварительный характер выводов.

В соответствии со своим социальным рангом и типом вооружения различные группы воинов выполняли в ходе сражения различные функции. В их действиях явственно проглядывают различные пласты упорядоченности: 1) социальный, 2) тактический или утилитарный. И тот, и другой, причудливо сочетаясь в сознании, способствовали выработке системы поведения, которая, оторвавшись от генетических основ, стала самодовлеющей. Появляется новый пласт — ритуальный. Социальное и тактическое — это как бы строительный материал для ритуализации (лично-окрашенной деятельности по идеальному, т. е. в сознании, упорядочению мира, выступающей как следствие тревожности, реакции на вызов среды), исползуемый индивидуумом-демиургом. Возникнув, ритуальный пласт начинает в меру своих возможностей влиять на поведение людей, попеременно становясь в сознании то первой причиной, то причиной второй, третьей и т. д. Кроме того, одно и то же представление может переходить с одного уровня на другой. Однако этот своеобразный принцип неопределенности не должен снижать значимости ритуального пласта, который может вступать в противоречие с другими, выходя из фонового скрытого состояния.

На рубеже V—VI вв. градация рангов воинов в сражении четко не выражена, социальная иерархия, с сопутствующими особенностями вооружения, еще только зарождается, о чем свидетельствует хрестоматийный пример — эпизод с суассонской чашей, когда король франков Хлодвиг во время дележа добычи в завоеванном г. Суассоне (Галлия) потребовал сверх выпавшей ему по жребию доли добычи и драгоценный церковный сосуд. «Те, кто был поразумнее», согласились с этим требованием. Но среди возмущенных нашелся отважный воин, который, заявив: король получит только то, что ему выпало по жребию, — боевым топором разрубил чашу¹.

В XIII в., как свидетельствует хроника Робера де Клари, ситуация уже совершенно другая, что проявляется в принципе раздела добычи в зависимости от статуса и способа его определения: «...Бароны собрались и говорили между собой о том, чтобы разделить добро... Тогда выдали толику каждому рыцарю, каждому конному оруженосцу и всему остальному меньшему народу войска, в том числе женщинам и детям, каждому. И тогда Альом де Клари, клирик... тот, который был столь доблестен и который столько совершил там ратных подвигов... сказал, что он хотел бы участвовать в дележе как рыцарь; а кто-то сказал, что это не по праву, чтобы он считался при дележе за рыцаря, а он сказал, что по праву, ибо он тоже был на коне и в кольчуге, как рыцарь, и что он совершил ратных подвигов столько же и даже больше, чем любой рыцарь, который там был; и в конце концов граф де Сен-Поль вынес такое постановление, что ему должна быть выделена такая же доля, как и рыцарю...»² Интересно продолжение рассказа: «Таким образом этот клирик доказал, что клирики должны участвовать в дележе точно так же, как рыцари» (де Клари: XCVIII). Думается, этим ничего не доказано, лишь создан прецедент. Важно то, что подобный вывод хрониста говорит: представления о ранге участника сражения достаточно расплывчаты, не связаны жестко с социальным рангом, ритуальный ранг можно изменить собственными усилиями. Не являются ли в связи с этим имевшие место случаи посвящения в рыцари незнатных воинов прямо на поле брани не чем иным, как приведением социального ранга в соответствие с рангом ритуальным?

О разности ритуальных рангов повествует и эпизод казни византийского императора Алексея V Дуки. Робер де Клари вкладывает в уста дожа Венеции фразу: «...знатному человеку следует учинить знатную кару» (де Клари: СІХ). Если существуют разные ритуальные ранги, то и функции их носителей разнятся. В V—VI вв. отдельные воины (видимо, не самые худшие) участвуют в поединках перед сражениями³. Они впереди всех. В XIII в. впереди должен быть рыцарь.

Если мы попытаемся установить источники зарождения представлений о необходимости быть впереди, то откроется несколько побудительных причин: а) утилитарные соображения — впереди, там, где трудно, должны быть наиболее опытные и хорошо вооруженные воины; б) социальные — сословная гордость. Но затем, когда ментальный фон сформирован, на нем непременно могут действовать эти различные причины, а может действовать непосредственно фон как нечто самостоятельное, не всегда до конца осознаваемое, но осознаваемое в принципе. И как узнать, какие мотивы важнее? Тут господствует неопределенность. Сам ментальный фон есть неопределенность, текучесть.

Обратимся к Роберу де Клари. Он описывает один из эпизодов штурма Константинополя летом 1203 г., когда граф Фландрский со своим отрядом, исходя из тактических соображений, решает далеко не отрываться от укрепленного лагеря. «Когда отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского увидел, что граф Фландрский отходит назад, рыцари сказали все разом, что граф Фландрский совершает нечто весьма постыдное: тот, кто находился в авангарде, отступает. И они вскричали все разом: «Сеньоры, сеньоры, граф Фландрский отходит назад! А коли он отходит назад, то предоставляет вам авангард. Ну-ка, займём его во имя бога!» И бароны согласились и сказали, что они встанут в авангарде. Когда граф Фландрский увидел, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не собираются отходить, он послал к ним гонца и попросил их отойти назад. И мессир Пьер Амьенский ответил ему, что они и не думают отходить (де Клари: XLVII). В данном случае граф Фландрский нарушил ритуальные правила: утилитаризм и ритуал вошли в конфликт. И конфликт этот нарастает: «Когда рыцари боевого отряда графа Фландрского увидели, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не отошли вслед за ними, все равно по какой причине (подчеркнуто мной — П. К.), они подошли к графу и сказали ему:

«Сеньор, вы совершаете весьма постыдное дело, не выступая вперед, и знайте, что если вы не двинетесь, мы не оставимся верны вам!» Когда граф Фландрский услышал эти слова, он прищпорил своего коня и вслед за ним все остальные и они так прищпорили, что нагнали боевой отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского, и когда они нагнали его, то поскакали рядом с ним голова в голову...» (де Клари: XLVIII) Ритуал перевозимых утилитарных соображений. Рыцари должны быть впереди, а остальные воины, относившиеся к низшим рангам, позади. Само построение отражает эти взгляды: «И потом они порешили, что пешие оруженосцы последуют за конными отрядами...» (де Клари: XLV).

Очевидно, такие представления сыграли злую шутку в битве между войсками французского короля и бургундцами при Монлери в 1465 г.: «Кавалерия короля тем временем перешла в двух местах ров, и, когда она приблизилась настолько, что ее можно было атаковать с кошками наперевес, бургундские кавалеристы прорвали ряды собственных лучников — цвет и надежду армии, не дав им возможности ни разу выстрелить, и ринулись вперед»⁴.

Западноевропейский рыцарь — это конный воин-профессионал. Но нередко рыцарь был вынужден сражаться в пешем строю. Робер де Клари, например, рассказывает, как пешие рыцари высаживались с кораблей и штурмовали городскую башню Константинополя (де Клари: LXXIV). Данные Филиппа де Коммина позволяют зафиксировать наличие в XV в. новой черты ритуала сражения, однако рассматриваемые источники не дают возможности проследить ее истоки, связанные, очевидно, с англо-саксонским миром или даже уходящие корнями в древнегерманскую общность.

Обратим внимание на следующий отрывок: «В тот день я впервые увидел, как умело герцог Бургундский самолично отдал приказы. Он немедленно выдвинул все отряды в поле, кроме нескольких, которым он приказал продолжать осаду. Среди последних он оставил 500 англичан. По обе стороны деревни он расставил 1200 кавалеристов, а сам с 800 кавалеристами расположился напротив деревни, подальше, чем другие. Кавалеристов было немало, и многие знатные люди спешились и примкнули к лучникам» (де Коммин: 2, II). Здесь интересен факт спешивания. Создается впечатление, что знатные люди стремятся сражаться в пешем порядке: раз кавалеристов хватает, то они могут себе это позволить. Из-за этого стремления возникали, мягко говоря, неприятности: «Возвращаясь к своему предмету, замечу, что бургундцы потеряли много времени и понесли потери из-за того, что сначала спешивались, а потом вновь седлали лошадей» (де Коммин: 1, III).

Конечно, не все рыцари так страстно желали сражаться пешими. В нижеследующем отрывке нежелание спешиваться оценивается явно отрицательно: «Граф Варвик не имел привычки спешиваться во время битвы и, бросив своих людей в сражение, обычно садился на коня. Если все шло хорошо, то он вступал в схватку, а если плохо, то он заранее скрывался» (де Коммин: 3, VII).

А вот прямо противоположный пример: «...Умом и способностями наш король превосходил короля Эдуарда Английского, что царствовал тогда, хотя король Эдуард и был очень храбрым государем, выигравшим в Англии восемь или девять сражений, в которых участвовал пешим, что весьма похвально для него» (де Коммин: 6, I).

Участие в сражении пеших дворян — залог стойкости войск: «Пехота же герцога удерживала свои позиции и внесла смятение в наши ряды; правда, ею руководило около 200 пеших дворян из хороших фамилий» (де Коммин: 6, V).

Наконец настало время привести прямое свидетельство Филиппа де Коммина о значении спешивания: «Поначалу пришли к выводу, что все без исключения должны спешиться, но потом приняли иное решение, и почти все кавалеристы сели на лошадей; только нескольким добрым рыцарям и оруженосцам приказали остаться в пешем строю... В то время у бургундцев особым уважением пользовались те, кто действовал в пешем строю вместе с лучниками. Многие знатные люди поступали именно так, чтобы поднимать дух простолюдинов и заставлять их лучше сражаться. Обычай этот шел от англичан, с которыми герцог Филипп Бургундский, еще молодым, вел войны во Франции...» (де Коммин: 1, III).

Итак, мы видим процесс формирования обычая, ставшего частью ментального фона, на котором действует индивидуальное воинское сознание. Вначале чисто утилитарные соображения, затем одухотворение, превращение в источник уважения и самоуважения. На следующем этапе происхо-

дит, как мы увидим, перемещение из ритуального плана вновь на утилитарный: «...И им он (Людовик XI — П. К.) придал 1500 кавалеристов, набранных по приказу, которые должны были в случае необходимости спешиваться» (де Коммин: 6, VI). Это уже не дело чести, не обычай, а обязанность.

Организация и ход сражения рассматриваются в данной статье в качестве целостной системы — ритуала, который является отражением ритуализации воинского сознания. Разные участники сражения имеют различный ритуальный ранг и в связи с этим действуют по-разному. Причина не только во внешнем давлении, но и во внутреннем убеждении. Упорядоченность функций частично снимает психологическую напряженность и способствует мобилизации сил воина для выполнения задачи. Ритуал сражения не представляет собой застывшую модель, он развивается, изменяется, сохраняясь, однако, как целостная система.

¹ Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. М., 1987. Кн. II, гл. 27.

² Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Гл. ХСVIII. В дальнейшем главы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.

³ Григорий Турский: II, 2; X, 3.

⁴ Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Кн. I, гл. III. В дальнейшем книги и главы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.

А. М. ЕЛСУКОВ

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ГНОСЕОЛОГИИ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Проблема познаваемости мира тесно связана с вопросом о том, как соотносятся между собой такие противоположности бытия, как материальное и идеальное, объективное и субъективное, физическое и психическое. Суть этой проблемы состоит в том, что если духовное (идеальное) не содержит ни граña материи, не определяется никакими физическими свойствами, то, естественно, возникает вопрос, каким же образом могут воздействовать друг на друга эти две взаимоисключающие сущности, как может осуществляться переход из одной области в другую. Фиксируя трудность этого перехода, еще в начале нашего века Н. Лосский писал: «Физик полагает, что царство материального бытия состоит из атомов и их движений, и никак не может найти переход из этой области в сферу психического. Психолог полагает, что царство душевного бытия состоит из Я и его ощущений, представлений, вообще психических состояний, и никак не может найти переход из этой области в сферу физического»¹.

Мало чем отличается подход к этой проблеме и у современных философов. М. Мамардашвили, например, считает, что «сознание — это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь... Сознание не поддается объективированию. Любая попытка в этом направлении неминуемо кончается неудачей»². Подобных высказываний достаточно много в научной и философской литературе. Из них следует, что вопрос о совместимости материального и идеального, физического и психического имеет основополагающее значение, определяет суть того или иного философского понимания мира. Вся история философии — это мучительная попытка преодоления этой роковой раздвоенности мира, попытка совмещения несовместимых по своей природе противоположностей, ибо, что бы ни говорили о мысли (об идее, об уме, о знании), в конечном итоге всегда встает вопрос о том, как идеальное соотносится с материальной субстанцией, как мысль (идеальная по своей природе сущность) существует в мозгу человека (являющим собой сгусток материи) — это с одной стороны, а с другой — как мысль соотносится с объективным миром в процессе отражения, как она постигает скрытую сущность явлений. Попытки решения этого вопроса воплотились во множестве гносеологических концепций. При всем разнообразии этих концепций их можно сгруппировать в два основных подхода: объективистский и субъективистский.

Сторонники первого подхода, несмотря на всю трудность указанной проблемы, стремились все же отыскать связующие звенья между материальным и идеальным, объективным и субъективным. Сторонники же второго подхода, отступая перед трудностью разрешения данной проблемы, пытались обойти ее, отбрасывая как метафизический вопрос о внешнем источнике знания и переводя гносеологическую проблематику в чисто психологическое русло (концепции субъективизма, агностицизма, иррационализма, интуитивизма и мистицизма).

Объективистские концепции строились на основе как материалистических, так и объективно-идеалистических идей. Разница между ними заключалась лишь в том, что материалисты, стремясь размыть границу между

материальным и идеальным, постулировали их глубокое взаимопроникновение друг в друга; с одной стороны, полагая, что всем предметам присущи духовные свойства (гилозоизм), с другой стороны, саму душу трактуя как проявление особо тонкой материи (вульгарный материализм); а идеалисты, наоборот, жестко противопоставив материальное и идеальное, душу и тело (именно в философии Платона понятие «идеальное» получает свое философское обоснование), связь между ними видели в наличии некоего всеобщего духовного начала, которое воплощается в сущностях предметов и в разумной душе человека, то есть сущность предмета и познающая душа человека оказывались родственными по своей субстанции.

Объективистские концепции и материалистического, и идеалистического толка в своей классической форме определились уже в античной философии. Большинство философов-материалистов этого периода были убежденными сторонниками того, что дух пронизывает всю материю, и что сам дух — это очень тонкая материя. На этой основе легко можно было доказать связь между материей и сознанием, так как они оказывались одной природы и легко проникали друг в друга как в бытийном (онтологическом), так и в гносеологическом планах. Так, например, в философии Демокрита душа определялась как тепло, воздух, как особо тонкая материя, состоящая из наиболее подвижных атомов и пронизывающая все тела и предметы природы. На этой основе чувственное познание истолковывалось как улавливание особых «идолов» (образов), которые испускаются телами, носятся в воздухе и попадают в соответствующие органы чувств. На базе такого отражения формируется мнение, или «темное познание». Высшее же познание (или истинное) осуществляется разумом (разумной материальной душой) и нацелено на постижение сущности предметов (которая представляет собой особое сочетание атомов). Таким образом, по Демокриту, разум непосредственно улавливает атомарную сущность предметов, или их истинную природу.

При такой трактовке отражения разум как бы обрекался на абсолютно истинное познание: все, что в нем возникало, так или иначе определялось внешним источником, объектом отражения и ни в коей степени не зависело от природы самого разума, его творческой активности. Не оставалось места ни для фантазий, ни для заблуждений, ни для ошибочных, ни для верных решений — именно решений, а не просто отражения.

Подобный ригоризм в трактовке истинного познания (его абсолютной зависимости от объекта отражения) отклонил маятник философского мышления в противоположную сторону, породив античный субъективизм и скептицизм, неверие в возможность установления каких-либо объективных критериев истины, что нашло свое воплощение в протагорском (и у софистов в целом) тезисе о том, что любое мнение и есть истина.

Этот субъективный произвол не мог, видимо, удовлетворить научно-философскую мысль даже античного общества, поэтому в нем начинаются поиски новых критериев объективно истинного знания, которые нашли свое воплощение в концепциях объективного идеализма. Представители этого направления попытались преодолеть барьер между материальным и идеальным за счет абсолютизации идеального начала. От Платона до Гегеля и современных неотомистов допускается существование особого идеального мира, как некоей истинной сущности бытия. Наличие этой сущности определяет как факт существования предметов, так и возможность их истинного объективного познания, ибо душа человека, его разум оказываются сродни мировому духу, а через него сродни и познаваемой сущности предметов. Познание в этой концепции предстает как процесс дематериализации, как освобождение идеальной (а это значит и абсолютной) сущности предметов от их материальной оболочки, родственное соединяется с родственным, подобное познается через подобное, так как идеальность сущности сливается с идеальностью понятия. Так, в онтологическом и гносеологическом смыслах достигается единство, которое нарушается в рамках земного бытия, обреченного быть разделенным на светлый дух и темное тело. Абсолютный дух, сущность предметов и человеческий разум оказываются в этой концепции родственными по своей природе и допускается возможность их тесного контакта, а это значит и возможность объективно истинного познания.

Правда, и в этой концепции творческий момент человеческого сознания также весьма ограничен, так как предполагается, что в нем изначально содержатся все идеи в свернутом виде и процесс познания в таком случае

предстает как постепенное развертывание ленты сознания. Стимулом же такого «развертывания» выступают как чисто логические (рациональные) предпосылки, так и эмпирические наблюдения.

Итак, объективистские концепции познания прорабатывались как материалистами, так и идеалистами. Философы верили в возможность истинного познания объективного мира. Правда, отстаивая свой идеал познания, сторонники этих направлений приписывали как объективному миру, так и человеческому разуму ряд не свойственных им признаков. Все это не могло не привести к весьма скептическим оценкам возможностей абсолютно истинного познания. Крайний объективизм порождает свою противоположность — крайний субъективизм, в рамках которого проблема соотношения материального и идеального, объективного и субъективного вообще снималась как не имеющая смысла, так как разум объявлялся единственным источником знания. А раз так, то утрачивалась необходимость поиска объективного критерия истинного знания; понятие истины полностью релятивизировалось, определялось субъективными, внутренними (логико-психологическими) критериями. При таком подходе утрачивался интерес к внешнему источнику знания, к исследованию соотношения материального и идеального. Гносеологическая проблематика приобретала сугубо психологическую или логическую направленность.

Подобные концепции, как уже отмечалось, отнюдь не являются приобретением Нового Времени. Зародившись еще в античности, они постоянно давали о себе знать на протяжении всей истории философии, как бы паразитируя на трудностях объективного познания, вместе с тем обогащая теорию познания такими идеями, которые ускользали от взора представителей объективистских концепций. Софизм, скептицизм, релятивизм, агностицизм являются разными вариантами субъективистского истолкования познавательной деятельности.

От протагорского тезиса — «Человек есть мера всех вещей» или берклианского «существовать — значит быть воспринимаемым» до современных релятивистских концепций простирается поле субъективистских трактовок человеческого познания. И весьма характерно, что философы этого направления начинают свои рассуждения не с того, как устроен мир, а с вопроса о том, что есть знание. Установив вполне очевидный факт зависимости истины и ощущений от субъективной основы познания, сторонники этого направления чрезмерно преувеличили, абсолютизировали этот аспект творческой деятельности, доводя его в одном случае до полной релятивизации истины, а в другом — до отрицания материальной основы бытия и тем самым снятия самой проблемы соотношения материального и идеального. Так, Протагор, например, отмечал: «В самом деле, я утверждаю, что истина такова, как я ее описал; а именно (что) каждый из нас есть мера существующего и несуществующего»³. Комментируя эту мысль, Секст записал: «Протагор говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившее кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему»⁴. Из подобного толкования истины вообще выпадает вопрос о внешнем источнике знания и его объективном критерии, а это означает еще и то, что вопрос о соотношении объекта и субъекта, материального и идеального утрачивал всякий смысл.

Несколько иное снятие этой проблемы прослеживается в творчестве Д. Беркли, который, не устраняя объекта познания, полностью лишил его материальной основы. При этом он не чурается и чисто софистических приемов рассуждений, ибо ему приходится доказывать весьма неочевидные истины. Он убеждает, что «все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа»⁵. Поэтому вполне естественно, с точки зрения Беркли, что «нет иной субстанции кроме духа»⁶.

Так мир лишается своего материального основания, но вместе с ним снимается и проблема соотношения материального и духовного, все подводится под общий (духовный) знаменатель, объект и субъект познания становятся едиными по своей сути, что и допускает контакт между ними.

Своеобразное устранение материи как косной, застывшей, вечной и неизменной, из которой тем не менее формируется текучий и изменчивый мир

(основное противоречие материалистической концепции), прослеживается и в творчестве Лейбница, который в основу мира положил монаду — своеобразный духовный атом, как исходное начало и объективного, и субъективного мира. По-своему пытался разрешить эту проблему и Декарт, выдвинувший тезис о параллельном существовании двух субстанций и о врожденных идеях, дедуктивное развертывание которых и составляет суть научного познания.

Своеобразное устранение объективного источника знания как метафизической проблемы проявляется и в агностицизме, который задает такую систему гносеологических понятий, в которой вопрос об источнике знания вообще снимается, важна лишь динамика знания, переход от простых идей к сложным.

Таким образом, представители объективистских концепций стремились установить контакт между материальным и идеальным через общее основание, которое усматривалось либо в материи, либо в духе; сторонники же субъективистских концепций пошли по пути снятия этой проблемы, полагая, что духовное может развиваться только в сфере духовного.

Основной недостаток всех этих гносеологических концепций состоял в том, что познающий субъект рассматривался в них как отдельно взятая личность, наделенная сознанием, которому напрямую противопоставит материальный мир. В силу определенной несовместимости этих двух миров и приходилось постулировать какие-то объединяющие моменты, или же ликвидировать один из них для преодоления этой несовместимости.

Преодолеть эту несовместимость удалось только с введением в теорию познания практики, которая, с одной стороны, связывалась с материально-физической основой бытия, а с другой — являлась выражением сознательной деятельности человека. Через практику материальное и духовное обрели наконец реальное связующее звено. Идеал практики (опыта) как связующего начала объекта и субъекта познания развивался в разных философских интерпретациях. Наиболее оригинальной из них является диалектико-материалистическая трактовка этого вопроса.

¹ Л о с с к и й Н. Основные вопросы гносеологии. Пг., 1919. С. 204.

² М а м а р д а ш в и л и М. К. // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3.

³ Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. С. 317.

⁴ Там же.

⁵ Б е р к л и Д. Соч. М., 1978. С. 172.

⁶ Там же. С. 174.

П. С. КАРАКО

ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ И ТИПОЛОГИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Понятие «экстремальная ситуация» используется нами для характеристики развития общества и его взаимоотношений с природой. Экстремальная ситуация включает в себя крайнюю степень этого развития, его напряженность и конфликтность, предельное, стрессовое состояние людей, неопределенность их будущего, необходимость принятия экстренных государственных управленческих решений и т. д. Сегодня есть все основания говорить о наличии многообразных экстремальных ситуаций в развитии Республики Беларусь и взаимоотношениях нашего общества с природой. Принятие адекватных управленческих решений в условиях экстремальных ситуаций связано со значительными трудностями. Последние определяются не только масштабностью проявления экстремальных ситуаций, но и нерешенными в науке управления вопросами методологии анализа подобных ситуаций, выделения их критериев и типов, влияния на жизнь общества, его экономику и здоровье людей, систему государственного управления и межгосударственных отношений и т. д. При этом первостепенное значение имеет выявление основных критериев экстремальных ситуаций. При анализе данного вопроса мы будем опираться на предложенные Б. Н. Порфирьевым критерии чрезвычайных ситуаций¹.

Самым характерным критерием экстремальных ситуаций является временной. Так, Чернобыльская катастрофа была внезапной и неожиданной

для населения республики. Заявления руководителей бывшего Министерства атомной энергетики СССР и ученых-атомщиков о безвредности и экологической выгодности строительства и эксплуатации атомных электростанций породили в массовом сознании доверие к таким заявлениям и беспечность. Вот почему население и управленческие структуры оказались не готовыми к соответствующим действиям в условиях этой катастрофы. Экстремальные ситуации не только внезапны и неожиданны. С момента возникновения происходит нарастание их разрушительного действия. Например, периодически возникающие пыльные бури на мелиорированных землях Белорусского Полесья охватывают практически всю территорию этого региона. Причем в этот период происходит вынос огромной массы почвы. Так, общий вынос почвы во время пыльных бурь, происходивших 13—15 и 22 апреля 1981 г. в Брестской области, превысил 2 млн т². Неожиданными для республики оказались такие технологические катастрофы, как разрывы и повреждения нефте- и газопроводов, нарушения технологических циклов на промышленных предприятиях и т. д.

В экстремальных ситуациях происходит снижение темпов экономического развития, ухудшается состояние здоровья людей и природной среды. Достаточно отметить, что вывоз значительного количества пахотных земель, загрязненных радионуклидами, из сельскохозяйственного оборота существенно сказывается на экономике и снабжении населения продуктами питания. Тяжелым бременем для экономики республики являются затраты, связанные с ликвидацией негативных последствий всевозможных технологических катастроф на химических и других производствах, со снижением выбросов в атмосферу вредных веществ, последствий обвальной мелиорации, химизации и функционирования огромных животноводческих и свиноводческих комплексов и т. д. Подрывают развитие экономики и экстремальные ситуации, создаваемые беспечным поведением людей на лоне природы, бесхозяйственностью. Так, сброс жидкой фракции из навозохранилища колхоза «Рованичи» (Червенский р-н) в 1992 г. погубил все живое в реке Уша на протяжении 24 км³.

Имеет место прямая связь между состоянием природной среды на определенной территории и здоровьем людей, проживающих на ней. Так, если в Новополоцке промышленными предприятиями выбрасывается в атмосферу 152,8 тыс. т вредных веществ в год⁴, то здесь и самая высокая среди городов республики пораженность населения респираторными и легочными заболеваниями. Чрезмерное использование минеральных азотных удобрений в колхозах и совхозах республики приводит к накоплению нитратов в продуктах питания и организме людей, а в зонах радиоактивного загрязнения «при отсутствии должного радиометрического контроля и обеспечения населения чистыми продуктами питания люди подвергаются комбинационному воздействию инкорпорированных радионуклидов цезия и нитратов»⁵. Повсеместно в пахотных почвах содержатся значительные количества пестицидов и даже запрещенного к применению еще в 1972 г. инсектицида ДДТ. Все это негативно сказывается на состоянии здоровья населения республики. Более того, «в связи с загрязнением среды под воздействием физических и химических факторов, особенно радионуклидами, вызывающими поражение наследственного аппарата, увеличивается опасность генетической катастрофы, способной поставить под угрозу само существование биологически полноценного населения»⁶.

В такие периоды резко проявляются социально-психологические факторы экстремальных ситуаций. Так, длительное замалчивание информации о масштабах и характере Чернобыльской катастрофы, неопределенность положения людей, проживающих на зараженных радионуклидами территориях, способствовали появлению у населения стрессовых состояний, радиофобий и т. п. Такие состояния людей становятся причинами многих патологий. Вот почему стрессовое психологическое состояние людей является весьма характерным для экстремальных ситуаций и может выступать в качестве критерия их анализа.

В подобных исследованиях следует учитывать и социально-политические стороны событий. Ухудшение состояния природной среды в Республике Беларусь, Чернобыльская катастрофа стали факторами политики и социальной напряженности. Достаточно убедительным подтверждением сказанному могут быть выступления жителей Новополоцка в связи с резким обострением экологической ситуации в городе и ростом заболеваний людей, прокатившиеся в республике забастовки, митинги, критические выступления против бывшего партийно-государственного руководства республики

за принятие эффективных мер по смягчению последствий Чернобыльской катастрофы. Сегодня проблемы состояния природной среды в республике становятся вопросами ее внутренней и внешней политики.

Эффективность ее осуществления, принятие адекватных управленческих решений по уменьшению последствий экологических катастроф и их предотвращению во многом будет определяться качеством управления в период экстремальных ситуаций. Практика свидетельствует, что прежняя консервативная административно-командная, бюрократическая система управления развитием общества, его производительными силами и природопользованием не смогла предложить таких управленческих решений, которые предотвратили бы появление экстремальных ситуаций, а в случае обусловленности их стихийными природными факторами уменьшили их разрушительные проявления. Эта система закрепляла монопольное положение ресурсоэксплуатирующих ведомств и производств, остаточный принцип финансирования природоохранных мероприятий, скрывала от населения данные о состоянии природной среды на закрепленных за данными ведомствами территориях, исключала участие населения и местные органы власти в управлении ими, осуществлении контроля за технологиями производств и т. д. Именно бывшие центральные министерства и ведомства повинны в создании экстремальных ситуаций в районах Солигорска, Новополоцка и других местах, особенно «зоны Чернобыля». Они обнаружили и свою несостоятельность в принятии таких управленческих решений, которые могли значительно уменьшить материальный ущерб от возникших экстремальных ситуаций, смягчить их «экологические и человеческие издержки». Подтверждением сказанному могут быть те отписки, которые представляло прессе республики бывшее министерство удобрений по поводу критического состояния экологической среды в районе Солигорска, дезориентирующие население и органы власти заявления руководителей Минздрава СССР и БССР в первые три года после Чернобыльской катастрофы. Все это значительно сказывалось и на характере соответствующих организационно-управленческих решений. А от последних существенно зависит смягчение последствий экстремальных ситуаций, предотвращение их наступления. Вот почему характер организационно-управленческих решений может быть критериальным при определении экстремальных ситуаций.

Подводя итоги анализа проблемы критериев экстремальных ситуаций, в качестве последних следует считать: временные, экологические, социально-экономические, медицинские, психологические, политические и управленческие. Отмеченные критерии и их краткое описание позволяют сделать вывод, что такие ситуации возникают в процессе взаимодействия общества и природы, действия стихийных сил природы (для Беларуси — это в основном засухи, наводнения), которые невозможно предотвратить, в результате сознательного нарушения человеком законов природы, его антиэкологической деятельности. Последняя не только порождает экстремальные ситуации, но и усугубляет разрушительное проявление стихийных природных процессов. Разве не сказалось на усилении негативных последствий засухи 1992 г. в республике осуществление программы осушительной мелиорации, беспечное поведение отдельных граждан? Антиэкологические технологии добычи калийных солей (Солигорск), переработки нефти (Мозырь и Новополоцк), производства синтетических нитей (Могилев и Светлогорск) и иных производств стали факторами создания экстремальных ситуаций в отмеченных и других городах республики. Следовательно, в противоречивом взаимодействии общества и природы заложены причины, источники формирования и развития экстремальных ситуаций.

Данный момент нужно иметь в виду и при обсуждении вопросов классификации экстремальных ситуаций, вычленении их типов. Следует отметить, что некоторые исследователи, предлагая свои решения поставленных вопросов, не учитывают роли той деятельности людей, которая усугубляет негативные проявления природных процессов, т. е. «смешанного» действия природы и общества как источника экологических катастроф. А это приводит к тому, что ими вычленяются только стихийные бедствия и различные аварии технических сооружений и производственных систем (антропогенные катастрофы) в качестве основных типов экологических катастроф⁷. Такая классификация не отражает всего спектра экстремальных ситуаций во взаимоотношениях общества и природы.

Для целей нашего анализа представляет интерес типология чрезвычайных ситуаций, разработанная Б. Н. Порфирьевым. Он выделяет три типа ситуаций: а) искусственного происхождения или антропогенные (включая

техногенные); б) естественного (природного) и в) смешанного или природно-антропогенные⁸. Анализ экстремальных ситуаций в Республике Беларусь позволяет считать их источниками — стихийные природные процессы, антиэкологическую производственную деятельность, порождающую различного рода технологические (экологические) катастрофы, «совместное» действие стихийных (природных) и производственных факторов, беспечное и халатное поведение отдельных людей, обусловленное их низкой экологической культурой и низким уровнем экологического сознания. Вот почему по такому важнейшему признаку экстремальных ситуаций, как их происхождение, они бывают: природные (стихийные), антропогенные (техногенные) и антропоприродные.

Источниками экстремальных ситуаций могут быть и военные конфликты. Так, экологические последствия войны в Персидском заливе (1991 г.) приобрели поистине глобальный характер. Военные конфликты в Молдове, Грузии и других республиках бывшего Союза стали факторами дестабилизации природной среды и экстремальных социально-экономических ситуаций. Размещение на территории РБ разнообразного оружия, ее насыщенность военной техникой, аэродромами, полигонами и т. д. требует принятия соответствующих управленческих решений, чтобы все это не стало причиной новых экстремальных ситуаций.

При создании типологии экстремальных ситуаций можно учитывать и время их развития, характер и масштабы проявления и другие признаки. Но для осуществления такой работы следует провести учет всех имевших место в последние годы экологических катастроф и экстремальных ситуаций. Нужен своеобразный мартиролог подобных ситуаций. Выявление причин их возникновения, экологических и других проявлений и последствий позволит не только дать более строгую и точную их систематизацию и классификацию, но и высказать определенное мнение относительно стратегии управленческих решений в условиях таких ситуаций. Но несомненно, что эта стратегия должна быть ориентирована прежде всего на обеспечение безопасного развития общества, снижение напряженности в его взаимоотношениях с природой. Такое развитие может быть достигнуто при такой стратегии управления, которая направлена на предотвращение причин возникновения экстремальных ситуаций антропогенного типа, смягчение последствий проявления природных катастроф.

¹ П о р ф и р ь е в Б. Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях. М., 1991. С. 34.

² Я р о ш е в и ч Л. М., К р и ш т а л ь Ю. И. // Проблемы Полесья. Вып. 14. Мн., 1991. С. 158.

³ См.: Вечерний Минск. 1992. 8 сент.

⁴ См.: Состояние и охрана природной среды в Белорусской ССР: Справочно-статистический сборник. Мн., 1991. С. 133.

⁵ Катастрофа на Чернобыльской АЭС и оценка состояния здоровья населения Республики Беларусь. Мн., 1991. С. 18.

⁶ Государственный доклад о состоянии природной среды в Республике Беларусь. Мн., 1992. С. 5.

⁷ З е р б и н о Д. Д. Антропогенные экологические катастрофы. Киев, 1992. С. 8.

⁸ П о р ф и р ь е в Б. Н. Указ. соч. С. 39.

С. Н. АЛЕКСАНДРОВА

ПОЛЮСЫ ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ТЕОДОРА АДОРНО (1903—1969)

Историческая память человечества хранит имена мыслителей, творческое наследие которых с годами не теряет своего значения, заставляя исследователей снова и снова в глубоких сопоставлениях искать подлинный смысл их философствования. Человеческие суждения о них бывают «очень подделаны тем, что можно назвать неосмотрительной штамповкой славы»¹, подчас капризной и перемечливой. Между тем творчество этих людей, миновав барьеры непонимания, живет, не умирая, а жизнь их, полная борьбы и преодолений, овеяна легендами. Именно такой предстает перед мысленным взором фигура Теодора Адорно, крупнейшего немецкого философа, социолога и музыкального критика.

Пересекающиеся энергии влиятельнейших течений немецкой философии были вовлечены в силовое поле интеллектуальной деятельности Адор-

но, хотя его философия не имела ничего общего с холодным абстрагированием. В своих философских построениях ученый нередко прибегал к двум излюбленным метафорам. Первая из них — это «силовое поле», с помощью которого философ выражал связующее взаимодействие тяготений и антипатий, составляющих динамичную трансмутационную структуру сложного явления. Вторая — это «созвездие»: астрономический термин, заимствованный Адорно у Бенямина для обозначения скорее сопоставимых, нежели составляющих одно целое групп изменяющихся элементов, которые соотносятся с приведению к общему знаменателю, единой сущности или порождающему первому принципу. Анализируя культурные и социальные феномены, Адорно часто использовал обе метафоры в описании тонких взаимоотношений между субъективными и объективными, особенными и общими, историческими и природными величинами. Часто упоминаемое паратактическое качество его стиля, связанное с отказом от субординации доводов и наблюдений в иерархически конституированной манере, вырастает из его нерасположения к приоритету одного компонента силового поля или созвездия над другим. В результате превалировал не релятивистский хаос никак не связанных факторов, а диалектическая модель противоположностей, которые одновременно конструируют и демонтируют системы постоянно изменяющейся реальности. На своем сложном пути постижения мировых проблем и противоречий адорновская диалектика была непримирима к моменту победоносного согласования, которое в лучших традициях немецкого идеализма и марксизма всегда венчало диалектический процесс. Как однажды установил Адорно, «диалектика продвигается вперед по пути крайностей, устремляя мысли с предельной логической непререкаемостью к точке, от которой они скатываются обратно к себе же, взамен обретения ими сущностного осмысления»². Вместо согласования философ акцентирует критическую роль преувеличения в познании; преувеличения, которое вносило смелые очертания разлада в силовое поле или созвездие в большей степени, чем сглаживало их.

Приложив обе метафоры к интеллектуальной продукции самого Адорно, можно выделить важнейшие начальные точки света на карте его созвездия, концентрации энергии его силового поля. Первой ярчайшей звездой в его созвездии была звезда Марксизма. Имеется в виду марксизм западной неортодоксальной традиции, начало которой было положено Дьердем Лукачем и Карлом Коршем в годы, непосредственно предшествующие первой мировой войне. Адорно, как известно, являлся видным представителем Франкфуртской школы, внутренним ядром которой был Институт социальных исследований, основанный в 1923 г. по инициативе группы интеллектуалов, стоявших на леворадикальных позициях. Адорно находился у истоков создания Критической теории этой школы, которая черпала свои средства к существованию скорее в традиции критики марксизма, нежели из научной конкуренции с ним. Мыслитель пользовался многими марксистскими категориями и разделял некоторые установки марксизма всю свою жизнь. В частности, весьма значимой для философской системы ученого, его критики культуры была марксистская концепция товарного фетишизма, интегрированная с идеей Лукача об овеществлении. Вместе с тем, выступая против какой бы то ни было инструментализации теории, франкфуртец никогда не связывал себя с марксистской классовой политикой, утопически уповав на созидательный потенциал современного общества. В непреклонной политической самоизоляции воплощалась свойственная представлениям Адорно квинтэссенция форма независимости, столь характерная для западных марксистски ориентированных интеллектуалов.

В качестве следующей, наиболее могущественной силы поля адорновской философии выступает эстетический модернизм. В своих музыкально-критических и эстетических работах, начиная с «Философии новой музыки» и кончая позднейшими рукописями «Эстетической теории», Адорно разрабатывал философско-эстетическую концепцию модернистского искусства. В обрисованной им широкой панораме самых разнообразных явлений «музыкального ландшафта» главное место отводилось «новой музыке» обожествляемого многими венского триединства Шёнберг-Веберн-Берг. При этом адорновская приверженность идеалам шёнберговской школы была настолько велика, что сам его «атональный» писательский стиль мог стать следствием воздействия на него композиционных принципов, которыми он овладел в период паломничества 1925—26 гг. в Мекку додекафонии и атонализма — в Вену. Несмотря на то, что Адорно не принял некоторых

течений эстетического модернизма, в целом он оставался верным сторонником модернистского искусства, выступая против призывов возврата к классической или реалистической альтернативам.

Третью линию силового поля адорновской философии мы склонны обозначить как сентиментальную гуманистическую ностальгию. Адорно, при всех его марксистских и модернистских устремлениях, невозможно понять вне атмосферы романтических, антикапиталистических настроений предвоенной Германии. Эти настроения были вызваны неприятием представителями эстетизированной интеллигенции левого толка процессов тотальной примитивизации и омассовления культуры. В их среде под натиском событий прогрессировал естественно неизбежный культурный консерватизм. Адорно, памятуя о том, что вся культура разделяет вину общества, не утаивал подчеркивать разницу между высокой культурой и массовой, подвергая последнюю уничтожающей критике. Сознание неизбежности поглощения старого, благополучного мира «либерального капитализма» иррациональностью общественной системы эпохи капитализма монополистического не способствовало ослаблению мучительного пессимизма франкфуртского мыслителя. Безрадостные рефлексии адорновской «меланхолической науки», создававшейся, когда само время вынуждало отчаяться, впасть в апатию, не превосходило даже его настояниями на важности утопических надежд. Ретроспективные спекуляции Адорно о ходе истории неизбежно оказывались негативными, а испытываемая им ностальгия по прошлому претворилась в стойком стремлении к реставрации подлинно гуманистических ценностей ранней буржуазной культуры и прежде всего ценности автономной индивидуальности.

Напряжение четвертой линии силового поля интеллектуальной деятельности Адорно обуславливается негласным, но тем не менее ощутимым иудейским импульсом его мышления, который предохранял франкфуртца от более или менее полного внедрения ностальгических ценностей. Будучи по рождению наполовину евреем, Адорно официально принял католицизм, религию своей матери. Однако свойственный ему, как и большинству левых интеллектуалов того времени, космополитизм отличался сочетанием некоторых сектантских, этнических и религиозных особенностей. В период эмиграции из фашистской Германии и даже еще сильнее в годы, следовавшие за полным постижением масштабов происшедшей катастрофы, Адорно почувствовал в себе ростки иудейского наследия. Призрак Освенцима, неотступно преследовавший его, парализовал его мысль сознанием непреодоленного прошлого. Вместе с тем ученый не терял веры в возможность избавления от несовершенств современного общества и достижения его утопической альтернативы.

В качестве пятой среди рассматриваемых ярчайших энергетических концентраций адорновской мысли, можно обозначить предвосхищение франкфуртским ученым деконструктивизма — направления, которое сравнительно недавно заявило о себе в полный голос в работах постструктуралистских мыслителей Франции. Связь между Адорно и постструктурализмом фактически прослеживается вдали от простых параллелей через фигуру Вальтера Беньямина. В 30-е гг., во время своего изгнания из Германии, Беньямин был известен в Париже в кругу прото-деконструктивистов Колледжа социологии, руководимого Д. Баталли, П. Клоссовски, Р. Кайлои и М. Лерисом, которые, по-видимому, разделяли некоторые его идеи. Теория аллегории Беньямина, ставшая уже в преобразованном виде значимой и для Адорно, также отразилась в деконструктивизме.

Наконец, на общем для Адорно и Беньямина признании Ницше зиждется решающий аргумент в пользу предвосхищения Адорно деконструктивизма. И хотя франкфуртскому теоретику, ушедшему из жизни в 1969 г., удалось только предугадать приход и утверждение деконструкции в философской традиции, будет нелишне привести следующий комментарий: «Параллель между Адорно и деконструктивизмом совершенно потрясает. Задолго до оформления этой струи Адорно акцентировал значение тех разрозненных фрагментов, что проскальзывали сквозь концептуальную паутину, отвергая всю философию тождества, отбрасывая классовую сознательность как объективный «позитив», отрицая преднамеренность смысла. Действительно, вряд ли найдется в современной деконструкции тема, которая не была бы богато разработана в его трудах»⁴.

Силовое поле интеллектуальной деятельности Адорно, как мы теперь можем себе представить, будет включать в себя производительную энергию западного марксизма, эстетический модернизм, всплески сентименталь-

но-гуманистической ностальгии, иудейскую самоидентификацию, а также превосходящую тягу к деконструктивизму. Наконец, следует напомнить и о действенной силе социальной интонации в философии Адорно. Являясь приверженцем руководящей для Франкфуртской школы идеи о социальной детерминации всех форм и феноменов духовной жизни человека, Адорно в широком идейно-тематическом диапазоне затрагиваемых вопросов пальму первенства отдавал общественному, проецируя его прежде всего на искусство. Творения искусства, в его понимании, всегда состоят в родстве с актуальными жизненными процессами и раскрывают историю общества справедливее, чем документы.

Кризис музыкального искусства на современной стадии его развития, выразившийся в распаде компонентов музыкального языка, дезинтеграции исторически сложившихся форм, явился, по Адорно, в то же время специфической моделью социального тупика. Внутренне противоречивая, отрекшаяся от всех традиционных схем и правил новейшая музыка стиля «модерн» оказалась наделена у Адорно оппозиционной ролью, способностью наилучшим образом выразить социальные антиномии общества и посеять сомнения в позитивности существующего. Разумеется, модернистская музыка не афиширует своего социального смысла. Тем не менее в ее акустических крайностях и структурных переломах критик видит выражение общественной тенденции нарастания страха и растерянности, а также воплощение таких характерных черт времени, как «утрата субъектом своей роли», «разгром и уничтожение субъективного смысла», усугубление «конфликтов в масштабе всей земли»⁴. Учитывая тот факт, что «искусство сводится к видимости», Адорно не мог не замечать ирреальности «бунта» в рамках эстетических явлений. Он не скрывает, что «музыка, невзирая на свою неизобразительную, неметафорическую сущность, срослась с иллюзорным характером всего искусства», что «единственно через него искусство музыки осуществимо»⁵. Однако он надеется, что диалектика современного искусства вынудит его «сбросить иллюзорный характер, как сбрасывают звери отросшие рога»⁶. Для этого, считает ученый, необходимо все силы направить на то, чтобы «идеологическое потребление» музыки заменялось компетентным и сознательным к ней отношением. Только тогда она сможет стать моделью познания истины, хотя бы частично преодолевая свою замкнутость в рамках всего искусства.

В философии музыки Адорно задействован весь комплекс его идейно-творческих принципов. Опираясь методом больших философских обобщений, ученый вовлекается в орбиту вечных вопросов о смысле и строе окружающего мира и решает их совершенно по-своему, благодаря новому опыту сплава философской рефлексии с факторами музыкально-эстетического осмысления, осуществляя его на основе актуализации творческих завоеваний новой венской школы.

¹ Бальмонт К. Избранное. М., 1991. С. 519.

² Adorno Th. W. *Minima Moralia*. Frankfurt am Main, 1969. S. 50.

³ Eagleton T. *Walter Benjamin or Towards a Revolutionary Criticism*. London, 1981. P. 141.

⁴ Adorno Th. W. *Einleitung in die Musiksoziologie*. Frankfurt am Main, 1969. S. 190—191.

⁵ *Darmstadter Beiträge zur Neuen Musik*. Mainz, 1966—1968. S. 15.

⁶ Adorno Th. W. *Ästhetische Theorie*. Frankfurt am Main, 1970. S. 157.

Паліталогія Сацыялогія

К. Н. КУНЦЕВИЧ

ЛИБЕРАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ СООТНОШЕНИИ

Актуальная проблема соотношения либерализма и социализма решается в научных публикациях неоднозначно. Одни ученые утверждают, что либерализм и социализм самым тесным образом связаны. Другие обосновывают их глубокую несовместимость. «Семья идеологических и политических доктрин, — пишет, например, английский ученый Дж. Уолдрон, — состоит из консерватизма, социализма и либерализма. Между ними, как между отдаленными родственниками, имеются сходства и различия. При этом и общее и специфическое установить трудно»¹.

По мнению современного немецкого философа Т. Мейера, вся история развития западной демократии однозначно свидетельствует о существовании минимальной формы синтеза социалистических и либеральных представлений о взаимоотношениях индивида, государства и общества. «Эта форма синтеза стала своего рода базовым консенсусом западных демократий»². При этом взаимосвязь и взаимовлияние либерализма и социализма обусловлены рядом обстоятельств, в частности реформаторской направленностью событий в Восточной Европе, тенденциями индивидуализации жизни при одновременном росте потребности в коллективистских действиях. С одной стороны, техническое развитие, особенно в области переработки информации, ее передачи увеличивает удельный вес индивидуальных форм жизни и труда. В ближайшем будущем положение будут определять индивидуализированные, оснащенные электроникой рабочие места в сфере домашнего труда. Все более индивидуализируется обучение и досуг. Таким образом, коллективное все более уступает место индивидуальному, за что так ратует либерализм. Вместе с тем, считает Т. Мейер, сегодня существует ряд проблем, решение которых требует коллективистского решения, отстаиваемого социализмом. К таким проблемам относятся: проблемы коммуникации, среды обитания, положения отдельных личностей в обществе. Философ убежден, что в современном мире, базирующемся на растущем разделении труда, количество подобных проблем будет неуклонно возрастать.

Т. Мейер убежден, что один из лидеров германской социал-демократии Э. Бернштейн выступал за либеральное понимание индивидуальной свободы. Социализм представлялся ему как «распространенный на все сферы общества принцип товарищества, а именно равноправного участия в принятии решений». Социалистический проект Э. Бернштейна включал в себя гарантии прав человека, плюралистическую демократию, критическое отношение к научным истинам, в том числе и к традиции научной легитимации самого социализма, внутрипартийную демократию и одновременно отмену привилегий на решения, базирующиеся на праве частной собственности, преодоление рыночной анархии. И хотя социалист Бернштейн и признавал значительность роли демократического государства в преодолении экономического всевластия частных собственников и в демократизации жизни, именно он, по мнению Мейера, был одним из первых теоретиков социализма, которые выступили против переоценки общественного регулирования экономической и социальной жизни с помощью государства.

Другой немецкий ученый Д. Хазельбах возводит основы «либерального социализма» к Дюрингу и Оппенгеймеру. Именно развитая ими теория явилась последовательным экономическим либерализмом в духе либерала А. Смита. Всякая форма социально-политического контроля рыночного механизма этими теоретиками считалась ненужной. Свобода рассматривалась лишь как радикальный экономический либерализм. В теории «либерального социализма» нашли отражение и попытки связать утверждение, что либеральная экономика является единственным средством, гармонизирующим общественные отношения, с признанием того, что неограниченному рынку сопутствуют нищета и разорение. Устранение этого положения должно было наступить в результате общественной реформы, имевшей целью не эмансипацию человека как производителя общественных отношений, а как некое завершение истории, возвращение к стихийной природной гармонии. Дюринг и его сторонники выступали за создание профессиональных и политических союзов рабочих, противостоящих власти собственников. Эти союзы были призваны вести борьбу за повышение заработной платы и за реформы в целом. В отдаленной перспективе предусматривалась реорганизация экономики на принципах крупного производственного товарищества, которая должна была обеспечить выравнивание всех доходов на уровне «полного трудового вклада».

Что касается соотношения либерализма и марксизма, то выводы ученых здесь также неоднозначны. От противопоставления — до утверждений о заимствовании марксизмом основных постулатов либерализма. В качестве иллюстрации можно привести мнение немецкого ученого О. Кальшойера, утверждающего, что в творчестве Маркса, особенно в его критике капитализма, такая фундаментальная ценность, как свобода, преобладает над другой ценностью — «равенство» или «справедливость». Противопоставляя «старому буржуазному обществу» с его классами и классовыми противоположностями «будущую ассоциацию, в которой свободное развитие каждого является условием развития всех», авторы «Манифеста» оказались гораздо ближе к либеральному принципу свободы, чем к социалистическому требованию равенства и справедливости. Далее Кальшойер пишет, что Маркс и Энгельс мало заботились о характерном для социалистов принципе социальной справедливости и даже высмеивали появление этого принципа в программных документах немецких катедер-социалистов и лассальянцев. В критике капитализма Маркс явно избегал определения этого строя как несправедливого. Как следует из «Капитала», «для Маркса не существует никакого независимого понятия справедливости, которое могло бы служить определенным масштабом в оценке отдельных способов производства. Выражение «справедливость» оказывается здесь для Маркса «простым юридическим понятием, право же как надстройка функционально подчинено тому или иному способу производства». В «Капитале», отмечает Кальшойер, Маркс иногда прибегает в своей аргументации и к понятию «справедливость», однако, бесспорно, не эта фундаментальная ценность составляет нормативную основу марксовской теории. «Таким образом, — делает вывод немецкий исследователь, — основоположники научного коммунизма разделили со многими либералами ту ошибку, что почти не уделяли внимания теории «справедливости», т. е. справедливому распределению шансов на индивидуальную свободу»³.

Часть исследователей считает, что либерализм отличается от социализма социальной базой. Либерализм представляет собой лишь отражение буржуазных интересов. Отчасти с таким мнением можно согласиться. Действительно, в основе либерализма лежит буржуазная философия. Однако уже в XIX в. границы либерализма и буржуазии не совпадали, а до настоящего времени социальная база либерализма претерпела значительные изменения. Так, В. М. Межуев к социальной базе либерализма относит и так называемое «третье сословие», объединяющее класс мелких частных собственников, ремесленников, торговцев, городской буржуазии (всех тех, кого принято называть сегодня «средним городским классом») ⁴. О расширении социальной базы либерализма пишет Ю. А. Замошкин: «Либеральные группировки выступили сторонниками государственного вмешательства в экономику, организации государственной системы социальных услуг, социальной помощи слоям и группам, оказавшимся в объективно-неравноправном или бедственном положении. Характерно, что либерально-демократические реформы были направлены и на защиту мелких и средних предпринимателей, а также, что очень важно, на создание более равных возможностей для людей, находящихся на самых нижних этажах соци-

альной пирамиды...»⁵ Примерно такого же мнения придерживается и немецкий ученый Г. Форлендер, который считает, что либеральная партия Геншера (СвДП) представляет интересы «средних слоев»⁶. Мы согласны с мнением о «расширении социальной базы либерализма», однако было бы большим преувеличением считать, что все либералы в настоящее время выступают сторонниками государственного вмешательства в экономику. Это справедливо лишь для части либералов. Другая же ее часть — «неолибералы» — являются приверженцами «классического либерализма», выступавшего за невмешательство государства в экономические отношения частного капитала.

Для противопоставления либерализма и социализма нередко используется такой аргумент, как разное время их возникновения. Если доктрина либерализма оформилась еще в период английской буржуазной революции, а к XVIII в. в основном была уже законченной, то социализм как теория восходит к 30—40-м гг. XIX в.⁷ Другой аргумент в пользу противопоставления либерализма и социализма связан с наличием особенностей в развитии тех или иных стран. В частности, французский ученый Ж. Тушар подчеркивает, что если английский социализм обильно насыщен либеральными идеями (это легко проследить на примере фабианства), то французский социализм, являясь своеобразной реакцией на буржуазный либерализм, теоретически противопоставит последнему⁸. Третий аргумент связан с принципом использования власти: либерализм выдвигает в качестве основной претензии к социализму принцип использования им власти и привилегий для благоденствия ограниченного круга элиты и поддержания низкого уровня жизни основной массы населения. Четвертое различие либерализма и социализма покоится на том, что если социализм привержен коллективизму, то либерализм зиждется на частных интересах, частной собственности, свободном рынке, индивидуализме, невмешательстве государства в экономику. По этому поводу русский философ П. И. Новгородцев писал: «Либерализм допускает вмешательство государства в экономическую жизнь только в той мере, в какой общество не утрачивает контроля над государством, высшей целью которого остается защита прав и свобод граждан. Социализм же допускает свободу в той мере, в какой государство сохраняет контроль над обществом»⁹.

Таким образом, соотношение либерализма и социализма, особенно в их нынешних, а не классических формах, достаточно сложно. На этом основании мы считаем несостоятельными упрощенные характеристики социальных проблем вне зависимости от специфики различных форм этой теории. Так, на III съезде Объединенной демократической партии Беларуси, состоявшемся в декабре 1992 г., некоторые либерально настроенные теоретики определили социализм как «самую изощренную форму эксплуатации».

¹ Waldron J. // *Philos. quart.* Oxford, 1987. V. 37. № 147. P. 128.

² *Liberalismus und Sozialismus.* Marburg, 1987. S. 7.

³ *Ibid.* S. 11—12.

⁴ *Вопросы философии.* 1990. № 6. С. 3.

⁵ Там же. 1989. № 6. С. 10.

⁶ См.: *Verfall oder Renaissance des Liberalismus?* Munchen, 1987.

⁷ См.: *Touchar J. Histoire des idees politiques.* Paris, 1988. P. 550.

⁸ *Ibid.* P. 518.

⁹ Новгородцев П. И. // *Новый мир.* 1991. № 12. С. 206.

А. П. МЕЛЬНИКОВ

О ПРОБЛЕМЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложными и сверхсложными системами невозможно управлять по жестким схемам и правилам. Здесь господствуют процессы самоорганизации, саморегулирования, самонастройки системы. Что же такое саморегулирование применительно к предмету нашего разговора и каково его соотношение с другими однопорядковыми понятиями?

Поскольку саморегулирование, управление и самоуправление являются главным образом информационными процессами, постольку для понимания законов их развития следует исходить не только из них самих, но также

из того, имманентными характеристиками чего они выступают. На наш взгляд, таковым является прежде всего самоорганизация различных систем, в том числе духовной культуры. Самоорганизация духовной жизни есть объективный процесс — основа регулирования и саморегулирования. Благодаря тому, что духовная жизнь — самоорганизующаяся система, возможно регулирование и саморегулирование в сфере духовной культуры.

Самоорганизация культуры — выражение ее самодвижения и саморазвития. Самодвижение — это философская категория, выражающая изменение объекта под влиянием внутренне присущих ему противоречий, условий и факторов¹. Самодвижение — фундаментальное свойство материи. На достаточно высоком уровне ее развития спонтанность самодвижения находит свое выражение в саморазвитии, которое связано с более высокой степенью организации системы, а именно с переходом к ее самоорганизации.

Принцип самодвижения, саморазвития — важнейший принцип диалектики, имеющий неограниченное значение не только для адекватного познания объективных явлений, но и для практической деятельности, особенно процессов управления, регулирования и саморегулирования во всех сферах общественной жизни, в том числе в области культуры.

Каковы причины саморазвития? С диалектической точки зрения, конкретный процесс саморазвития, являясь результатом внутренних и внешних детерминант, в котором определяющее значение играет внутренняя детерминация, выступает благодаря этому и как самодетерминирующийся, сам себя поддерживающий и сам себя стимулирующий процесс². Важнейшим основанием развития является внутренняя и внешняя активность развивающегося объекта. Она определяет не только устойчивость, сохранение, воспроизводство, но и характер изменений, их направленность. В результате изменения развивающегося объекта предстают не только как «самопроизвольные», но и как «внутренние необходимые изменения»³. Изменчивость может служить основой развития в той мере, в какой она не случайна, а обусловлена самим развивающимся объектом и тем самым выступает как момент его самодетерминации. Изменчивость дает материал для последующего развития в той мере, в какой она сама является продуктом развития объекта или внутренне связанных с ним частей, что, впрочем, не исключает противоречий между изменениями развивающегося объекта и относительно не зависимыми от него изменениями его составляющих. Только благодаря активности развивающегося объекта неопределенная изменчивость превращается в определенные изменения, лежащие в основе развития.

С самодвижением и саморазвитием различных сложных систем, в том числе и социальных, неразрывно связана их самоорганизация, которая по сути дела составляет содержание процессов самодвижения и саморазвития. Под самоорганизацией часто понимают самозарождение организации, т. е. возникновение из некоторой совокупности целостных объектов определенного уровня новой целостной системы со своими специфическими закономерностями; о самоорганизации говорится иногда как о способности системы изменять внутреннюю структуру и способы поведения; самоорганизацию связывают также с автономным развитием, которое управляется изнутри, а не извне. Нас интересует самоорганизация в последнем значении — как возникновение упорядоченности без детерминирующего воздействия со стороны системы высшего порядка или вообще без определяющего воздействия извне. Хотя, конечно, мы не можем полностью отвлечься от рассмотрения самоорганизации как самозарождения организованности и ее поддержания, как процесса саморазвития тех или иных систем с учетом прошлого опыта.

Самоорганизация в сложноорганизованных структурах возникает вследствие появления и разрешения диалектических противоречий между неустойчивостью и устойчивостью, беспорядком и порядком, случайностью и необходимостью. Флуктуации, явившиеся вначале чем-то случайным, благодаря их усилению приводят к определенной закономерности, связанной с самоорганизацией и образованием новых динамических структур. Таким образом, случайное и необходимое, так же как и беспорядок и порядок, неустойчивое и устойчивое, выступают в процессе самоорганизации как противоположные, но диалектически взаимосвязанные стороны единого процесса⁴.

Самоорганизация — обязательный признак или основание любой объективно необходимой, закономерно возникающей социальной системы, ес-

тественно-историческое состояние всякого общества и его отдельных сфер, в том числе сферы духовной культуры. Самоорганизующаяся система в идеальном смысле — это система, обеспечивающая развитие за счет последовательного становления базовых элементов, внутренне присущих данной системе. Без дополнительного воздействия извне органически должны проявлять себя те «несущие» фундаментальные свойства, которые образуют ее качества. Такая система существует и укрепляется за счет своих внутренних потенций. Ее структура и соотношение составных частей пребывают в динамике, но внутренние уравновешены. По отношению к другим подобным системам она автономна и устойчива.

В свете всего изложенного самоорганизацию как выражение сущности саморазвития можно определить как процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Иными словами, под самоорганизацией в широком смысле понимается способность системы к стабилизации некоторых параметров посредством направленного упорядочения ее структурных и функциональных отношений с тем, чтобы противостоять энтропийным факторам. Процессы самоорганизации характеризуются при этом возрастанием упорядоченности системы, информационным взаимодействием со средой, процессами саморегулирования и самоуправления⁶.

Буквальное значение слова «самоорганизация» указывает на то, что речь идет о тех процессах, поддерживающих и повышающих организованность того или иного объекта (системы), которые не нуждаются в управленческих воздействиях извне, совершаются в таком смысле «сами собою». Отсюда ясно, что самоорганизация позволяет упрощать управление просто тем, что делает часть его излишним: зачем управлять тем, что и само способно изменяться в соответствующем направлении? Чем выше степень самоорганизованности системы, тем в большей мере в ней осуществляются процессы саморегулирования и самоуправления, которые, в свою очередь, являются показателем уровня самоорганизации.

Можно утверждать, что самоорганизация обеспечивает саморазвивающимся объектам наивысшую эффективность, точность сохраняющих реакций, оптимальность разрешения нарастающих вне и внутри них противоречий. Все сказанное предполагает необходимость перехода от административно-бюрократической системы управления процессами культуры к самоорганизации культурной жизни, при которой выживаемость нарождающихся в ней явлений оказывается зависимой от их творческих потенций, а не от волюнтаристских решений. Речь идет о том, чтобы дать возможность возникающим явлениям духовной жизни развиваться на основе принципа самодвижения, а не аппаратного решения. Как показывает практика, некомпетентное вмешательство различных «управленцев» в сферу культуры нарушает ее естественное развитие и ведет к деградации. Иными словами, многие социальные системы, в том числе процессы духовной культуры, наиболее оптимальное развитие получают на основе саморегуляции и самоуправления, которые осуществляются без особого субъекта управления, через свойства самоорганизации системы, заложенные в структуре и в механизмах ее функционирования. Саморегуляция сложных динамических систем проявляется в способности сохранять свои параметры под воздействием внутренних и внешних изменений, обеспечивая тем самым свое существование, функционирование и развитие. Саморегулирующиеся механизмы складываются сами по себе, они никем не «учреждаются» и не контролируются и тем не менее «по сути дела, саморегуляция является наивысшим проявлением упорядоченности»⁶.

Подчеркивая идею самодостаточности в саморегулировании, было бы, пожалуй, неправильным считать, что все средства социального саморегулирования, в отличие от управления, связаны только со стихийными формами социальной организации. Так, например, Т. В. Керимова утверждает, что саморегуляция — это стихийно складывающийся процесс и включает в него лишь социально-психологические регуляторы обыденного сознания, формирующиеся действительно стихийно⁷. Однако следует иметь в виду, что общественное сознание кроме социально-психологических содержит еще специализированные, идеологические регуляторы в виде социальных норм, идеалов, принципов, программ, которые выполняют регулятивную функцию. В этом отношении более обоснованно утверждение П. Н. Лебедева о том, что «саморегулирование может быть и теоретически ориентированной деятельностью и институционализированной; но оно может осуществляться и спонтанно, по типу гомеостаза»⁸.

Таким образом, саморегулирование может быть и стихийным, и сознательным процессом. Сознательная саморегуляция характеризуется как целеполаганием, так и целеосуществлением. Тем не менее ее не следует отождествлять с управлением. Это скорее самоуправление, поскольку речь идет об упорядочении своего собственного поведения, о сообразовании его с теми или иными установками и ориентациями. К тому же здесь нет разграничения управляющей и управляемой подсистем, саморегулирующиеся процессы не «вынесены» в роли объекта управления, не имеют специально организующей направленности по отношению к другим социальным объектам, и, следовательно, лишены важнейших признаков социального управления.

Различные социальные системы, обладающие способностью к саморегулированию, обычно называют адаптивными системами, т. е. способными самостоятельно приспосабливаться к изменениям условий их функционирования. Такие системы обладают рядом специфических свойств. К важнейшим из них относятся: во-первых, свойство самонастройки, т. е. самостоятельного изменения параметров функционирования системы; во-вторых, свойство самоорганизации в узком смысле, т. е. самостоятельного преобразования структуры (изменения количества составляющих систему элементов и связей между ними) при сохранении присущих данной системе качественных характеристик; в-третьих, свойства самообучения, т. е. самостоятельного отыскания условий, при которых система удовлетворяет критериям качества своего функционирования.

Следовательно, саморегулирующаяся система вырабатывает защитные механизмы против не соответствующих ее внутренним потребностям воздействий, давления извне. Она сама решительно устраняет неизбежные ошибки, промахи в собственном поведении. Само собой разумеется, как мы уже отмечали, возрастание уровня самоорганизации, саморегулирования в культурной области вступает в противоречие с частными интересами некоторых политических деятелей, администраторов от культуры, вызывает их неизбежное сопротивление. Повышение уровня эффективности функционирования духовной сферы на основе саморегулирования и самоуправления ведет к тому, что уже не станут восприниматься как незаменимые по своей функциональной роли некоторые политические институты, они уже не будут подвергаться своеобразной сакрализации в общественном сознании; станет очевидной бессмысленность попыток централизованного управления процессами культурного развития.

Каково же соотношение понятий «саморегулирование» и «самоуправление» в сфере культуры? Саморегулирование, как уже было сказано, может быть и стихийным, и сознательным, а самоуправление — лишь сознательным; это более высокий уровень регулирующих воздействий. На наш взгляд, процессы саморегулирования и самоуправления находятся в таком же отношении друг к другу, как регулирование и управление, к которому добавляется только то обстоятельство, что эти процессы протекают внутри системы, составляя функции определенных ее элементов. Следовательно, когда речь идет о самоуправлении, нужно иметь в виду те процедуры, которые, в отличие от управления как деятельности определенной вышестоящей инстанции, осуществляются самой системой, достигшей такого уровня развития, который позволяет ей самой выдвигать цель, планировать и производить все действия по собственному изменению, развитию, усовершенствованию. Очевидно, что такие системы предполагают сознательную деятельность человека, учитывающую объективные механизмы самоорганизации и саморегулирования духовной сферы.

Таким образом, самоуправление — это способ управления, основанный на самоорганизации, саморегулировании и самоконтроле. Самодетельность и самоответственность выражают его наиболее характерные черты. Там, где есть самоорганизация и саморегулирование, там не всегда имеет место самоуправление. Но везде, где есть самоуправление, оно строится по объективным законам самоорганизации и саморегулирования. Внутренняя организация системы саморегуляции процессов развития культуры, ее функционирование часто не институализируются. Саморегулирующиеся механизмы возникают естественным путем как результат непосредственной реакции на необходимость решения различных проблем. «Культурное развитие общества происходит через свободное предъявление и творческую конкуренцию разных культурных ценностей, моделей и образцов»⁹.

В целом же развитие духовной культуры в различных сферах и на каждом данном этапе предполагает сочетание регулирования и саморегулирования.

В одних областях регулятивный механизм преобладает над саморегулированием и самоуправлением, в других доминирует саморегуляция, самоуправление.

Одной из форм саморегулирования в художественной культуре является, например, эстетический идеал, нормы и традиции самого искусства. Эти нормы и традиции порой не согласуются с реально существующей системой государственного регулирования. Так случилось, например, с массовыми эстрадными жанрами, вокально-инструментальными ансамблями, многие из которых слабо контролируются из-за отсутствия глубокого осмысления «механизмов самодвижения» общественного сознания в данной области. Все это еще раз подтверждает положение о том, что мы должны строить нашу культурную политику на разумном сочетании государственного регулирующего начала с децентрализацией и саморегулированием культурных процессов.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 565.

² См.: Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1. С. 316.

³ К а й д а н о в В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1983. С. 61.

⁴ См.: Б о й к о В. С. //Философские науки. 1988. № 10; М а р к о в В. А. Феномен случайности: Методологический анализ. Рига, 1988.

⁵ См.: К а з а р и н о в М. Ю. Детерминизм в сложных системах управления и самоорганизации. Л., 1990. С. 124 и далее.

⁶ Социализм: Между прошлым и будущим. М., 1989. С. 181.

⁷ См.: К е р и м о в а Т. В. Социальный прогресс и управление. М., 1980. С. 67.

⁸ Л е б е д е в П. Н. Очерки теории социального управления. Л., 1976. С. 12.

⁹ Социальное проектирование в сфере культуры: От замысла к реализации, М., 1988. С. 53.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

Авария на Чернобыльской атомной электростанции — одна из крупнейших аварий в истории человечества. В результате аварии радиоактивному загрязнению подверглись пять областей республики Беларусь с населением около двух миллионов человек.

Уже много говорились о колоссальных материальных и культурных потерях, вызванных аварией, нарушении генофонда и т. п. Но самое главное здесь не потери, которые со временем так или иначе могут быть восполнены, а то, что авария породила новые, постоянно действующие деструктивные факторы, чрезвычайно интенсивно воздействующие на все без исключения сферы жизни общества. В этом специфика данной аварии, которую нельзя рассматривать как обычную катастрофу. Мы имеем дело с совершенно специфическим явлением, не имевшим аналогов в обозримой истории человечества: на значительном географическом пространстве не просто разрушен прежний мир, а возник новый, обладающий в известной степени особой физикой, биологией, социологией и психологией, в результате негативные последствия аварии не снижаются, а усиливаются. Научный термин для обозначения такого явления в настоящее время отсутствует. Мы предлагаем условно обозначить его термином «сверхкатастрофа» — необратимая катастрофа. Именно на таком понимании ситуации должна строиться стратегия преодоления последствий аварии на ЧАЭС.

Одними из наиболее серьезных оказались последствия социально-психологические, в результате которых образовалась новая социальная общность — «чернобыльцы». Как показало непрерывное наблюдение данной категории людей, их мировоззрение формируется не на оппозиции «чернобыльцы» — экологические последствия на ЧАЭС, а на оппозиции «чернобыльцы» — государство. Это бинарная оппозиция, в которой первый член формируется на отрицании второго. Конкретно это выражается в том, что свои беды и проблемы «чернобыльцы» связывают не с физическими последствиями аварии на ЧАЭС, а с деятельностью государства по преодолению

нию этих последствий. Данная оппозиция имеет прогрессирующую тенденцию, обостряя социальный конфликт. Этот конфликт принадлежит макросоциологии, он имеет место между большими социальными группами «чернобыльцы» и «власть» (может быть, в перспективе дополнен оппозицией «чернобыльцы» — остальное население, начало чему уже положено). Однако внутренние противоречия рассматриваемой группы также могут приобретать форму конфликтов между ее различными слоями. Возникающая повсеместно конфликтность, без сомнения, относится к категории социально-психологических условий жизнедеятельности населения.

Охарактеризуем наиболее значительные из названных факторов.

Власть. Волонтаристский принцип «надо» доминирует здесь над здравым смыслом. Отношение к аварии на ЧАЭС как к обычной катастрофе приводит к усугублению ее последствий. В известном смысле Чернобыль стал ловушкой для государства. Попытка ввести в зоне бедствия меры военного коммунизма только обострили многие проблемы. Достаточно сказать о строительстве недалеко от сильно зараженных участков автомобильных дорог, новых поселков, школ, которые вскоре не раз приходилось оставлять. В Добрушском районе Гомельской области есть деревня, жителей которой переселяли четыре раза (!). Огромные средства тратятся впустую. Административное решение проблемы оказывается бесперспективным. Где же выход? Если обратиться к опыту зарубежных стран, то, например, США, «...являясь страной с традиционно минимальным уровнем прямых методов государственного вмешательства в экономические процессы, в области экологического регулирования пошли по пути преимущественного использования административно-законодательных мер» (Абалкина И. Л. Экологическое регулирование в хозяйственном механизме США. М., 1989. С. 69). Высокую эффективность такого подхода автор видит в том, что в США государство осуществляет контроль за деятельностью негосударственных предприятий. У нас же государство контролирует само себя, что является полным абсурдом.

Ключевой проблемой здесь является проблема места и прав функций нового государственного органа Госкомчернобыль. Кому должен подчиняться Госкомчернобыль? Непосредственно Совмину на равных правах с другими министерствами? Но Госкомчернобыль должен контролировать эти министерства. Можно сделать председателем Госкомчернобыля первым заместителем Председателя Совета Министров. Но не получит ли он при этом слишком много прав? Возможным решением была бы передача Госкомчернобыля непосредственно Верховному Совету Республики Беларусь. Однако у Верховного Совета нет исполнительного аппарата и такая передача нарушит его статус. Кроме этих проблем, остаются вопросы: какими функциями и полномочиями должен обладать сам Госкомчернобыль? Все эти вопросы требуют безотлагательного решения. К ним следует добавить вопрос о взаимоотношениях государства с экологической общественностью и концессионерами. Необходима специальная программа использования возможностей концессионеров и экологических обществ, многие из которых стремятся приобрести статус юридического лица, штаты и средства, не имея к тому достаточных оснований.

Средства массовой коммуникации. Вторым по значению фактором, усиливающим воздействие последствий катастрофы, являются средства массовой коммуникации (СМК). По отношению к СМК население выступает как аудитория. В настоящее время психологические характеристики нашей аудитории являются поистине уникальными. Прежде всего отмечается ее небывалая внушаемость. Как утверждают ведущие психотерапевты (академик В. П. Казначеев, профессор В. И. Лебедев, Тодор Дичев), если в цивилизованных странах гипнотическому воздействию в среднем поддаются 0,3—0,5 % населения, то в странах СНГ внушаемость достигает 40—50 %. Наблюдения, проведенные профессорами В. Лебедевым и Ю. Горным в спорткомплексе «Олимпийский» на спектакле Нирмали Деви, зафиксировали стопроцентную внушаемость.

Лебедев: «Впервые в жизни вижу на стадионе сумасшедший дом. Присутствующие 4300 человек были превращены в биороботов. Снимали по команде обувь, носки, синхронно выполняли движения руками, головой, т. е. все, что было приказано делать. Если бы им было приказано убить, то это было бы осуществлено. Перед нами была толпа, не владеющая собой». Колоссального успеха в плане внушения (его характер в данном случае не важен) достигали телевизионные сеансы А. М. Кашпировского и Алана Чумака. По утверждению Тодора Дичева, после сеансов Кашпировского

смертность возрастала в три раза, отмечалось массовое снижение защитных сил организма. Тодор Дичев назвал это явление новой формой СПИДа. Такая внушаемость делает аудиторию чрезвычайно зависимой от средств массовой коммуникации.

Воздействие радиации на организм человека не воспринимается органами чувств. О наличии радиационной опасности человек узнает не только из действий властей, но и из сообщений СМК. Информирова о событиях, связанных с аварией на ЧАЭС, СМК негативно воздействует на аудиторию: а) замалчивая масштабы последствий аварии; б) преувеличивая ее последствия; в) сообщая некомпетентные сведения; г) давая противоречивую информацию.

Мировой опыт свидетельствует, что руководители атомной промышленности всегда пытались преуменьшить опасность аварий и испытаний ядерного оружия. Так, сообщения о последствиях ядерного взрыва в Хиросиме впервые появились в США в газете «Нью-Йорк таймс» только 13 сентября, т. е. через неделю. Спустя 38 дней после взрыва та же газета извещала крупным аншлагом: «На руинах Хиросимы никакой радиоактивности». В 1954 г. правительство США в течение десяти дней не давало информации об испытаниях водородной бомбы на атолле Бикини и о том, что японские рыбаки и жители Маршалловых островов подверглись радиоактивному заражению. Об аварии в Уиндскейле (Великобритания) на военном атомном реакторе правительство сообщило спустя три дня, и только через тридцать лет стали известны истинные масштабы этой аварии. Не только правительства, но и МАГАТЭ склонно преуменьшать последствия аварий. В материалах этой организации по поводу аварии на атомной электростанции «Тримайл-айленд» в США, происшедшей 28 марта 1979 г., преобладают выражения: «Прискорбно, что по поводу аварии было так много истерической дезинформации», «Мы потрясены чувствительностью средств массовой информации и различных государственных учреждений к отсутствию достоверной информации».

Закрытое советское общество молчало об аварии на ЧАЭС две недели, после чего гласность породила беспрецедентную откровенность. Все это вместе взятое привело к значительной социальной и психологической дестабилизации населения. Главная проблема здесь — в отсутствии систематического контроля за информацией по атомной энергетике. Под системой информационного контроля не следует понимать запрет освещения масштабов аварии и проблем ликвидации ее последствий. Это привело бы к прямо противоположным результатам — появлению слухов, измышлений и откровенной клеветы, неизбежно заполняющих информационный вакуум. Если достоверная информация об атомной или другой аварии не поступает вовремя, люди предполагают худшее и начинают искать другие источники знаний. Речь идет о необходимости создания качественно новой, мобильной службы, в задачи которой входили бы не только подготовка единой унифицированной информации для использования ее любыми открытыми источниками или делегациями, а для связей с широкой общественностью. Во главе такой службы должны стоять компетентные люди. Необходимо, чтобы они контактировали с учеными в подготовке и публикации справочников и книг.

Семья. Приходится констатировать значительный уровень социально-психологической дестабилизации семьи в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Действие радионуклидов приводит к повышению заболеваемости и, как следствие, к высокой утомляемости, снижению работоспособности, к развитию астенизации и депрессивного фона. Тревога за здоровье и жизнь обостряется, когда речь идет о судьбе детей. Этот страх не является следствием радиофобии, он вполне адекватен сложившейся радиационной обстановке и является нормальным импульсом к самосохранению. Он усиливается с течением времени, так как происходит осознание того, что все более длительное время организм подвергается воздействию радионуклидов.

Используемая органами власти стратегия взаимодействия, построенная на неподтверждении опасности, препятствует установлению диалога между ними и населением. Несформированность и несовершенство образцов отселения чревата, как показали уже проведенные исследования, конфликтами с местным населением, разрушением сельской общины, разрывом семейных связей, ухудшением условий быта и жизнеобеспечения семей.

К этому добавляется ощущение себя объектом манипуляций, вызванное отсутствием во многих местах систематического медицинского контроля,

льготная приплата к заработной плате, вызывающая подозрение, что с ее помощью людей удерживают на загрязненных территориях; ощущение бессмысленности бытия, развивающееся в связи с чувством обреченности и заброшенности.

Пути выхода из такого положения требуют особенно тщательного и углубленного изучения. Однако уже сейчас можно утверждать, что синдром жертвы, ощущение себя объектом манипулирования могут быть устранены в том случае, если люди получают реальную возможность осуществлять выбор своего жизненного пути.

Школа. Проблемы школы — это продолжение проблем семьи. В районах, подвергшихся радиационному загрязнению, дети основное время проводят в школьных коллективах. Здесь они не только учатся, но и отдыхают, питаются, получают товары повседневного спроса, проходят медицинское обследование. Школы вывозят детей в лечебно-оздоровительные центры. Таким образом, в районах радиационного загрязнения школа во многом подменяет семью, беря на себя функции не только обучения, но также воспитания и материального обеспечения. В такой ситуации формируется личность школьника-иждивенца. Этому способствуют и взгляды родителей: «мы жили плохо, пусть наши дети, пока учатся, проживут хорошо»; «мне должны, так как я пострадавший». Такая психология не может не сказаться на способностях детей к социальной адаптации после окончания ими школы и переезда в незараженные районы. Настроения «иждивенчества» со временем могут вызывать рост социальной напряженности и конфликтности. Хотя это проблема завтрашнего дня, но решать ее надо уже сегодня.

А. А. КРУТЛОВ

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБСТАНОВКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный этап развития нашего общества характеризуется переоценкой идеалов и ценностей, усилением внимания к его истории и культуре в частности, а также выработкой новых жизненных ориентиров. В последнее время религия рассматривается в качестве главного критерия возрождения духовности и нравственности нашего народа, уничтоженных якобы «воинствующим» атеизмом. А если учесть при этом, что идеология не вырабатывается каждым человеком, а насаждается, то станет понятной цель апологетов религии.

Они, категорически настаивая на коренном пересмотре и переоценке марксистского понимания сущности религии и атеизма, всячески обвиняют атеистов в уничтожении таких ценностей, как церковная архитектура, живопись, и даже культура в целом, пытаются убедить нас, что только «религия во все времена была хранителем истины», что лишь с принятием христианства «дикая, варварская Русь» вдруг стала цивилизованной страной, а славянские народы получили письменность, культуру и государственность, что только под влиянием библейских предписаний можно возродить высокую нравственность, духовность и милосердие. Нашлись даже такие ученые, которые якобы обнаружили у человека «гены религиозности».

Подобного рода измышлений много. Что же тогда представляют собой все эти измышления: «новое мышление» или открытую идейную борьбу против научного атеизма и марксистской философии в целом? Сегодня уже очевидно, что все это делается чаще всего сознательно. Более того, ясно и то, что делается это с целью заменить социалистическую идеологию религиозной, вытравить из сознания людей коммунистические идеи, которые мешают кое-кому утвердить в нашей стране капитализм с религиозно-идеалистическим мировоззрением. Воспользовавшись так называемой демократией и плюрализмом мнений и получив поддержку со стороны главных архитекторов перестройки, активизировали свою деятельность служители различных религиозных конфессий. В результате количество религиозных приходов (общин) за годы перестройки в Республике Беларусь увеличилось примерно в два раза и составило на 1 января 1993 г. 1519 общин по 19 религиозным конфессиям. (В 1986 г. зарегистрировано было 804 общины). Однако это ни в коем случае не свидетельствует о таком массовом росте верующих. Он хотя и заметен, но значительно в меньшей степени. Если, например, в районе была одна церковь, а стало три, то каждому ясно, что

число прихожан не утроилось.

Количество же религиозных общин в Республике Беларусь на 1 января 1993 г., по данным Совета по делам религий при Совете Министров Беларуси, выглядело следующим образом: больше всего имеется приходов Белорусской православной церкви Московского Патриархата (788), дальше идут Римско-католическая церковь (335), церковь христиан веры евангельской или пятидесятников (169) и евангельских христиан баптистов (158). Другие религиозные направления не являются столь массовыми.

В целом же христианские общины составляют свыше 98 % всех общин. Вместе с тем если количество христианских общин за годы перестройки возросло примерно в два раза, то мусульманских — в 8, а иудейских — в 7 раз. Характерно и то, что появились такие совершенно новые для республики религиозные течения, как Церковь Иисуса Христа, кальвинистская церковь, собрание христиан, кришнаиты, дзэнбуддисты, бахаисты.

За этот период большие преобразования произошли в Белорусской православной церкви Московского Патриархата. Если до перестройки она считалась одной из 76 епархий Русской православной церкви, то в октябре 1989 г. преобразована в экзархат Белорусской православной церкви Московского Патриархата, который имеет свой синод и насчитывает вместо одной десяти епархий: Минскую, Гродненскую, Новогрудскую, Брестскую, Пинскую, Туровскую, Гомельскую, Могилевскую, Полоцкую и Витебскую. Следовательно, во столько раз вырос и административно-управленческий аппарат. Кстати, в дореволюционной Белоруссии функционировало всего лишь четыре епархии Русской православной церкви. Кроме Жировицкого монастыря, открыто еще три: в Полоцке, Гродно и Могилеве.

В Жировицах восстановлена Высшая православная семинария, в Минске открыто православное училище для подготовки псаломщиков и регентов. Не меньшую активность проявляют и деятели католической церкви. Если количество приходов в православной церкви за годы перестройки увеличилось примерно в два раза, то католической — в три. На территории республики католическая церковь имеет три епархии: Минско-Могилевскую, Гродненскую и Пинскую, а также высшую духовную семинарию в Гродно.

Что же касается протестантской ветви христианства, то в республике создано 5 миссий (3 у евангельских христиан баптистов, 2 — у пятидесятников или христиан веры евангельской) и библейское общество. Те и другие открыли по одной заочной семинарии в Минске.

Наблюдается значительный рост совершения религиозных обрядов крещения и венчания. В массовом порядке создаются школы по обучению детей религии, а также различного рода курсы для взрослых по изучению Библии и закона божьего. В качестве положительного можно отметить тот факт, что церковь в ряде мест берет шефство над больницами, домами инвалидов и престарелых. Однако эта деятельность, по признанию самих служителей церкви, пока не получила широкого размаха. Почти все церкви в республике, как и раньше, делают отчисления в фонд мира, а также в чернобыльский фонд. В то же время в ряде случаев местные органы власти, промышленные предприятия и другие организации нередко оказывают материальную помощь в восстановлении старых и строительстве новых культовых зданий. В результате построено и находится в стадии строительства около 50 культовых зданий. Вместе с тем свыше ста имеющихся в республике бывших культовых зданий до сих пор не востребованы верующими.

Ширится приток в нашу республику литовских и особенно польских ксендзов и монахов. Причем многие из них прибывают по приглашениям частных лиц. Прибывшие таким образом ксендзы чаще всего захватывают приходы самовольно и ведут проповедническую деятельность, даже не имея белорусского гражданства. И таких ксендзов большинство. Так, например, если официально было приглашено 50 ксендзов, то самовольно к 1991 г. их прибыло свыше 200. Не менее активную работу по религиозному обучению ведут монахи.

При костелах с целью привлечения молодежи нередко открываются так называемые «Католические клубы молодежи». Перед венчанием молодые обязаны в течение четырех недель изучать катехизис, а затем «дают обет жить в мире и согласии вечно».

Как отметил председатель Совета по делам религий при Совете Министров Беларуси Алексей Жильский в интервью корреспонденту агентства «Интерфакс» в ноябре 1992 г., «под предлогом возрождения духовности и свободы вероисповедания в республике ведется активная работа по усиле-

нию влияния Римской католической церкви, которую представители определенных политических сил в средствах массовой информации и на бытовом уровне умышленно именуют не иначе как польской». Речь идет не о том, что католическая церковь сама по себе угрожает суверенитету и территориальной целостности Беларуси, а о том, что опасность представляют политические организации, которые «используют Римскую католическую церковь в своих целях». Такое использование церкви чревато прежде всего межконфессиональной нетерпимостью, которая может перерасти и в межнациональную конфронтацию. Об этом свидетельствует тот факт, что многие польские ксендзы, прибывшие в Беларусь, по сообщению Жильского, «ведут себя явно не в соответствии со своим священным саном — устанавливают в костелах национальные флаги и иную государственную атрибутику Польши, подстрекают верующих на противоправные действия и несоблюдение белорусских законов». В результате чего папе Иоанну Павлу II с белорусской стороны было предложено не только не командировать в республику ксендзов из Польши, но и прибывших заменить гражданами других государств. Жильский в этой связи совершенно справедливо заметил: «Мы категорически возражаем против того, чтобы Римская католическая церковь в Беларуси называлась Польской», так как «белорусский католический епископат имеет здесь свои управленческие структуры. Он не зависит от Польского».

То, что делают многие польские ксендзы в Беларуси, является не только вмешательством во внутренние дела суверенного государства, но и наносит огромный вред формированию национального самосознания белорусов.

Не менее активно в этом плане действуют и другие религиозные конфессии. Почти все они имеют свои периодические издания, распространяют религиозную литературу. Без пропаганды религии не обходится ни одно из средств массовой информации. Она культивируется ими как панацея от всех наших бед и несчастий. И хотя наблюдается значительный рост религиозности в период так называемой перестройки, однако говорить о религиозном возрождении сегодня не только рано, но и неправомерно, если вести речь не о внешней, показной религиозности, а внутренней искренней убежденности в своей вере. Дело в том (об этом свидетельствует и практика), что многие, даже называя себя верующими, не всегда являются таковыми. Я не говорю уже о тех перевертышах, которые вчера были коммунистами-атеистами, а сегодня стали верующими, посещают сами церкви, крестят детей и, как библейские фарисеи, выставляют свою религиозность напоказ. Оттого, что кто-то, включая и некоторых членов правительства Республики Беларусь, примет участие в крестном ходе, посетит храм и даже назовет себя католиком, православным, униатом или иудеем, вряд ли люди поверят, что он стал таковым. Ведь обращение в религиозную веру — дело весьма интимное, связанное с внутренней борьбой, с изменением своих мировоззренческих, нравственных идеалов. Можно смело утверждать, что почти никто из них и не помышляет о реальном поиске царства божьего. И как ни странно, такого рода религиозность присуща больше всего и прежде всего работникам культуры, которые очень быстро реагируют на новые духовные поветрия и символику, стремясь во всем быть первыми, новаторами. А став такого рода «верующими», они в свою очередь через средства массовой информации широко пропагандируют свою религиозность как панацею от всех бед и несчастий, как некую высшую духовность и нравственность. В результате возрастает подобного рода подражание, но не истинная религиозность, а скорее интерес к религии, и прежде всего у молодежи. И в этом виноваты мы сами: не так излагали историю религии, не раскрывали достаточно глубины ее сущности, а нередко и просто накладывали на нее табу. Запретный же плод всегда сладок. Взять к примеру священную книгу христиан — Библию. Она, к сожалению, не была доступна основной массе советских граждан, особенно молодежи. Тщательное же изучение ее истинного содержания дало бы самые неожиданные результаты, ибо она по своему содержанию является самой атеистической книгой. Давно назрела необходимость, кроме религиозного, раскрыть и светский характер Библии как памятника истории культуры и литературы в частности.

Такова примерно религиозная обстановка в республике. Однако картина будет неполной, если не рассмотреть миссионерскую деятельность из-за рубежа, которая ныне резко активизировалась. Ее ближайшая цель — лишить наших людей национального самосознания, увести их от действительности в мир иллюзий, сделать их послушными «рабами» божьими, чтобы можно было управлять ими по своему усмотрению.

Можно с уверенностью сказать, что именно с этой целью Республику Беларусь в прямом смысле заповилили религиозные миссионеры из разных стран мира. Витрины и столбы на остановках общественного транспорта городов Республики Беларусь, и прежде всего Минска, и даже средства массовой информации пестрят рекламными миссионерскими объявлениями и призывами.

Складывается впечатление, что Дома культуры основную свою задачу видят сегодня в пропаганде религии, сводя к ней всю культуру. Понятно, что культура в республике, как и все прочее, в экономическом отношении низведена до нищенского состояния. И чтобы хоть как-то поправить свои финансовые дела, удержаться на плаву, Дома культуры сдаются в аренду кому угодно и для чего угодно.

Миссионеров уже не устраивают разовые кампании. Они хотят иметь постоянно действующие школы по обучению религии наших соотечественников. Так, в Минске создается американцами Библейская школа, или точнее — колледж «Сант Джеймс Байбл». Цель создания этой школы американский представитель объяснил так: «Мы бы хотели здесь создать новую генерацию пасторов, которые помогали бы людям понять Библию, прийти к вере Христовой».

Мало того, зарубежные миссионеры уже целыми эшелонами вывозят наших соотечественников за пределы республики. Так, например, только 22 и 24 октября 1992 г. Духовная миссия Билли Грема (США) закупила два поезда для доставки из Минска и Бреста верующих и неверующих (кроме того, еще 10 поездов из других уголков СНГ) на евангельское собрание в Москве. Цель его — духовное якобы обновление людей из республик бывшего СССР. Все мы должны понять, что никто зря денег на нас тратить не будет.

Однако удивляет не только сама по себе миссионерская деятельность в РБ. Удивляет прежде всего то, что нас, почти поголовно имеющих среднее и высшее образование, учат все, кому не лень: американские холлы, немецкие хенкелы, еврейские ребе и даже корейские личанримы. А еще больше поражает то, чему нас учат и кого хотят из нас сделать. И самое удивительное то, что никто этому не препятствует. Но, наоборот, только способствуют.

Так, наши средства массовой информации чаще всего лишь с восторгом сообщают о миссионерской деятельности и широко ее рекламируют. Попустительствуя религиозной миссионерской деятельности, не раскрывая ее истинных содержания и цели, мы тем самым признаем себя низшей, далекой от цивилизации расой, которая не способна сама познать истинную сущность той или иной религии, священных книг. Выходит, что мы не способны сами разобраться, где реальность, а где миф, отличить научное мировоззрение от ненаучного.

Вот вам пример миссионерской деятельности, который подтверждает правильность этой мысли. В метро пожилой мужчина вручает каждому проходящему буклет-афишу — подарок так называемого «Семейного радио», ведущего религиозные передачи. На деле же, безбидный опус пытается убедить нас в том, что Библия «открывает нам, что действительная причина наших несчастий заключается не в экономике, не в политике или каких-либо внешних обстоятельствах. Главная причина — наши грехи. Они являются источником наших бед и они сделали нас противниками Бога».

Вручая эту агитку, миссионер каждому говорил: «Бесплатно». Когда же с ним попытались вступить в разговор, то оказалось, что по-русски он знает одно лишь слово «бесплатно». Вот так «бесплатно» у нас насаждают свою идеологию разного рода миссионеры.

В нашей республике наблюдается совмещение церковной и государственной деятельности, причем чаще всего на высшем уровне. Но политика — это не сфера деятельности церкви.

Далее. Если церковь как институт, как религиозная организация отделена от государства, то и государственные средства массовой информации не должны использоваться церковью, тем более, что у нас церкви имеют свои газеты и журналы. А если они хотят использовать государственное радио и телевидение, то правильнее было бы иметь по договоренности с государством свою волну для передач по радио и свой канал для телепередач или хотя бы зафиксированное определенное время. А то ведь различные религиозные конфессии оказываются не в равных условиях. Представители одной из них постоянно выступают по радио и телевидению, в печати, а другим такая возможность не предоставляется.

Не поднимает престиж священнослужителей и попытка свои религиозные праздники превращать в государственные, делать эти дни нерабочими. Не украшает это и правительство. На практике дело доходит иногда до абсурда. Для подтверждения сошлюсь на один характерный пример. Согласно Конституции РБ, церковь отделена от государства, нет государственной и даже господствующей религии. Все религии равны, все религиозные объединения имеют одинаковые права. Однако правительство РБ принимает решение о признании государственным лишь некоторых, причем только христианских праздников. Более того, так называемое Рождество Христово отмечается дважды (25 декабря и 7 января). Объяснить можно, что здесь отдается дань уважения католикам (они отмечают этот праздник 25 декабря) и православным, которые, пользуясь старым стилем, отмечают его 7 января. Объяснить, но не оправдать. Подобная же картина наблюдается и с Пасхой. Во-первых, это религиозные праздники и никакого отношения к нашему государству, к его истории не имеют. Во-вторых, почему рождество одной и той же личности, даже если она и реальная, отмечается дважды? И, в-третьих, а почему государственными стали только христианские праздники? Чем православие или католицизм лучше иудаизма, ислама и других религиозных конфессий? Только тем, что православных и католиков в республике больше? Да, приверженцев других конфессий меньше. Но ведь истинная демократия как раз и начинается с признания и уважения прав меньшинств. Это, с одной стороны. А с другой, создавая привилегии для одной религии и идя ей на уступки, правительство сознательно вызывает недовольство другой религии и тем самым дает повод для разжигания межконфессиональной розни.

Или возьмем другой пример. Освящение новостроек, детских садов, офисов, презентаций светских событий, включая и съезды партий. На каком основании этим занимаются чаще всего опять-таки православные и католические священники? Если все религии равны, то почему бы не стать в рядок представителям всех конфессий и коллективно освящать все подряд? Тем более, что уже есть пример. Так, Второй съезд БНФ «Адраджэнне» начался благословением священников трех вероисповеданий. Кстати, некоторые из депутатов Верховного Совета и членов правительства республики поговаривают о возможности введения должности капеллана в армии. Интересно, из представителей каких религий их предполагают назначать?

Выходит, что церковь, ратуя за осуществление свободы совести, но стремясь стать государственной религией, сама сводит эту свободу к нулю. Церковь может быть свободной и независимой только при отделении ее от государства. А если какая-либо из религий станет государственной, то, с одной стороны, она сама становится зависимой от государства, переходит к нему на службу и будет служить власть имущим, а не верующим, а с другой — остальные церкви попадают под ее зависимость, становясь не только неравноправными, но, как это бывает чаще всего, и гонимыми.

Сегодня уже многие понимают, что, возрождая христианство, как и любую другую религию, наши средства массовой информации вкупе со священнослужителями при поддержке правительства стремятся фактически возродить дооктябрьскую идеологию, хотя и под благовидным предлогом — утвердить гуманистические ценности, духовность и подлинную нравственность, якобы уничтоженные коммунистами-атеистами. Однако отождествляя подлинный гуманизм, духовность и нравственность с религией, с дооктябрьской идеологией, они напрочь забыли историю. Тысячелетнее господство православия и католицизма не спасло народы от страданий и нищеты, от эксплуатации и ужасов войн. Более того, церковь освящала все это с той или иной стороны, она всегда поддерживала власть имущих. Но это только одна сторона медали. Страшнее другое. Любая религия убивает в человеке свободу деятельности. Верующий все свои дела, поступки и даже мысли обязан согласовывать с предписаниями религии. Он всегда зависим от них, закрепощен, ограничен. Он ограничен даже в своих мыслях. Он может думать только так, как велит его религия, Священное писание, отцы церкви. Любой верующий, если он живет по предписаниям своей веры, является ее рабом. Более того, он презирает и даже ненавидит тех, кто с ним не согласен, кто живет и думает иначе.

Если взглянуть на происходящее объективно, то получается, что прежде всего само наше правительство, насаждая религию в стране административными мерами (объявление христианских праздников общегосударственными иначе назвать нельзя), способствует превращению свободолюбивых белорусов в рабов божьих. Не в меньшей степени оно способствует этому

процессу и своей внешней политикой. Сошлюсь лишь на один факт. 11 ноября 1992 г. установлены дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Ватиканом. Архиепископ Франческо Коласуонно, подписавший об этом протокол от имени Ватикана, дипломатично заявил, что это документ является якобы результатом давних контактов Белоруссии и Ватикана, и выразил уверенность, что их развитие получит новый импульс.

Конечно, трудно что-либо говорить против установления дипломатических отношений с тем или иным государством. Но ведь Ватикан — это прежде всего центр мирового католицизма, который не только навязывает, но нередко диктует свою волю другим народам, для чего широко использует и дипломатические каналы. Что это так, следует хотя бы из обещания представителя Ватикана оказывать помощь нашей республике прежде всего в реставрации костелов. Он выразил уверенность, что наши отношения будут плодотворными и в других сферах взаимодействия. Об этих сферах рядовому гражданину можно только догадываться. Да, Ватикан действительно никогда не был равнодушен к Белоруссии: экспансию католицизма белорусский народ испытывал на себе не раз. И в наши дни Ватикан не отказался от замысла окатоличивания белорусов.

Достаточно обратить внимание на наплыв к нам католических ксендзов из других стран и прямое или косвенное вмешательство Ватикана в наши внутренние дела. Сошлюсь на весьма красноречивый пример. В американском еженедельнике «Тайм» за 24 февраля 1992 г. Карл Бернштейн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июля 1982 г. в результате встречи между президентом США Р. Рейганом и главой Ватикана папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании по ускорению процесса распада коммунистической системы и социалистического строя. Об этом хорошо знал М. С. Горбачев, о чем свидетельствует следующее его признание: «Все, что произошло в последние годы в Восточной Европе, было бы попросту невозможным без усилий папы». Значит, и к распаду Союза его святейшество руку приложил. Надо полагать, что об этом знает и белорусское правительство. Отсюда напрашивается вопрос: не будет ли «плодотворным» сотрудничество правительства Белоруссии и Ватикана в дальнейшем разорении республики и ограблении народа? (Окончание статьи см. в следующем номере).

Е. М. ВОРОБЬЕВА, А. В. ВОРОБЬЕВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕНТА

Под рентой (лат. *reddita* — возвращенная) в экономической литературе обычно понимают вид дохода, регулярно получаемого с земли, капитала, имущества, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Как экономическое явление рента возникла с появлением прибавочного продукта. Однако попытки ее теоретического обоснования появились только в период становления товарного производства, когда сельское хозяйство оставалось еще основной формой жизнедеятельности общества, а земля и природные ресурсы — базисным фактором его развития. Капитал и рабочая сила выступали в то время «помощниками» природного процесса, который ими не контролировался. В таких условиях собственность на землю являлась объективной основой существования общества. Вполне понятно, почему первые попытки научного обоснования этого экономического явления коснулись земельной ренты.

На индустриальной стадии развития общества базисным фактором становится капитал, воплощенный прежде всего в средствах производства. Это послужило причиной появления концепций экономической ренты, капитальной ренты.

«Экономическая теория индустриального общества рассматривает ренту как единственный вид экономического излишка и определяет ее как разницу между общим доходом на фактор производства и ценой его предложения. В основе цены предложения лежат альтернативные издержки. Ренту получает любой собственник блага, количество которого естественно или искусственно ограничено по сравнению со спросом. При этом рост цен на ограниченное благо не сопровождается увеличением его предложения.

На современном этапе НТР, который вводит человечество в постиндустриальное (информационное) общество, основным фактором общества становится интеллектуальная деятельность, а основными ресурсами — интеллект и информация.

Информационное общество характеризуется следующими признаками: 1) централизация теоретических знаний для производства и социального развития; 2) наличие новой интеллектуальной технологии; 3) наличие класса «создателей знаний»; 4) переход от индустриального к сервисному обществу; 5) торжество меритократии: социальная позиция человека зависит не от собственности и имущества, а от знаний и квалификации; 6) наличие дефицита информации и времени; 7) приоритет экономики информации¹ во всех сферах общества.

В связи с этим возникает необходимость теоретического обоснования и экономического осмысления данного этапа развития производительных сил. Попытаемся представить одну из таких категорий — интеллектуальную ренту, которая в экономической литературе еще специально не рассматривалась.

Интеллектуальная рента — это дополнительный доход, получаемый владельцем интеллекта (либо результатов его деятельности). Надо отметить, что такой ресурс, как интеллект, интеллектуальная деятельность, обладает рядом особенностей, которые влияют на специфику его использования. К

таким особенностям можно отнести: невозможность измерения интеллекта в каких-либо единицах; знания (информация) представляют собой товар общественного пользования; одна и та же информация может быть использована любым числом людей, любое число раз.

Основой интеллектуальной ренты является собственность на научно-техническую и интеллектуальную рабочую силу. Мы различаем простую, сложную, научно-техническую и интеллектуальную рабочую силу. Научно-техническая рабочая сила соответствует первому этапу НТР и по сравнению со сложной рабочей силой обладает рядом дополнительных характеристик, таких как: высокие профессиональные знания, возможность их постоянного пополнения и др. Однако научно-техническая рабочая сила еще непосредственно соединяется со средствами производства. Интеллектуальная же рабочая сила является основой постиндустриального общества и к процессу производства относится опосредованно.

Собственность на рабочую силу — это отношение между носителем рабочей силы и работодателем, возникающее по поводу включения работника в процесс производства, т. е. по поводу соединения факторов производства. Мы различаем общинную, частную, государственную и индивидуальную формы собственности на рабочую силу. Каждая форма соответствует исторически определенному этапу развития производительных сил.

На индустриальной стадии развития общества рабочая сила использовалась в форме индивидуальной (личной) и государственной. Индивидуальная (личная) форма собственности на рабочую силу соответствует развитым рыночным отношениям. Рабочая сила в этом случае принадлежит ее владельцу и включается в процесс производства посредством продажи своей способности к труду. Государственная форма собственности на рабочую силу на этой стадии соответствует планомерно организуемой, централизованной экономике. Рабочая сила принадлежит государству и используется в его интересах. В период так называемой эпохи застоя государственная собственность на рабочую силу стала проявляться в извращенных формах. Это означает, что профессионализм и знания использовались не в интересах общества, а в интересах тех групп и слоев, которые выступали от его имени. Основой данной стадии явилась сложная и научно-техническая рабочая сила.

На постиндустриальной стадии, когда решающим фактором и ресурсом становятся знания и информация, рабочая сила существует только в индивидуальной (личной) форме. Основой постиндустриального общества является интеллектуальная рабочая сила.

Важнейшим условием образования интеллектуальной ренты являются различия в интеллектуальных способностях и результатах интеллектуальной деятельности. Владелец интеллекта или результата его функционирования заключает договор с предпринимателем по поводу использования этого ресурса. Обладатели высокого интеллекта получают интеллектуальную ренту (кроме заработной платы), а предприниматели получают предпринимательский доход. Вторым условием образования интеллектуальной ренты является опережающее развитие системы образования по сравнению с производством, так как именно там осуществляются «вложения в человека» и выявляются способности к интеллектуальной деятельности.

В командной экономике интеллектуальная рента полностью присваивается государством. Поскольку каждый отдельный работник здесь не принимает участия в движении созданного им экономического продукта, исчезает необходимость в товарно-денежных отношениях, опосредующих обмен продуктами труда. Только рынок через эквивалентный обмен может отделить сложный труд от простого, более производительный от менее производительного, вознаграждая каждого по заслугам.

Возникает вопрос: правомерно ли исследовать интеллектуальную ренту в командной экономике, где реально товарно-денежных отношений нет, а существует лишь их имитация? На наш взгляд, интеллектуальная рента должна выделяться и в экономике командного типа, ибо без нее невозможно объяснить воспроизводственные процессы, протекающие на микро- и макроуровне. Однако здесь она не может быть определена в системе координат рыночного хозяйства из-за отсутствия реальных товарно-денежных отношений. Интеллектуальную ренту в командной экономике следует рассматривать как форму отношений между государством и научно-технической рабочей силой по поводу изъятия и перераспределения интеллектуальной деятельности и ее продукта. Это может осуществляться в форме непосред-

ственно живого труда, а также труда, ове­ществленного в потребительных стоимостях, в деньгах.

В связи с особенностями интеллекта как ресурса в развитых странах, в условиях рыночной экономики возникают специфические формы присвоения интеллектуальной ренты, одной из которых является венчурный капитал. Венчурное финансирование — это новая форма кредитования, когда кредиты даются не под процент, а под определенную часть прироста капитала или под долю в акционерном капитале будущей компании. Для этого образуется особый венчурный фонд за счет вложений банков, крупных корпораций, страховых и пенсионных фондов и т. п. Венчурный фонд кредитует венчурные предприятия или венчурные компании, которые представляют собой небольшие фирмы, занятые производством и реализацией нововведений. Как правило, венчурный фонд финансирует одновременно 10—15 компаний и берет на себя значительную степень риска, но зато и получает, в случае успеха, высокую норму прибыли.

Венчурный фонд (фирмы венчурного капитала) обычно вносит 1 % и становится генеральным партнером. Крупные инвесторы вносят остальные 99 % и становятся ограниченными партнерами без права распоряжаться фондами. Генеральный партнер получает 2 % годовых (от подписчиков капитала) и 20 % и более — от итоговой прибыли¹.

Как правило, через год кто-нибудь из 10—15 компаний добивается успеха и появляется возможность распространения акций этой компании. Через несколько лет партнерство расформируется. Акции распространяются среди партнеров, а венчуры могут быть проданы частным лицам.

Это одна из форм распределения интеллектуальной ренты. Но возможен также вариант распределения интеллектуальной ренты и внутри крупной корпорации. В связи с этим появляется понятие интерпренерства (в отличие от охарактеризованного выше антерпренерства). В данном случае основным владельцем интеллекта и его результатов является корпорация, но и автор идеи или других объектов интеллектуальной собственности — интерпренер — сохраняет свои права на нее, обусловленные договором с администрацией. Так, например, в корпорации «АТТ» применяются три основные схемы вознаграждения интерпренеров в зависимости от степени риска: 1) интерпренер получает заработную плату плюс премиальные бонусы; 2) заработная плата замораживается на том уровне, который существовал до перехода специалиста (интерпренера) в новое качество, пока рисковое предприятие не начнет приносить прибыль. Тогда в дополнение к заработной плате интерпренер получает премиальные бонусы в размере до 15 % от уровня заработной платы; 3) интерпренер участвует в инвестициях в свое предприятие за счет отчислений от собственной заработной платы. При этом заработная плата не должна быть ниже установленного минимума, а интерпренер получает значительную долю прибыли от рискового предприятия².

Итак, интеллектуальная рента представляет собой особый вид дохода, который формируется на основе собственности на рабочую силу (научно-техническую и интеллектуальную). Важнейшими условиями его формирования являются различия в уровне интеллектуальных способностей и опережающее развитие системы образования.

¹ См.: Велл Д. The Computer Age: A Twenty-Year View. London, 1981. P. 166—167.

² Подробнее об этом см.: Фирсов В. А. // Вестн. Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. 1991. № 2. С. 17—18; Нехорошева Л. П. // Бухгалтерский учет, финансы, кредит, статистика. Мн., 1992. Вып. 73. С. 68 и далее.

³ См.: Иваниц Н. П. // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 3. С. 8.

ЛИ СИНЬ

ГОСКАПИТАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КНР (свободные экономические зоны)

После второй мировой войны в разных странах стали создаваться специальные зоны хозяйствования: особые экономические зоны, свободные экономические зоны, свободные торговые зоны, зоны свободного предпринимательства и т. д. Несмотря на многообразие названий, суть одна — выделение определенной территории в границах данного государства или региона с предоставлением ей льгот в области торгово-экономической де-

тельности, налогового обложения, таможенных и других поощрений для привлечения инвестиций иностранного капитала и выхода на мировой рынок.

В настоящее время в мире насчитывается более трех тысяч свободных или специальных экономических зон (СЭЗ). С 1979 г. по настоящее время в Китае создано пять СЭЗ: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу (в провинции Гуандунь), Сямынь (в провинции Фуцзянь) и Хайнань (вся провинция). В 1984 г. получили статус открытых 14 приморских портовых городов, а в 1985 г. дельты Янцзы, Чжухай, Миньнань стали открытыми экономическими зонами. С начала 1992 г. в Китае создаются различные зоны экономического развития, зоны освоения новейших высоких технологий в Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзини и других городах внутренних районов страны, а на рубеже со странами бывшего Советского Союза — открытые пограничные города.

Создание СЭЗ в социалистическом Китае является практическим воплощением ленинской теории о государственном капитализме. Страна с преобладанием мелкого крестьянского хозяйства в процессе социалистической революции должна апробировать целую серию переходных мер по использованию различных форм капитализма для развития производительных сил. Поскольку нельзя «запретить или запереть развитие капитализма», надо «стараться направить его в русло государственного капитализма», используя его «как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что использование государственного капитализма не только не погубит нас, а, наоборот, позволит идти к социализму через этот надежный путь. Госкапитализм используется в различных формах, включая объединения с иностранным капиталом, концессии иностранного капитала, аренду государственных предприятий внутренним частным капиталом, смешанные акционерные общества в сфере производства и обращения, торговую на комиссионных началах, кооперацию. В 20-е гг. Советский Союз заключил с иностранными компаниями более 210 договоров о концессиях, а также соглашения о добыче марганца, золота и нефти на 20—30 лет с Великобританией, США и Японией. Пригласил из-за рубежа опытных специалистов, некоторые из них работали даже в центральных промышленных органах. И после смерти В. И. Ленина Советский Союз получал иностранные кредиты, импортировал передовые технологии. К концу 1931 г. страна получила 140 млн. рублей иностранных кредитов, а к концу 1932 г. в разных отраслях ее работало более 20 тыс. квалифицированных рабочих².

Государственный капитализм как переходная форма от капитализма к социализму — «это тот капитализм, который идет на сотрудничество с пролетарской государственной властью, капитализм контролируемый, регулируемый, «насаждаемый» государством диктатуры пролетариата, капитализм, борющийся с отсталыми формами экономических отношений, стихией «мелкобуржуазного разгильдяйства», мелкого товарного производства, капитализм, объективно помогающий (если его умело использовать) рабочему классу развиваться и утверждать социалистическое производство»³. В начале социалистической революции рабочий класс, завоевавший государственную власть, но не овладевший всеми экономическими формами хозяйствования, не имеющий возможности сразу все эти формы превратить в социалистическое производство, вынужден принимать меры для развития некоторых из них, «дозревания», постепенного перевода их в социалистические формы хозяйства. Это позволяет сохранить производственный аппарат, развивать производительные силы и использовать созданные на капиталистических предприятиях товары в интересах всего народного хозяйства, с другой стороны, капиталистам гарантируется прибыль.

Предприятия всенародной и коллективной собственности, предприятия с участием иностранного капитала (совместные, кооперативные и чисто иностранные) и индивидуальные предприятия трудящихся составляют в СЭЗ основу структуры многоукладной экономики. Привлечение и использование иностранного капитала является самой главной целью СЭЗ, поэтому в их экономике преобладают предприятия с участием иностранного капитала, в которых социалистическое государство и иностранные капиталисты имеют права на собственность, на распоряжение средствами производства и на предпринимательство и управление — две стороны сотрудничают на основе равенства и взаимовыгодности. Что касается чисто иностранных предприятий, они представляют собой капитализм, который находится под контролем государства. Предприятия с участием иностранного капитала

представляют экономику госкапиталистического характера. Государственная экономика социализма в СЭЗ всегда занимает преимущественное положение как местная материальная база управления и оказывает влияние на хозяйственную деятельность иностранного капитала. Одновременно, поскольку государство владеет ключевыми экономическими областями в СЭЗ, государственное хозяйство играет важную роль в областях общественного производства, обращения, распределения и потребления.

Итак, госкапитализм в СЭЗ есть тот капитализм, сферу деятельности которого ограничивает социалистическое государство, капитализм, который экономически содействует социалистическому государству, капитализм, связанный с социализмом страны и с иностранным капитализмом. Госкапитализм в настоящее время отличается от госкапитализма в начале переходного периода. Последний соединял в себе социалистическую экономику с внутренним капитализмом, средства и форму преобразований капиталистической экономики в социалистическую, а первый связывает социалистическую экономику с иностранным капиталом, который содействует развитию производительных сил страны. Иностраный капитал при этом получает высокую прибыль, а социалистическое государство — новые материалы, передовые технологии и опыт управления.

Теперь Китай находится на первом этапе социализма. Различные отрасли народного хозяйства отстают от западных экономически развитых стран на 50 лет, оборудование на предприятиях устарело, а потому низка производительность труда и эффективность производства большинства госпредприятий. Слабым звеном народного хозяйства являются энергетика, коммуникации, связь, сырьевая база и сельское хозяйство. Культура, наука и народное образование далеко не соответствуют требованиям развития народного хозяйства. Общетехнический уровень развития Китая отстает от мирового на 20 лет. Для реализации социалистической модернизации необходимы огромные средства и передовые технологии, которые можно получить через использование госкапитализма.

Главными формами использования госкапитализма в СЭЗ является создание совместных и кооперативных предприятий с участием зарубежных инвестиций, а также предприятий чисто иностранного капитала, совместная эксплуатация нефтепромыслов, компенсационная торговля, обработка сырья, сборка машин и механизмов из деталей заказчика и т. п. К 1989 г. в Китае четыре СЭЗ утвердили 4902 объекта для иностранных инвестиций. Договорные иностранные инвестиции составляют 8,46 млрд долл. США; фактически использованный зарубежной капитал составил 3,7 млрд долл. (не считая провинции Хайнань). За 10 лет (с 1980 по 1990 г.) в четырех СЭЗ экономика сделала гигантский скачок. Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства возросла в 17,7 раза, валовая продукция промышленности — в 24,6, совокупная стоимость розничной продажи товаров увеличилась в 24,3 раза⁴.

Страны-инвесторы должны подчиняться законам и управлению государств, разрешивших им ввоз капитала, необходимого для экономического развития, путем внедрения новейших технологий, оборудования, увеличения производства товаров, накопления валюты, и потому вынужденных терпеть капиталистическую эксплуатацию как «цену выкупа». В период 1966—1985 гг. общие инвестиции компании США в экономику развивающихся стран составляли 54,47 млрд долл., а в то же время полученная ими прибыль достигла 140,4 млрд долл.⁵

Использование иностранного капитала в СЭЗ требует совершенствования законодательства, процедуры принятия решений и достижения соглашений об особенностях управления и использования иностранного капитала.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 222, 229.

² См.: Ван Венбинь. История экономики Советского Союза. Пекин, 1986. С. 159.

³ Янченко С. Е. Переходные формы производственных отношений. Мн., 1974. С. 102—103.

⁴ См.: Жэминь Жибао. 1992. 5 апр.

⁵ См.: Лю Мысюнь. Особенности современной экономики капитализма. Пекин, 1991. С. 376.

Л. В. ПАВЛОВА

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ВЕЩАНИЯ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВЕННЫЕ СПУТНИКИ

Непосредственное телевизионное вещание (НТВ) является одной из новых форм мирного использования космического пространства, расширяющей и ускоряющей возможности международного обмена информацией. Это объясняется как глобальностью аудитории (в настоящее время, по данным ЮНЕСКО, космическим телевидением пользуется более 100 государств), так и характером эмоционального воздействия на зрителя.

Несмотря на то, что практическая реализация НТВ стала осуществляться с конца 70-х гг., вопрос о необходимости его международно-правового регулирования дебатировался в доктрине и в рамках ЮНЕСКО и ООН уже в начале 60-х гг. Вызвано это было тем, что прямое телевизионное вещание значительно отличалось от традиционных форм, когда сигналы из космоса принимаются с помощью наземных приемных станций для дальнейшей ретрансляции по национальной сети, иначе — вещание от пункта к пункту (point to point broadcasting).

НТВ означало использование спутников новой модификации, способных ретранслировать телевизионную программу прямо на индивидуальные телевизоры без посредничества наземных приемных пунктов. При такой ситуации государство не могло контролировать и отбирать иностранные телевизионные программы, что в условиях конфронтационных отношений тех лет между западными и социалистическими странами, между развитыми и слаборазвитыми государствами воспринималось последними как возможность для идеологических диверсий, угроза суверенитету государств и вмешательство в их внутренние дела. Этим объясняется активная поддержка развивающимися и социалистическими странами инициативы Швеции на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1967 г. — поручить Комитету ООН по космосу заняться проблемой НТВ. В 1968 г. на основании резолюции Генеральной Ассамблеи была создана рабочая группа для обсуждения проблемы НТВ¹. Параллельно указанный вопрос обсуждался в рамках ЮНЕСКО и Международного союза электросвязи (МСЭ).

В ходе заседаний рабочей группы выявились острые разногласия как по вопросу необходимости международно-правового регулирования НТВ, так и принципам такого регулирования.

Последовательными противниками регламентации НТВ выступали представители США, считая ее преждевременной (из-за отсутствия условий для реализации) и ненужной, при наличии Правил Международного союза электросвязи, делающих практически невозможным использование спутников для вещания, представляющего собой вмешательство².

Действительно, МСЭ на своих конференциях принимает резолюции, касающиеся размещения спутников на геостационарной орбите³, ограничения мощности излучаемых сигналов. Однако запретительные нормы Правил направлены на предотвращение взаимных помех при работе спутников и не затрагивают правовых проблем, которые были предметом постоянных дебатов в рабочей группе. Следует отметить сложность правовой концепции НТВ, вытекающей из его многофункциональности. НТВ как вид деятельности государств в космическом пространстве подпадает под действие при-

нципов, закрепленных в Договоре о космосе 1967 г., в частности ст. 1, согласно которой космическое пространство открыто для использования всеми государствами на равной основе⁴. Ссылаясь на этот принцип, западные юристы обосновали суверенное право каждого государства заниматься НТВ.

Однако в силу того, что конечной целью государства, использующего искусственные спутники для ретрансляции своих телепрограмм, является доведение их до населения иностранного государства, вступают в действие такие принципы международного права, как уважение государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела. Базируясь на них, представители развивающихся и социалистических стран настаивали на суверенном праве каждого государства контролировать иностранное телевидение.

Кроме того, на НТВ, как на одно из средств массовой информации, распространяются нормы, регулирующие международный информационный обмен, тесно связанные с правом человека «получать и распространять информацию и идею любыми средствами и независимо от государственных границ». Именно правом на свободу информации, закрепленным в статье 19 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.⁵, мотивировали американские представители свои возражения против необходимости правового регулирования НТВ и какого-либо контроля со стороны государства, на территорию которого распространяются сигналы НТВ.

Однако, хотя право человека на свободу информации носит абсолютный характер, оно не касается содержания информации, относительно которой в международном праве имеются ограничения. В той же ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) государству предоставляется право вводить ограничения с целью «охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Государство обязывается запрещать пропаганду войны, расовую, религиозную, национальную дискриминацию или ненависть (ст. 20).

Таким образом, к моменту обсуждения проблем НТВ в международном праве уже имелись критерии правомерных ограничений информационного потока, но свобода усмотрения государства в их трактовке могла привести к коллизии национальных законов и требовала выработки унифицированных принципов.

В 1972 г. по инициативе СССР вопрос «О разработке международной конвенции о принципах использования государствами искусственных спутников земли для непосредственного телевизионного вещания» был включен в повестку дня XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. СССР представил проект названной конвенции⁶. Основные ее положения сводились к следующему: НТВ должно осуществляться в интересах мира, прогресса, развития взаимопонимания и сотрудничества между народами; государства при осуществлении НТВ должны руководствоваться принципами международного права и Договором о космосе (1967 г.); предусматривалось обязательное предварительное согласие государства на осуществление НТВ на его территорию, вводилась международная ответственность государств за передачу через искусственные спутники материалов противоправного характера (пропаганды войны, расовой или национальной ненависти) либо подрывающих устой местной цивилизации, культуры, быта, языка; государствам предоставлялось право противодействовать противоправному вещанию путем применения эффективных мер не только на своей территории, но и в космическом пространстве и в других местах за пределами национальной юрисдикции; проводить консультации, если есть основания полагать, что будет иметь место непреднамеренное облучение сигналами НТВ со стороны иностранного государства.

В результате обсуждения предложения СССР на Генеральной Ассамблее была принята резолюция 2916 (XXVII), которая учла ряд положений советского проекта, касающихся необходимости государствам руководствоваться принципами уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равенства и сотрудничества. В то же время в ней подчеркивалось, что государства не должны препятствовать свободному потоку сообщений и свободе информации. Не было поддержано предложение СССР о разработке конвенции, касающейся принципов НТВ. Резолюция рекомендовала разработать принципы НТВ «с целью заключения международного соглашения»⁷.

Разработка таких принципов была поручена юридическому подкомитету

Комитета ООН по космосу. На его рассмотрение были представлены проекты документов, подготовленные Аргентиной, Канадой и Швецией (совместно), СССР и США. В проекте, внесенном Аргентиной, и в выступлениях представителей развивающихся стран поддерживалась позиция СССР о необходимости предварительного согласия государства, являющегося объектом НТВ. Их аргументация сводилась к тому, что в условиях неравных технических возможностей государств произойдет монополизация космического телевидения развитыми странами, что приведет к бесконтрольному потоку иностранной информации и нанесет ущерб национальным культуре и телевидению.

Идея о необходимости согласия государства на иностранное НТВ закреплена в шведско-канадском проекте. Лишь США упорно отстаивали полную свободу НТВ, возражая против каких-либо предварительных консультаций с государством, на территорию которого осуществляется НТВ. Их представитель ссылался на то, что США не могут одобрить соглашение, содержащее любую форму правительственного контроля из-за его несовместимости с первой поправкой их конституции, запрещающей принятие законов, ущемляющих свободу слова⁸.

В 1981 г. Комитет по космосу завершил разработку принципов и представил их на обсуждение XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 10 декабря 1982 г. была принята резолюция «Принципы, регулирующие использование государствами искусственных спутников для непосредственного телевизионного вещания». Против голосовали 13 государств, в том числе США, Англия, ФРГ, Япония, Италия, последовательно отстаивавшие право на абсолютную свободу информации.

В резолюции определена целевая направленность НТВ на распространение информации и знаний в области культуры и науки на взаимной основе, содействие развитию образования, повышению качества жизни всех народов при должном уважении политической и культурной целостности государств в интересах развития, взаимопонимания и укрепления дружественных отношений и сотрудничества между ними. В качестве принципов НТВ провозглашаются: применимость международного права, включая Устав ООН, Договор о космосе 1967 г., положений Международной конвенции электросвязи, Регламента радиосвязи и документов, касающихся прав человека; равное право всех государств осуществлять международное НТВ с помощью искусственных спутников и санкционировать такую деятельность в отношении лиц и организаций, находящихся под их юрисдикцией; право на международное сотрудничество в области НТВ с целью оказания помощи развивающимся странам на основе договоренности с ними; мирное разрешение споров, международная ответственность государств за деятельность в области НТВ, как осуществляемую ими, так и любыми лицами, находящимися под их юрисдикцией; сотрудничество государств или юридических лиц, находящихся под их юрисдикцией, на двусторонней или многосторонней основе с целью защиты авторских прав на программы, ретранслируемые по НТВ. Особый интерес представляют компромиссные положения резолюции, направленные на сближение позиций как сторонников санкционируемого НТВ, так и приверженцев неограниченной свободы распространения информации. В резолюции закрепляется необходимость содействия деятельности международного НТВ как с суверенными правами государств, включая принцип невмешательства, так и с правом каждого искать, получать и распространять любую информацию; устанавливается обязанность государств, намеревающихся создать службу непосредственного телевизионного вещания, немедленно уведомлять государства, принимающие эти передачи, и консультироваться с ними по их просьбе⁹.

Значение резолюции состоит в том, что она не только сформулировала основные принципы НТВ, но и положила начало процессу его международно-правового урегулирования, определив вопросы, которые требуют обязательных международных договоренностей. В настоящее время, когда деятельность государств в области международного НТВ переведена в практическую плоскость, необходимость разработки механизма правового регулирования приобретает особую остроту. Это обусловлено тем, что реализация НТВ породила ряд новых проблем, не прогнозирувавшихся ранее. В частности, развитие кабельного телевидения привело к возможности принимать как сигналы спутников прямого телевизионного вещания, так и спутников, связанных с наземными приемными станциями, что технически стирает грань между НТВ и фиксированной спутниковой службой. Кроме того, появились спутники смешанного типа, способные распространять

программы, рассчитанные на прием не только кабельными устройствами, но и (при наличии большой антенны) отдельными лицами, что будет способствовать увеличению неконтролируемого иностранного информационного потока на зрительскую аудиторию. Указанное обстоятельство содействовало изменению позиции ряда государств (Англия, ФРГ, Италия), ранее придерживавшихся принципа свободы информации, а теперь считающих главным в решении проблемы НТВ вопрос о содержании телепрограмм. Об этом свидетельствует подготовленный Советом Европы в 1988 г. проект Европейской конвенции о трансграничном телевидении, согласно которой государства обязуются не допускать передач порнографического характера, пропагандирующих насилие, расовую ненависть либо наносящих вред моральному и умственному развитию детей.

Негативным последствием осуществления НТВ явилось распространение видеопиратства, что вызывает ряд проблем, связанных с охраной авторских прав на ретранслируемые с помощью спутников телепрограммы и повышением ответственности принимающих государств или их юридических лиц за нарушение авторских прав. Необходимость оперативной разработки международно-правовых норм в этой области обостряется тем, что действующая Конвенция 1974 г. «О распространении несущих программу сигналов, передаваемых через спутники» не применяется в случае использования спутников прямого вещания (ст. 3), в то время как объектом НТВ могут быть страны с низким уровнем охраны авторских прав. В Республике Беларусь законодательство в области защиты авторских прав находится еще в стадии разработки. Указанные проблемы в настоящее время являются предметом обсуждения в комиссии ЕЭС и общеевропейской организации Аудиовизуальная эврика. Представляется, что наилучшим решением будут рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН 1982 г. о необходимости двустороннего и многостороннего сотрудничества, предусматривающего защиту авторских и смежных прав путем заключения соглашений между соответствующими государствами или компетентными юридическими лицами.

¹ Резолюция ГА ООН 2453 (XXIII) от 20 декабря 1968 г.

² См.: В е р е щ е т и н В. С. Международное сотрудничество в космосе. М., 1977. С. 165 и далее.

³ Геостационарная орбита находится на расстоянии 35870 км от Земли и в плоскости ее экватора. Искусственный спутник движется здесь со скоростью вращения Земли вокруг оси, что создаст благоприятные условия для вещания и ретрансляции. Республике Беларусь как члену МСЭ выделены на этой орбите два частотных канала.

⁴ См.: Международное право в документах. М., 1982. С. 552.

⁵ Там же. С. 306, 324.

⁶ Документы ООН. А/АС. 105/127. Приложение II-V.

⁷ Там же.

⁸ Документы ООН. А/АС. 105/134. А/АС. 105/С. 2/L102.

⁹ Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. XXXVII сессия. Доп. 51 А/37/51.

И. И. МАРТИНОВИЧ

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проект Конституции, Концепция судебно-правовой реформы и проекты законов о судостроительстве и статусе судей и Уголовно-процессуального кодекса, принятые в первом чтении Верховным Советом Республики Беларусь 25 марта 1993 г. на 11-й внеочередной сессии, предусматривают введение суда присяжных заседателей. Естественно, возникает вопрос, есть ли необходимость в этом имеющем древнюю и драматическую историю судебном учреждении в нашей республике?

Вопрос этот не праздный и тем более актуальный в связи с тем, что на майской сессии (1993) парламента, обсуждавшей проект Конституции во втором чтении, суд присяжных стал «камнем преткновения» и статья 116 в части, касающейся его, отправлена на доработку¹. Попытаюсь лаконично ответить на этот вопрос и высказать некоторые суждения о путях возможного его решения.

Правовая история и мировой опыт свидетельствуют о том, что суд присяжных, состоящий из двух отдельных коллегий (присяжных заседателей — народных представителей, выносящих вердикт по вопросу факта виновности привлеченного к уголовной ответственности лица, и судьи или судей-профессионалов, решающих вопросы права), — наиболее демократиче-

ская форма отправления правосудия, выработанная цивилизацией. Она гарантирует объективное и справедливое разрешение судебных дел, реальное участие населения в судебной деятельности, привнесение в нее житейского здравого смысла, развитие гражданской активности и общественного правосознания, «облагораживающее влияние на народную нравственность»².

Основанный на принципах гласности, устности, состязательности, широкого представительства общественности суд присяжных играл и играет важную роль в защите прав человека от незаконных и несправедливых обвинений, обеспечивает его право на беспристрастный, независимый и коллегиальный суд сограждан («суд равных») в случае обвинения в совершении серьезного преступления. Не случайно демократы называли этот суд «палладиумом личной свободы и политической независимости народа», «судом общественной совести» и «оплотом гражданских прав», консерваторы презрительно именовали его судом «улицы» и «черни».

Родиной суда присяжных, как известно, по праву считается Англия, где он возник еще в XIII в. В 1791 г. суд присяжных был учрежден в революционной Франции как хранитель идей свободы, равенства и братства, неотъемлемых прав человека и гражданина. В последующем он появился почти во всех странах парламентской демократии.

В Великом княжестве Литовском, основной частью которого была территория современной Белоруссии, прообраз этого суда можно увидеть в войтовско-лавницких судах, создававшихся в городах, получивших самоуправление. В состав этих судов входили лавники (заседатели, которые избирались мещанами (горожанами))³. Однако подлинный суд присяжных был введен в Западном крае Российской империи судебной реформой 1864 г., став, по мнению специалистов, ее «лучшим украшением», ее «венцом». Впрочем реализация судебных уставов в Белоруссии была начата с большим запозданием. Это значит, что на белорусских землях, как и в некоторых других губерниях бывшей Российской империи, прогрессивные законы проводились в жизнь с многочисленными отступлениями от демократических принципов. В отличие от Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и многих других окружных судов (а именно при них действовал суд присяжных), открытых в 1866 г., т. е. через два года после принятия судебных уставов, Минский окружной суд, к примеру, стал функционировать лишь с 1883 г.

Оправдал ли себя суд присяжных? Да, оправдал. Тридцать лет спустя после его введения в России представители судебного ведомства (председатели и прокуроры судебных палат), т. е. опытные юристы-практики, оценили суд присяжных «как лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел»⁴.

С большой симпатией относился к суду присяжных выдающийся судебный деятель и талантливый ученый-правовед А. Ф. Кони, который последовательно и настойчиво защищал этот суд от нападков реакционных недоброжелателей. Когда под председательством министра юстиции Российской империи Н. В. Муравьева в специальной комиссии репался вопрос о судьбе этого учреждения, участие А. Ф. Кони во многом определило его участь: суд присяжных был сохранен⁵.

Правда, А. Ф. Кони все-таки поплатился за свою приверженность этому суду. Как председатель Санкт-Петербургского окружного суда он способствовал вынесению оправдательного вердикта молодой революционерке Вере Засулич. Она обвинялась в том, что выстрелом из револьвера тяжело ранила градоначальника столицы генерала Трепова, по приказанию которого был высечен розгами политзаключенный студент Боголюбов за то, что якобы не снял перед ним шапку во время прогулки по тюремному двору. (Впоследствии юноша сошел с ума.) Подсудимая, как было установлено в судебном заседании, пыталась таким образом привлечь внимание российской общественности к возмутительному факту унижения человеческого достоинства. Объективности ради, следует сказать, что оправданию Веры Засулич способствовала и блестящая защитительная речь известного присяжного поверенного П. А. Александрова. После рассмотрения этого дела А. Ф. Кони был уволен с должности и, по его словам, девять лет находился в опале у царских властей⁶.

Но вернемся к суду присяжных. В советский период непродолжительное время в соответствии с Декретом о суде № 2 от 7 марта 1918 г. уголовные дела о преступлениях, превышавшие подсудность местного народного суда, рассматривались окружным народным судом в составе двенадцати очеред-

ных заседателей и одного постоянного члена этого суда. Заседатели, отбывавшиеся для каждой сессии путем жеребьевки из специальных списков, решали вопрос о факте преступления и мере наказания. Председательствующий — постоянный член суда — участвовал в совещаниях заседателей с правом совещательного голоса, давал заключение о мерах наказания, предусмотренных законом. По существу, это был своеобразный суд присяжных, но просуществовал он недолго, до осени 1918 г., а затем был заменен народным судом в составе народного судьи и шести заседателей, совместно решавших все вопросы по делу. Позже был установлен унифицированный состав суда первой инстанции для всех звеньев судебной системы, независимо от сложности дела и характера обвинения, — постоянный судья и два народных заседателя. Новой власти суд присяжных стал не нужен.

В связи с глубокими демократическими преобразованиями в государствах бывшего Союза, в том числе и в нашей республике, нацеленной на построение правового государства, одним из принципов которого является разделение властей за законодательную, исполнительную и судебную, вновь возник вопрос о суде присяжных как олицетворении независимости и самостоятельности судебной власти.

Однако вопрос о том, быть или не быть в Республике Беларусь суду присяжных, решался и решается непросто. Он остро дискутировался при обсуждении проекта концепции судебно-правовой реформы на республиканской научно-практической конференции в феврале 1992 г. Нет единства мнений на этот счет и по сей день. Можно сказать, что это один из «вечных» спорных вопросов мировой юриспруденции. И тем не менее идея создания суда присяжных у нас в Белоруссии, хотя и не без труда, но пробивает себе дорогу. Как указывалось выше, она отражена в новых законопроектах и, будем надеяться, от нее не откажутся депутаты парламента, которые четырежды ее поддержали. Сейчас наступил ответственный момент определения правовых основ организации и деятельности данной формы судопроизводства. Некоторые из них видятся следующими.

Прежде всего следует напомнить, в соответствии с концепцией судебно-правовой реформы проект закона о судостроительстве и статусе судей предусмотрел функционирование суда присяжных в межрайонных (окружных), областных и Минском городском судах. В межрайонных (окружных) судах суд присяжных будет действовать в составе одного профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей, рассматривающих уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет, а в областных и Минском городском — из трех профессиональных судей и коллегии присяжных заседателей, рассматривающих по первой инстанции дела о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Во всех случаях в суд присяжных предполагается передавать дела, когда обвиняемый не признает себя виновным в совершении преступления и требует суда присяжных.

Количественный состав коллегии присяжных в концепции предлагалось ограничить их минимальным числом от 7 до 9 человек. Это соответствует мировой практике и отвечает рекомендациям социальной психологии, которая считает наиболее результативно принимающими решения небольшие в количественном отношении группы (6—15 человек). Известно, что классический английский вариант малого жюри присяжных — 12, во Франции — 9, в США — от 5 до 12 человек. С учетом наших реалий (острейший финансовый дефицит, недостаточная материальная база, кадровый и ресурсный «голод» и т. п.), видимо, наиболее оптимальна коллегия присяжных из семи человек. В таком виде она закреплена и в проекте закона о судостроительстве и статусе судей. Хотя нужно заметить, что в России, как и до революции, во вводимом ныне в ряде регионов альтернативном судопроизводстве с судом присяжных, предпочтение отдано составу из 12 присяжных заседателей⁷.

Действительно, нерационально создавать различные по количественному составу коллегии присяжных для межрайонных (окружных) и областных, Минского городского судов, поскольку и в тех и в других судах присяжные заседатели будут решать одни и те же вопросы, а именно: имело ли место преступное деяние, в котором обвиняется лицо; совершил ли это деяние обвиняемый; виновен ли подсудимый в его совершении. Другое дело, когда речь идет о профессиональных судьях. В областных, Минском городском судах их должно быть не меньше трех, один из которых назначается председательствующим в судебном процессе. Ведь этому суду будут подсудны

уголовные дела о наиболее тяжких преступлениях, за совершение которых предусмотрены суровые меры уголовного наказания: лишение свободы (свыше 10 лет) и смертная казнь. Поэтому важно обеспечить высокий правовой уровень рассмотрения дел, чтобы исключить судебные ошибки, чреватые необратимыми последствиями.

Принципиальное значение имеет вопрос о подсудности суда присяжных, т. е. о том, какие уголовные дела следует отнести к его рассмотрению. Без преувеличения можно сказать, что от правильного решения этого вопроса зависит судьба суда, его престиж и влияние в обществе. Отнесение к рассмотрению присяжных таких категорий дел, которые в силу их специфики непрофессиональные судьи не в состоянии правильно разрешить, может скомпрометировать этот суд, привести к социальному напряжению и даже конфликтам. Тем более недопустимо использовать этот суд в политических целях.

Дореволюционный опыт также свидетельствует о том, что из ведения суда присяжных (правда, методом «проб и ошибок») был исключен ряд категорий дел. Полагаю, что к рассмотрению суда присяжных следует отнести лишь дела, для правильного разрешения которых требуются прежде всего и главным образом житейский здравый смысл и совесть. Это дела о преступлениях против жизни, здоровья и собственности. Из ведения суда народных представителей надлежит изъять дела о государственных преступлениях, некоторые должностные преступления и против порядка управления.

С учетом вышеприведенных критериев «отбора» дел для суда присяжных (тяжесть совершенного преступления и серьезность мер уголовного наказания, отрицание виновности подсудимым, специфика дела) этот суд будет иметь свою сферу деятельности. Дорогостоящая форма отправления правосудия (а именно на это указывают ее противники) сможет применяться не для «рутинной», повседневной работы, а там и тогда, где она принесет наибольшую пользу. Это значит, что и у нас, как и в современных зарубежных странах, суд присяжных будет рассматривать небольшой процент уголовных дел (1—4). Как и во Франции, он станет «праздничной инстанцией». Важно, чтобы этот суд действовал в Республике Беларусь как непреходящая, универсальная, общечеловеческая ценность, как гарант прав и свобод человека, как неотъемлемая составная часть системы демократии, истинного народовластия и правового государства.

Выполнение обязанностей присяжного должно стать общегражданской повинностью. Каждый дееспособный гражданин Республики Беларусь, достигший 25 лет, не освобожденный законом от выполнения этой обязанности (такой перечень будет установлен), подлежит включению в общие списки заседателей, из которых затем будут составляться очередные. Председательствующий на заседании суда из последних списков приглашает определенное число заседателей (примерно тридцать) для участия в судебном разбирательстве, где с участием сторон окончательно формируется коллегия присяжных заседателей. Нуждающимся государство должно гарантировать оплату за труд присяжного заседателя. Только в этом случае можно будет обеспечить участие всех слоев населения в отправлении правосудия, а суд присяжных станет подлинно народным.

Когда наступит время, этот суд, очевидно, следует вводить сначала на альтернативной основе в некоторых регионах республики, где будут надлежащие условия. Такой социально-правовой эксперимент позволит на практике проверить жизнеспособность и эффективность суда присяжных, выявить и устранить просчеты и, таким образом, обеспечить нормальное функционирование этой формы судопроизводства, которая будет служить символом справедливости и гарантией от необоснованного осуждения в Республике Беларусь.

¹ Ш е л д ы ш е в а Н. Увидим ли лес за деревьями? // Сов. Бел. 1993. 27 мая.

² К о н и А. Ф. Собр. соч. М., 1966. Т. 1. С. 390.

³ См.: Ю х о И. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 119.

⁴ Р о з и н Н. Н. Уголовное судопроизводство. Спб., 1914. С. 132.

⁵ См.: К о н и А. Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 495—496.

⁶ См.: С м о л я р ч у к В. М. Анатолий Федорович Кони. М., 1982. С. 109.

⁷ См.: Советская юстиция. 1993. № 1. С. 25.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады) *

Часопіс працягвае знаёміць чытачоў з праграмамі палітычных партый і рукаў, што існавалі ў Расіі і на Беларусі ¹.

У гэтым нумары публікуецца праграма народных сацыялістаў (Прапоўная народна-сацыялістычная партыя, энэсы). Яна вылучылася ў 1906 г. з правага крыла эсэраў. З 1907 г. да Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. фактычна не існавала. Адрадзілася пасля рэвалюцыі. У чэрвені 1917 г. энэсы аб'ядналіся з «трудавікамі», партыя якіх узнікла ў красавіку 1906 г. як аб'яднанне дэпутатаў з сялян і інтэлігенцыі народніцкага напрамку ў I Дзяржаўнай думе і выказвала сацыяльна-эканамічныя патрабаванні сялянства.

Друкаванымі органамі энэсаў былі часопіс «Народно-социалистическое обозрение», а затым газета «Народное слово».

Партыя падтрымлівала Часовы ўрад. Сваю дзейнасць спыніла ў 1918 г.

ПРОГРАММА ТРУДОВОЙ (НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ПАРТИИ ²

Различные политические партии ставят себе разные цели.

Для нас нет ничего выше и дороже человеческой личности. В ее всестороннем развитии и бесконечном совершенствовании мы видим сущность исторического прогресса. Обеспечить всем людям возможность всестороннего и гармонического развития — такова конечная цель, которую ставит перед собой наша партия. К созданию необходимого для осуществления этой цели общественного строя она и направит свои силы.

Все люди имеют одинаковое право на жизнь и развитие. Но это право неразрывно связано с обязанностью, которая заключается в труде. Только при всеобщем труде могут быть обеспечены права каждой человеческой личности, и в силу этого только трудящимся классам может служить наша партия. Вопросы труда она считает особенно важными и интересы труда для нее всегда будут самыми близкими. Поэтому она и называет себя трудовой партией.

Не достаточно, однако, сказать, что наша партия по своим задачам есть партия трудящихся; необходимо подчеркнуть, что это — партия всех трудящихся, а не одной какой-либо группы. Нам одинаково близки и дороги интересы пролетариата и трудового крестьянства, чернорабочего и интеллигентного труженика. Из этого само собой следует, что интересы каждого отдельного класса мы считаем возможным отстаивать лишь постольку, поскольку они не идут вразрез с интересами всех трудящихся. Само собой понятно также, что на первом плане у нас всегда будут стоять интересы тех из них, которые в данное время являются наиболее обремененными и угнетенными. Выражаясь кратко, мы можем сказать: не интересам одного какого-либо класса, а интересам всего трудового народа считает необходимым служить наша партия. Поэтому она и называет себя народной.

* Раздел вядзе прафесар У. К. Коршук.

Мы не допускаем, конечно, даже мысли, чтобы задача народного блага могла быть разрешена помимо самого народа. Стремясь охватить все его нужды, мы стремимся в то же время объединить и все его силы. Мы зовем в свои ряды всех трудящихся. Сплотившись в одну партию, трудовой народ может лучше отстаивать свои интересы. Во всяком случае, не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силы и волю всего народа возлагаем мы наши надежды.

Мы видим перед собой только одну цель — народное благо, и знаем только один путь — через народную волю. Все для народа и все через народ — таков наш лозунг. Собрать народные силы и удовлетворить народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия мы и направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным. Для этого за личностью должны быть признаны ее неотъемлемые права и вся полнота государственной власти должна принадлежать народу. Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении. Не на централистических, а на федеративных началах должно быть построено демократическое государство.

Но реорганизацией государства не исчерпываются наши задачи как политической партии. Не только по своей форме, но и по внутреннему своему содержанию государство должно сделаться народным. Оно должно обеспечить не только правовые, но и все другие интересы личности. Разрешить же эту задачу возможно только в обществе, построенном на трудовом начале. Нужно сделать труд всеобщим, продуктивным и целесообразным. Только таким путем можно обеспечить каждой личности все необходимое ей для жизни и развития, и только таким путем можно осуществить свободу и равенство в человеческих отношениях. Для этого необходимо всю землю, все орудия и материалы, все средства производства сделать общественной собственностью. Тогда только исчезнут безработные рабочие, которым не к чему приложить свой труд, и праздные тунеядцы, которые живут чужим трудом. Тогда только труд делается всеобщим, в равной мере для всех доступным и в равной мере для всех обязательным.

Необходимо, далее, все производство сделать общественным. Только таким путем можно правильно организовать труд и обеспечить наивысшую его продуктивность. Только таким путем можно прекратить бесцельную затрату человеческих сил, которая неизбежно происходит при массе частных хозяйств, находящихся притом в постоянной между собой конкуренции. Необходимо, наконец, не только производство, но и потребление сделать общественным. Нужно, чтобы каждый работал в меру своих сил и получал в меру своих потребностей. Тогда только труд делается вполне целесообразным, вместо угнетения личности, будет служить ее всестороннему развитию.

Таким образом, наша партия ставит перед собой идеал социализма и неуклонно будет к нему стремиться. Поэтому она и называет себя социалистической. В эту именно сторону направляют историю и стихийный процесс общественного развития, и сознательная мысль человечества, и жизненные интересы трудящихся масс, и идеалы высоко развитой личности.

Современный, основанный на частной собственности и частном хозяйстве общественный порядок... дробит общество на классы... В распоряжение одних он отдает богатство... других оставляет в нищете... Отсюда неизбежная борьба между господствующим и трудящимися классами... Наша партия должна использовать эту стихийную борьбу классов в интересах своих конечных целей... Объединить трудящихся, собрать их силы и организовать их волю... еще недостаточно, чтобы обеспечить успех в общественной борьбе за трудовым народом. Необходимо внести в эту борьбу сознательность и планомерность. Нужно направить ее не только против отдельных эксплуататоров и отдельных классов, но и против самих основ несправедливого общественного порядка... Для этого мало сознавать свои ближайшие нужды, нужно видеть и далекие перспективы. Эти перспективы все яснее... становятся для коллективной мысли человечества. Все шире распространяется свет идейного знания в народных массах, все больше идейного энтузиазма вносится в общественную борьбу...

На политическую арену наша партия выступает в исключительный момент русской жизни. Основанная на принудительном авторитете русская

государственность доживает свои последние дни... Самые разнообразные вопросы — политические, культурные и экономические — сплелись в один огромный и неразрывный узел... В стране происходит революция, потрясающая весь общественный организм. Смысл ее ясен: неотложно нужны глубокие преобразования. Они нужны не только в политическом устройстве страны, но и в социальном ее строе. В интересах своих конечных целей мы должны всесторонне охватить выдвинутые жизнью потребности и также всесторонне использовать открываемые ею возможности... Не считая возможным теперь же полностью осуществить нашу программу, мы должны сделать во всех областях жизни возможно больший шаг по направлению к нашей конечной цели.

Принимая во внимание наличные условия и имеющиеся в стране силы, наша партия считает необходимым и возможным настаивать на выполнении в ближайшее время нижеследующих требований:

А. В политической сфере:

1) В области личных прав партия будет добиваться: а) равенства перед законом всех граждан, без различия пола, национальности и вероисповедания; уничтожения сословных разграничений и привилегий; б) утверждения в качестве неотъемлемых прав граждан полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижения; неприкосновенности личности, жилища и переписки; права петиций.

2) В области верховного правления. Стремясь к осуществлению народовластия в наиболее полной и совершенной его форме, партия в первую очередь будет добиваться введения представительного правления на следующих началах: а) народное представительное собрание должно быть организовано в виде одной палаты, избираемой всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания, путем прямой, равной и тайной подачи голосов; б) народному представительному собранию должна принадлежать вся полнота законодательной власти; никакой закон помимо него не может быть издан и принятый закон не может быть остановлен или отменен никакой другой властью; в) народному представительному собранию должна принадлежать власть устанавливать роспись государственных доходов и расходов; никакие налоги и сборы не могут быть установлены и никакие государственные займы не могут быть заключены без его согласия; г) без одобрения народного представительного собрания никакие международные договоры и трактаты не могут иметь силы; д) народному представительному собранию должен принадлежать контроль над всеми действиями исполнительной власти; е) министрами могут быть только лица, пользующиеся его доверием.

3) В области местного и областного управления. Партия будет добиваться: а) повсеместного введения организованного на широких демократических началах земского, городского и сельского самоуправления с передачей в его ведение всех местных дел (в том числе и полиции); б) введения в тех местностях государства, где это пожелает население, национально-областной и областной автономии с предоставлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам.

4) В области суда: а) отмены всех исключительных и специальных судов; б) одинакового для всех граждан гласного и независимого суда; выборных судей и суда присяжных; распространения состязательного начала на все стадии судебного процесса; введение институтов условного осуждения и досрочного освобождения; отмены смертной казни, не исключая военного времени.

5) В области администрации: а) отмены всех исключительных законов (положения об усиленной и чрезвычайной охране, военного положения и т. п.); б) широкого применения выборного начала в администрации; в) уголовной и гражданской ответственности должностных лиц в общем порядке перед судом; г) распространения на всех служащих в государственных и общественных учреждениях права союзов, собраний и стачек.

6) По отношению к войску: а) сокращения постоянной армии до пределов, вызываемых необходимостью защиты страны; б) сокращения срока службы до времени, которое необходимо для обучения военному делу и которое во всяком случае не должно превышать 2-х лет; в) отбывания воинской повинности на местах постоянного жительства или в ближайших к ним местностях; г) распространения на военнослужащих всех прав гражданина, при чем действие специальных законов должно быть ограничено

временем нахождения при использовании воинских обязанностей; д) партия будет настаивать также на всех других мерах, ведущих к замене постоянной армии милицией.

Б. В народнохозяйственной сфере.

1) В аграрной области: а) партия считает необходимым добиваться национализации земли, т. е. обращения ее в общенародную (государственную) собственность с тем, чтобы земли, предназначенные для сельского хозяйства, отдавались в пользование только тем, кто их будет обрабатывать своим личным трудом. Национализация наделных земель и тех частновладельческих, на которых ведется трудовое хозяйство, должна быть осуществлена в виде системы мер, которые обеспечивали бы, с одной стороны, нахождение этих земель в трудовом пользовании и с другой — постепенный переход их в общенародную собственность; остальные земли..., а также недра и воды должны быть национализированы немедленно. Заведывание земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно принадлежать органам местного самоуправления. Все граждане должны иметь равное право на пользование свободными землями, причем за местным и земледельческим населением должно быть сохранено право на наделение в первую очередь. В видах уравнивания земель разной ценности должен быть установлен особый (рентный) налог на лучшие земли. Неиспользованные улучшения в случае возвращения земли в фонд должны быть вознаграждаемы; б) партия будет отстаивать вместе с тем широкую государственную и земскую политику, направленную к поддержанию и развитию трудового и, в частности, кооперативного и общинного хозяйства в сфере земледелия.*

2) В сфере рабочего законодательства и рабочей политики партия ставит своей задачей широкую охрану труда и реорганизацию промышленности на новых началах в целях подготовки социалистического строя. В этих видах она будет добиваться: а) установления законодательным путем максимального рабочего дня, считая за таковой для данного времени 8-часовой (не более 48 часов в неделю); б) установления минимальной рабочей платы путем соглашения местных органов самоуправления с профессиональными рабочими организациями; в) прогрессивно расширяющегося участия рабочих в управлении промышленными заведениями; г) свободы стачек и профессиональных организаций; д) охраны труда, согласно требованиям научной гигиены, под наблюдением инспекции, избираемой рабочими.

3) По отношению ко всему трудовому народу партия считает необходимым настаивать на широкой организации всех видов государственного страхования и, в особенности, страхования на случай инвалидности и старости.

4) В области финансовой и экономической политики партия будет настаивать: а) на полной реорганизации податного дела в целях переложения податных тягостей на имущие классы путем введения прогрессивно-подходного налога, прогрессивного налога на наследство, обложения незаслуженного прироста ценностей и т. д.; б) на изменении системы государственных расходов в целях перенесения центра тяжести их с армии, администрации и полиции на культурные и экономические нужды трудового народа.

5) В области государственного земского и городского хозяйства партия будет отстаивать: а) удовлетворение общественным путем различных нужд населения... и б) введение общественными учреждениями всякого рода предприятий, при деятельном учас-

* Вопрос о вознаграждении за отчуждаемые из частного владения земли партия считает подчиненным вопросу о национализации, т. е. в зависимости от обстоятельности, при которых будет происходить земельная реформа, партия будет отстаивать те условия экспроприации, которые при наименьших жертвах со стороны трудового народа будут в состоянии обеспечить переход земли в общенародную собственность. Во всяком случае партия приложит все усилия к тому, во-первых, чтобы все сопряженные с реформой расходы были бы отнесены на общегосударственный счет; во-вторых, чтобы сбережения трудящихся классов, вложенные в земельную собственность, были возмещены государством, и в-третьих, чтобы в остальной части вознаграждение было минимальным, т. е. не превышало тех сумм, какие, с точки зрения общегосударственных интересов, окажутся необходимыми, чтобы класс земельных собственников мог приспособиться к новым условиям существования.

тии в управлении ими служащих и рабочих.

В. В культурной сфере:

1. Партия будет настаивать на отделении церкви от государства и школы.

2. В области народного образования она будет добиваться равного для всех граждан права на образование; бесплатности его на всех ступенях, общедоступного, а затем и обязательного образования в начальной, народной школе на родном языке учащихся; передачи средних и низших школ в заведывание местных органов самоуправления; автономии учебных заведений; свободы частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования...

Г. В сфере международной политики.

В сфере международных отношений, являясь противницей войны, партия: а) будет решительно противодействовать завоевательной политике и каким бы то ни было захватам за счет других государств; б) будет сторонницей разоружения и решения возникающих между государствами конфликтов мирным путем при помощи международных учреждений. Вместе с тем партия, стоя на почве солидарности интересов всех трудящихся, будет стремиться к возможно большему сближению с трудовым населением других государств.

Исходя из основного своего положения, что судьба народа должна быть устраиваема самим народом, партия будет добиваться созыва учредительного собрания, которое было бы избрано всеми гражданами, без различия пола, вероисповедания и национальности, путем равного, прямого и тайного голосования и обладало бы всею полнотой власти для устройства политической и социальной жизни страны.

¹ См.: Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 2—3; 1992. № 1—3; 1993. № 1.

² Народно-социалистическое обозрение. Спб., 1906. Вып. 1. С. 80 и далее.

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ *

Увиденное из времени свидетельствует: основной феномен времени есть будущее. Чтобы это увидеть и не купиться на занятый парадокс, нужно держаться в своем предвидении этого данного существования. При этом выявляется: изначальное обращение со временем не есть измерение. Возвращение в предвидение есть само Как озабоченности, в котором я прямо-таки пребываю. Это возвращение никогда не может быть тем, что называют скучным, что потребляется, что изнашивается. Данность отличается тем, что она непосредственно обладает всем временем из предвидения подлинного времени. Время никогда не было продолжительно, потому что оно изначальное не имеет протяженности. Чего-предвидение (Vorlaufen-zu) приходится на себя само, если оно понимается как вопрос Когда и Как-долго-еще (Wie-langenoch) мимолетности, потому что вопрошание мимолетности в смысле Как-долго-еще и Когда совсем не относится к мимолетности в охарактеризованной возможности; та прямо-таки цепляется за еще-не-поздно (Noch-nicht-vorbei), она занимается тем, что мне еще быть может осталось. Эти вопросы берут не неопределенностью достоверности мимолетности, а хотят определить прямо-таки неопределимое время. Вопрос есть воля к освобождению от мимолетности в том, что она есть: неопределенная и без сомнения неопределенная. Таковые вопросы есть настолько ничтожное предвидение мимолетности, что они прямо способствуют характерному бегству от мимолетности.

Предвидение схватывает мимолетность как подлинную возможность каждого мгновения, как эту теперешнюю несомненность (Gewisse). Будущее бытие обладает временем в качестве возможности существования как данного, потому что оно само есть время. Так, одновременно проясняется, что вопрос Сколько времени, Как долго и Когда, поскольку будущность есть подлинное время, что этот вопрос времени должен стать неуместным. Только если я говорю: чтобы обладать временем, время, подлинно, само не имеет времени, только это и будет уместным выражением.

Однако мы познакомились с существованием, которое само должно быть

* Окончание. Начало см.: Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1993. № 1.

временем как исчисляющим время и даже измеряемым часами. Существование обладает здесь часами, будто бы только теми ближайшими обыденными — дня и ночи. Существование исчисляет и спрашивает, сколько времени, никогда не существуя поэтому во времени в подлинности. Так, спрашивающее Когда и Сколько существование теряет свое время. Как обстоит дело с этим транжирящим время вопросом? Куда идет время? Как раз существование, которое исчисляет время, живет с часами в руке, это, исчисляющее время, существование постоянно говорит: у меня нет времени. Не выявляет ли оно само себя в том, что делает со временем, в той мере как оно само же есть время? Потерять время и для этого приобрести часы! Не вскрывается ли здесь злоецающая непотаенность существования?

Вопрос Когда неопределенной мимолетности и вообще Сколько Времени есть вопрос о том, что мне еще осталось в качестве нынешнего. В Сколько время приносит упомянутое: оно берется как Сейчас настоящего. Спрашивать Сколько времени означает: входить в озабоченность настоящего Что. Существование есть то, чем оно озабочено; существование есть свое настоящее. Все, что совершается в мире, совершается им как открывающим себя в Сейчас; так совершается им время, которое само же есть существование, но есть как настоящее.

Озабоченность как открытие в настоящем суть, однако, как забота о Еще-нет (Noch-nicht), которое первое может уладиться в хлопотах об этом. Кроме того, существование есть в настоящем своей озабоченности постоянно, а именно так, что оно не может избавиться от будущего. Будущее сейчас есть то, с чем связаны хлопоты, не собственно будущее бытие мимолетности, а будущее, которое настоящее развивает как само себя, потому что мимолетность как подлинное будущее никогда не может быть настоящим. Будь оно этим, так оно было бы — Ничто. Будущность (Zukunftigkeit), с которой связаны хлопоты, есть только по милости настоящего. И существование как раскрывающее себя в сейчас настоящего мира, настолько мало желает признавать, что оно само ускользнуло от собственной будущности, что оно говорит: оно схватывает будто бы будущее в заботе о развитии человечества и культуры etc ¹.

Существование как озабоченное настоящее держится того, чем оно озабоченно. Ему надоедает в Что, надоедает заполнять день. Существование как бытие-в-теперешнем (Gegenwart-sein), никогда не имеющее времени, это существование внезапно становится продолжительным. Время становится пустым, потому что существование времени в вопросе Сколько внезапно удлиняется, тогда как постоянное возвращение к предвидению мимолетности никогда не бывает скучным. Существование хотело бы, чтобы в собственно настоящем постоянно совершалось новое. В обыденности мировые события случаются во времени, в настоящем. Будни живут с часами, которые свидетельствуют, что озабоченность без конца возвращается к Сейчас; они говорят: сейчас, от сейчас к потом, к следующему Сейчас.

Существование, определяемое как бытие друг с другом, вместе с тем означает: зависеть от господствующего столкновения, которое придерживает существование при себе; от того, что мнят (man meint), от моды, от поветрий, от того, что стряслось: поветрие, которое ничье, то, что есть мода — никто. Существование есть в обыденности не то бытие, которое есть Я, скорее обыденность существования есть то бытие, которое безлично (man ist). И поэтому существование есть время, в котором друг с другом существуют безлично (man miteinander ist): Время-«Безличность» («Man»-Zeit). Часы, которыми владеют (man hat), всякие часы показывают время бытия-друг-с-другом-в-мире (Miteinander-in-der-Welt-sein).

В исторических исследованиях мы встречаем существенный, но еще не совсем проясненный феномен, как-то: поколение, связь поколений, которая связана с этим феноменом. Часы показывают нам Сейчас, но ни одни часы не показывают будущее и ни одни же не показали прошлого. Все измерения времени означают: перевод времени в Какмного (Wieviel). Если я с часами определяю это будущее свершение событий, тогда я полагаю не будущее, а определяю Как-долго (Wie-lange) мое теперешнее ожидание того упомянутого Сейчас. Время, которое делает доступными часы, видится как настоящее. Если попытаться очистить время от природного времени, тогда это *или* этого *метр* ² для прошлого и будущего. Тогда уже время истолковывается как настоящее, прошлое интерпретируется как уже-не-настоящее (Nicht-mehr-Gegenwart), будущее как неопределенное еще-не-настоящее (Noch-nicht-Gegenwart): прошлое невозвратно, будущее неопределенно.

Оттого обыденность говорит от себя как то, в чем постоянно случается природа. События суть во времени, но это не значит, что они обладают временем, а представляясь и существуя (*daseiend*), они происходят, как бы пронизывая настоящее. Это настоящее время эксплицируется как последовательность течения, которая постоянно катится через Сейчас, последовательность, заставляющая говорить: смысл направления единствен и необратим. Все происходящее катится из бесконечного будущего в безвозвратное прошлое.

Для этого толкования характерна двойственность: 1) не-обратимость, 2) гомогенизация сиюсекундности.

Не-обратимость содержит в себе то, что еще может схватить эта экспликация этого подлинно времени. Это остается от будущности как основного феномена времени как существования. Это рассмотрение отводит взгляд от будущего в настоящее и оттуда рассмотрение отчужденного времени тянется в прошедшее. Определение времени в его не-обратимости основывается на том, что прежде время было обратимо.

Гомогенизация есть уравнивание времени в пространстве, в безусловном присутствии (*Prasenz*); тенденция отеснять все время из себя в настоящее. Она полностью математизируется координатой t рядом с пространственными координатами x, y, z . Она необратима. Это то единственное, где время еще просит слова, где оно сопоставляется окончательной математизации. Прежде (*Vorher*) и Затем (*Nachher*) есть не необходимые Раньше и Позже, не указание временности. В численном ряду, например, 3 перед 4, 8 после 7. Но поэтому 3 не раньше, чем 4. Числа не есть раньше или позже, потому что они вообще не есть во времени. Раньше и Позже есть полностью неопределенные Прежде и Затем. Если время однажды определено как механическое время (*Uhrzeit*), то безнадежно пытаться постичь его изначальный смысл.

Однако чтобы прежде всего и преимущественно так определить время, обратимся к самому существованию. Данность конститутивна. Существование есть мое в своей подлинности только как возможное. Существование преимущественно есть тут (*da ist*) в повседневности, каковая сама однако суть определенная временность, которая улетучивается перед будущностью, тогда только могущей быть понятой, если она сталкивается с подлинно временем будущего бытия мимолетности. Что существование говорит о времени, оно вещает обыденности. Существование как застрявшее в своем настоящем говорит: прошлое есть мимолетность, оно невозвратимо. Это прошедшее будней настоящего, которые задерживаются в настоящем своих стараний.

Рассмотрение истории, которое укоренено в настоящем, видит в ней только безвозвратное старение: то, что стряслось. Рассмотрение того, что стряслось, неисчерпаемо. Оно теряется в материале. Так как история и временность настоящего совсем не достигают прошедшего, они обладают только другим настоящим. Так, прошедшее остается долго закрыто настоящему как таковое, как существование, которое неисторично. Существование, однако, исторично в себе самом, в той мере как оно есть своя возможность. В будущем бытии существование есть свое прошлое; оно возвращается этим в Как. Способ возвращения есть, между прочим, совесть. Только Как возвратимо. Прошлое — так узнается подлинная историчность — все, что угодно, кроме как мимолетность. Оно есть что-то, куда я снова и снова могу возвращаться.

Нынешнее поколение мнит, будто оно в (*bei*) истории, будто оно даже перегружено историей. Оно вопиет об историзме — *lucus a non lucendo*³. Историей называется что-то, что совсем не есть история. Так как все входит в историю, должно было бы, так говорит настоящее, вернуться снова к Сверхисторическому. Не достаточно, чтобы сегодняшнее существование терялось в нынешней псевдо-истории, должно также использовать последний остаток его временности (т. е. существования) для того, чтобы совсем улизнуть из времени, существования. И на этом фантастическом пути к Сверхисторичности должно быть построено мирозерцание. (Это зловеющая непотаенность, которая составляет время настоящего).

Усредненное истолкование существования грозит опасностью релятивизма. Но страх перед релятивизмом есть страх перед существованием. Прошедшее как подлинная история повторимо в Как. Возможность доступа к истории коренится в возможности, согласно которой она всякий раз понимает настоящее таковым, каковым оно будет в будущем. Это первое положение всей герменевтики. Оно говорит кое-что о бытии существования,

которое само есть историчность. Философия никогда не дознается, что есть история, пока она расчленяет историю как предмет рассмотрения метода. Загадка истории лежит в том, что называется быть историчным.

Итак, можно сказать: время есть существование. Существование есть моя данность и она может быть данностью в будущем (Zukünftig), в предвидении знаемой, но неопределенной мимолетности. Существование есть всегда в образе своего возможного бытия. Существование есть время, время временно (zeitlich). Существование не время, а временность. Основное выражение: время временно, есть, к тому же подлиннейшее определение — и оно не тавтология, потому что бытие временности наравнозначно действительности. Существование есть своя мимолетность, своя возможность предвидения этой мимолетности. В этом предвидении Я есть подлинное время; я обладаю временем. Поскольку же время есть мое, имеется много времен. Это время (Die Zeit) бессмысленно; время временно.

Если время понимается так, как существование, тогда четко проясняется, что мнит исконное высказывание о времени, когда оно говорит, время есть чистый principium individuationis⁴. Это преимущественно понимают как необратимую преемственность, как время настоящего и время природы. Каким образом, однако, есть время как подлинно принцип индивидуализации, т. е. то, откуда есть существование в данности. В будущем бытии предвидения существование становится тем, что оно есть в усредненности — самим собой; в предвидении оно становится видимым как единственная теперешность (Diesmalichkeit) своей единственной участи в возможности своей единственной мимолетности. Эта индивидуализация имеет то своеобразие, что она не приводит к индивидуализации в смысле фантастического образования исключительной экзистенции; она подавляет всякое само-из-лиание (Sich-heraus-nehmen). Она индивидуализирует так, что всех уравнивает. В со-бытии (Zusammensein) со смертью каждый приводится в Как, каждый может быть уравниен; в возможности, относительно которой никто не выделен; распыляется в Как, во все Что.

В заключение повторим пробу на историчность и возможность. Аристотель в своих сочинениях имел обыкновение настаивать, что важнейшим была бы настоящая *καθεύα*⁵, изначальная безопасность в вещи, вытекающая из близости с самой вещью, безопасность соразмерного обращения с вещью. Чтобы соответствовать характеру бытия того, что здесь является темой, мы должны вести речь о времени временно. Мы хотим повторять вопрос, что есть время, временно повторять. Время есть Как. Если спрашивается, что есть время, тогда не следует спрощенно придерживаться ответа (то-то и то-то есть время), который всегда говорит Что.

Мы смотрим не на ответ, а повторяем вопрос. Что происходило с вопросом? Он изменялся. Что есть время? становилось вопросом: Кто есть время? Ближе: есть ли мы сами время? Или еще ближе: есть ли Я мое время? Тем самым я подхожу к нему ближе всего и если правильно понимаю вопрос, тогда с ним все обстоит серьезно. Стало быть такой вопрос есть уместный способ подхода и обращения со временем как с моим же собственным. Тогда бытие было бы вопрошаемо.

Послесловие издателя

Вышеизложенный текст доклада «Понятие времени», с которым Мартин Хайдеггер в июле 1924 г. выступил перед марбургскими теологами, лежит в основе двух различных, но глубоко согласованных записей, которые издателю не известны. Рукопись доклада утеряна. Возможно, она была уничтожена самим Хайдеггером после правки одноименного сочинения, относящегося к тому же году.

Предлагаемый текст доклада следует отличать от созданного в том же 1924 г. обширного сочинения «Понятие времени», помещенного в 64 томе Полного Собрания сочинений. Сочинение было вызвано изучением вышедшей в 1923 г. переписки между Уильямом Дильтеем и графом Йорком фон Варденбургом. Часть переписки... позднее введена Хайдеггером в 77 параграф «Бытия и времени».

В сноске к III главе («Существование и временность») сочинения, Хайдеггер ссылается на одноименный доклад и передает его вступительные пассажи следующим образом.

«Кое-что из следующей главы сообщено в докладе перед теологами Марбурга в июле 1924 г. Доклад имел такое вступление: Последующие соображения посвящены времени. Они спрашивают: что есть время? Если время обретает свой смысл в веч-

ности, то оно должно и пониматься из нее. Тем показывается исход и путь расследования: от вечности ко времени. Эта постановка вопроса в порядке вещей при том условии, что мы знаем и достаточно понимаем вечность. Однако если вечность должна значить что-то другое, чем пустое всякобытие (*Immer-wahren, $\tau\omicron\epsilon\iota$*), если Бог должен быть вечностью, тогда упомянутый способ рассматривания времени должен долго оставаться в некотором затруднении, не зная о Боге. И если подступ к Богу есть вера и отношение к вечности не что иное, как эта вера, тогда философия никогда не будет обладать временем и никогда не сможет быть возможным основанием дискуссии о времени в методическом применении. И тогда теолог есть настоящий ценитель времени. Тогда, во-первых, теология говорит о человеческом существовании в его бытии перед Богом, т. е. о бытии во времени, в его бытии в вечности. Во-вторых, христианская вера имеет отношение к чему-то, что происходит во времени и даже ко времени, о котором говорится, что оно «исполнилось». Философия же оставляет только возможность понять время из времени».

Уже первое предложение цитируемого примечания из одноименного сочинения, с которым Хайдеггер соотносит доклад «Понятие времени» («Кое-что из следующей главы...») позволяет сделать вывод, что то его первое публичное сообщение в докладе не передает полностью ситуации его изысканий в проблематике времени. В докладе структуры существования выявляются ровно настолько, насколько необходимо для экспозиции временности существования. Эта экспозиция опять-таки имела свой центр тяжести в подлинной временности существования в предвидении своей смерти как содействия подлинному познанию бытия существования.

Такого рода ограниченная установка, которая максимально проявляется в выявлении подлинного познания бытия существования из первоначальной временности существования и тем самым находится в проблематике, соответствующей подлинно теологической постановке вопроса, держится в рамках обоих опубликованных разделов главного труда «Бытие и время» (1927), с разработки которых в 1923 г. начал Хайдеггер. Сведений о том, располагал ли Хайдеггер и в какой мере уже летом 1924 г. полным планом своего главного труда, доклад не дает. Эта центральная для главного труда «Бытие и время» постановка вопроса о смысле бытия вообще, которая должна была излагаться в «эксplikации времени как трансцендентального горизонта вопроса о бытии» в оставшемся неопубликованном третьем разделе первой части под заголовком «Время и бытие», исключена из сокращенного замысла доклада. Дискуссия о том, составлял ли июльский доклад 1924 г. «Понятие времени» «первоначальную форму» главного труда «Бытие и время», не находит нужной опоры и почвы в докладе.

При изложении концептуального генезиса постановки вопроса главного труда «Бытие и время» о смысле бытия вообще, нужно напомнить о том, что уже в докторской диссертации (1915) «Понятие времени в исторической науке» время служит для разделения сфер бытия (*Seinsregionen*) природы и истории. Ранний фрайбургский курс лекций зимних семестров 1921/22 гг. «Феноменологическая интерпретация Аристотеля. Введение в феноменологическое исследование» ясно формулирует вопрос о смысле бытия сущего и излагает его так же, как фрайбургский курс лекций летних семестров 1923 г. «Онтология. Герменевтика фактуальности» излагает феноменологически-герменевтическую ситуацию подобного рода постановки вопроса.

На прояснение исторического измерения постановки вопроса изложением временности и историчности вопрошающего, сущего нацелено упомянутое сочинение «Понятие времени». В нем Хайдеггер показывает, что в исконный, греками основанной онтологии смысл бытия интерпретируется из времени. «Дискриминации подвергается соответствующая интерпретация феномена времени, в которой находит отражение смысл бытия какой-либо онтологии». Если из временности существования добывается изначальное понятие времени, то философски дается задача заново проинтерпретировать смысл бытия из этого изначального понятия времени и разрушить с помощью этой путеводной нити исконную онтологию. Тематика третьего раздела «Бытия и времени» — «Время и бытие» — поэтому обозначена так же, как неопубликованная вторая часть: «Основные направления феноменологической деструкции онтологии по путеводной нити темпоралитета». Сочинение «Понятие времени» (1924) указывает на цельный эскиз главного труда «Бытие и время», из которого, однако, опубликованными оказались только два раздела первой части.

Хартмут Титъен

Июль 1989 г.

¹ Подробнее об этом см.: Хайдеггер М. // Проблема человека в зап. философии. М., 1988. С. 317, 327.

² Это «ныне», «теперь» этой «меры» (греч.).

³ Позднее Хайдеггер использовал это выражение и в «Письме о гуманизме». В Библихин прокомментировал его так: «Старый этимологический парадокс: слово *lucis* («роща») якобы происходит от *lucere* — «светиться» (См.: С е р в и й. Комментарий к «Энеиде». 1, 445: «Считают, что так говорится «по антифрасису», потому что роща вовсе не светится»).

⁴ Принцип индивидуализации, обозначающий обособление общего и единичного. Проявляется как раздробление в онтологическом плане единого бытия в многообразное сущее, в космологическом — мировой субстанции на единичные вещи, в эмпирико-историческом — человечества на народы и единичные существа; в характерологическом плане есть движение к самодостаточной личности. По Аристотелю и Фоме Аквинскому, принцип индивидуализации есть первома́терия, которая актуализируется как основание пространственно-временного деления. К пространству и времени этот принцип возводят также Локк, Шопенгауэр, Н. Гартман.

⁵ Букв.: воспитание, учение, образование (греч.).

У. І. АДАМУШКА, А. П. САЛЬКОЎ «ПУХАВІЦКАЯ СПРАВА»

Гэтая гісторыя адбылася ў канцы 1932 — пачатку 1933 г., калі па сфабрыкаванай справе аб дзейнасці «контррэвалюцыйнай кулацкай арганізацыі «Партыі вызвалення сялян», быццам бы дзейнічаючай на тэрыторыі Пухавіцкага, Мінскага раёнаў і ў горадзе Мінску, органамі ДПУ было арыштавана 108 беларускіх мужчын, уражэнцаў Пухавіцкага раёна і двое рускіх хлопцаў са Смаленскай і Ніжнегародскай абласцей. 2 красавіка 1933 г. рашэннем тройкі 101 чалавек быў прыгавораны да вышэйшай меры пакарання. Прыгавор прыведзены ў выкананне праз чатыры дні, 6 красавіка 1933 г. у Мінску. Астатнім дзевяці «павезла», яны атрымалі па 10 гадоў пазбаўлення волі.

У лістападзе 1956 г. з-за адсутнасці складу злачынства ўсе 110 чалавек былі поўнаасця рэабілітаваны.

Хто жа яны, «ворагі народа», якія праходзілі па данай справе? У большасці сваёй гэта сяляне-аднаасобнікі (53 чал.) і калгаснікі (26 чал.), ёсць рахункавод і настаўнік, міліцыянеры і праваднікі паяздоў, студэнты і медыцынскія работнікі, святар і дырэктар завода. У асноўным у гэтых людзей невялікі набор прафесій і спецыяльнасцей, якія і сёння характэрны для любага сельскага раёна рэспублікі. І ўзрост у іх розны. Ад 18-гадовых юнакоў да сталых бацькоў, маючых па 4—5 дзяцей. У чым жа абвінавачвалі гэтых людзей, якія касілі, сеялі, расцілі дзяцей, любілі?..

Падзеі развіваліся па тыповаму для тых гадоў сцэнарыю. Пошук «контррэвалюцыйных» арганізацый, якія быццам бы дзейнічалі супраць існуючага ладу, разгалінаваная сетка гэтых арганізацый і г. д.

А каб чытачу было больш зразумела, звернемся да матэрыялаў справы № 7458, па якой і былі неабгрунтавана рэпрэсаваны 110 чалавек. Яна захоўваецца ў архіве Камітэта Дзяржаўнай бяспекі рэспублікі.

Перад намі абвінавачвае заключэнне, зацверджанае паўнамоцным прадстаўніком АДПУ па БССР Закоўскім. Вось у чым заключалася асноўная формула абвінавачвання ¹:

«Органами ГПУ Белоруссии в мае месяце 1932 года на территории Пуховичского р-на и смежных — Осиповичского, Стародорожского и Червенского районов была ликвидирована крупная контрреволюционная диверсионно-повстанческая организация численностью 126 человек.

Один из филиалов этой диверсионно-повстанческой организации на территории Пуховичского, Минского районов и в г. Минске, возглавляемый бывшим помещиком Шишем и бывшими офицерами царской армии Муравицким и Линским ², оставшийся в процессе следствия невскрытым, продолжал активно развертывать свою деятельность вплоть до момента его ликвидации — ноября месяца 1932 года.

Возникновение данного филиала к.-р. повстанческой организации, именованной себя «Партия освобождения крестьян» — относится к началу 1928 года. В этот период времени быв. помещик Шишей (врач), быв. офицеры царской армии Муравицкий (агроном) и Линский (учитель) приступили к вербовке членов в к.-р. повстанческую организацию и созданию ее ячеек на территории Пуховичского, Минского районов и в г. Минске, особо активно развернув свою работу в период 1930—32 гг. Вследствие имевшейся благоприятной почвы, благодаря чрезвычайной засоренности этих районов кулацким и антисоветским элементом, указанным руководством к.-р. организации «Партия освобождения крестьян» была создана широкая сеть повстанческих ячеек, охвативших своей деятельностью до 50 населенных пунктов.

Контрреволюционная повстанческая организация, в целях контактирования к.-р. работы, в августе мес. 1932 г., через находившегося на службе в милиции г. Минска одного из активнейших деятелей организации Вадытчика Владимира⁸ установила связь с аналогичной повстанческой организацией на территории Дубровенского и Оршанского районов, а через последнюю с к.-р. ячейкой таковой среди военнослужащих 192 стрелкового полка РККА в г. Орше.

В декабре мес. п. г. органами ГПУ БССР была вскрыта и ликвидирована крупная к.-р. повстанческая и диверсионно-шпионская организация в системах Белтракторцентра и Наркомзема БССР, численностью свыше 100 человек, которая на протяжении 1932 года развернула широкую к.-р. повстанческую работу на периферии БССР, с целью подготовить вооруженное восстание для свержения Советской власти весной 1933 года, в период посевной кампании.

К.-р. организацией был создан центральный повстанческий штаб (в г. Минске), в составе быв[ших] офицеров царской армии и быв[ших] дворян, который руководил организацией к.-р. повстанческих ячеек при МТС, устанавливал связи с существующими к.-р. кулацко-повстанческими организациями в деревне, занимался сбором сведений шпионского характера, производством диверсионных актов и проч.

В результате деятельности этого повстанческого штаба по БССР была создана 31 к.-р. повстанческая ячейка при МТС, 57 к.-р. ячеек в обслуживаемых ими колхозах и установлены организационные связи с к.-р. повстанческими организациями в Логойском (пограничном), Пуховичском, Дубровенском, Краснопольском и Бешенковичском районах.

Основное практическое руководство и направление конкретной деятельности повстанческого подполья на периферии исходило от к.-р. ячеек при МТС; руководящий состав последних был непосредственно связан и в первую очередь получал установки в к.-р. работе от повстанческого штаба в Минске, возглавлявшего к.-р. организацию в системах Наркомзема БССР и Белтракторцентра.

Следствием точно установлено, что одна из таких к.-р. ячеек при Пуховичской МТС в количестве 8 человек, во главе с агрономом Немогаем Константином с марта месяца 1932 года связалась и руководила к.-р. повстанческой организацией в Пуховичском районе «Партия освобождения крестьян».

Практические руководители к.-р. организации в лице Шишея, Линского и Муравичского с указанного времени продолжали развертывать работу к.-р. организации, контактируя эту работу с к.-р. ячейкой при МТС и осуществляя задачи, даваемые руководящим к.-р. штабом из города Минска» (лист справки 1—3).

Социальной базой к.-р. повстанческой организации в основном являлись кулаки. Так, из привлеченных по настоящему делу 120 человек (арестовывалось 124 чел., из коих 4 человека освобождены) — проходят:

1. Кулаков.	74 чел.
2. Быв. крупных арендаторов.	4 -«-
3. Бывших помещиков.	2 -«-
4. Бывших полицейских.	11 -«-
5. Бывших бандитов.	2 -«-
6. Сельск. интеллигентов и служащих.	16 -«-
7. Средняков (с компрометирующим прош.).	2 -«-
8. Быв. эсэров.	3 -«-
9. Быв. чиновников и управ. именьями.	5 -«-
10. Попов.	1 -«-

К моменту ликвидации к.-р. организация располагала 11-ю крепко сколоченными к.-р. повстанческими ячейками.

Сознались в принадлежности к к.-р. повстанческой организации 39 человек» (лист справки 4).

«Ликвидированная к.-р. повстанческая организация, именованная «Партия освобождения крестьян», оформилась и начала свою деятельность по насаждению повстанческих ячеек в 1929 году, причем возникновение руководящего ее ядра относится к 1928—29 гг. За период времени 1928—29 года, возглавляемая быв[шим] помещиком из Польши Шишеем, быв[шим] подпоручиком царской армии Линским и быв[шим] прапорщиком Муравичским, организация широко развернула повстанческую работу, поставив задачей охватить своей деятельностью наибольшее количество населенных пунктов. В результате этого численный состав ячеек к моменту ликвидации был доведен до 11-ти, с количеством членов организации до 150 человек (в 48—50 населенных пунктах)» (лист справки 5).

«Ликвидированная к.-р. повстанческая организация «Партия освобождения крестьян» до марта месяца 1932 года идейно и практически руководилась «тройкой», в составе ее организаторов Шишея, Линского и Муравичского. Начиная с марта месяца 1932 года, после установления связи с к.-р. ячейкой МТС, эти лица возглавляли к.-р. организацию практически, действуя в разрезе установок, исходивших от руководства к.-р. ячейки при МТС, в лице члена организации Тракторцентра — Немогаю.

В свою очередь, к.-р. организация имела 11 повстанческих ячеек, насажденных по территории Пуховичского, Минского районов и в городе Минске.

Новые к.-р. повстанческие ячейки возглавлялись наиболее активными членами к.-р. организации и в своей практической работе осуществляли конкретные указания, получаемые непосредственно от «тройки» (Шишей, Линский, Муравичский), которая, таким образом, (с марта месяца 1932 г.) являлась промежуточным звеном

между руководством (к.-р. ячейка при МТС) и повстанческим подпольем (низовые повстанческие ячейки «Партия освобождения крестьян») (лист sprawy 6).

К.-р. повстанческая организация «Партия освобождения крестьян» свои программно-политические и тактические установки сводила к следующему:

1. Поднять вооруженное восстание и свергнуть Сов. власть.
2. Установить буржуазно-демократический строй.
3. Возвратить частную собственность, ликвидировав соц. сектор деревни.

Для достижения поставленных целей, первоочередными задачами организации являлись:

1. Максимальное вовлечение в свои ряды а[пти]с[оветских] и к.-р. кадров деревни (вербовка).
2. Подготовительная работа к вооруженному восстанию (сбор оружия и учет его у населения).

На основе программно-политических установок, под лозунгом: «Крестьянство угнетено, крестьян душат, крестьян коммунисты делают рабами» — шла практическая работа организации, в связи с чем последняя, по показаниям сознавшихся обвиняемых, именовала себя «Партия освобождения крестьян» (лист sprawy 18).

Дарэчы, праграма партыі як дакумент, які прыкладаецца да справы, адсутнічае, але ўся яна па частках выкладаецца следчымі ў абвінаваўчым заключэнні.

Даволі прымітыўна ў справе разглядаецца практычная дзейнасць «Партыі вызвалення сялян». Яна зводзіцца да трох асноўных напрамкаў. Галоўная роля адведзена падрыхтоўцы да паўстання, далей вярбоўка членаў арганізацыі і, нарэшце, выдуманай партыі прыпісваецца развал калгасаў і зрыў дзяржпаліткампаній.

Вось такое цяжкае абвінавачванне супраць пухавіцкіх земляробаў было сфабрыкавана ў 30-я гады.

¹ Тэкст дакумента даецца на мове арыгінала з нязначнымі купюрамі.

² *Шышэй Канстанцін Цімафеевіч*, 1888 г. нар., г. Навагрудак, беларус, з сялян, б/п, з 1917 па 1918 гг. служыў урачом у Чырвонай арміі, загадчык Пухавіцкай бальніцы, 6.04.1933 г. расстраляны па справе «Партыі вызвалення сялян», рэабілітаваны 5.11.1956 г.; *Муравіцкі Канстанцін Сцяпанавіч*, 1886 г. нар., хутар Перавалокі (Польпгча), беларус, з сялян, б/п, з 1919 па 1921 гг. служыў у Чырвонай Арміі, аграном Пухавіцкай МТС, 6.04.1933 г. расстраляны па справе «Партыі вызвалення сялян», рэабілітаваны 5.11.1956 г.; *Лінскі Мікалай Якаўлевіч*, 1893 г. нар., м. Пухавічы Мінскай вобласці, беларус, з сялян, б/п, настаўнік Пухавіцкай ШКМ, 6.04.1933 г. расстраляны па справе «Партыі вызвалення сялян», рэабілітаваны 5.11.1956 г.

³ *Бадытчык Уладзімір Герасімавіч*, 1905 г. нар., в. Лявонавічы Мінскай вобласці, беларус, з сялян, б/п, міліцыянер ведамаснай міліцыі ў г. Мінску, 6.04.1933 г. расстраляны па справе «Партыі вызвалення сялян», рэабілітаваны 5.11.1956 г.

А. А. ГАНТАРЭНКА

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЕ ВАЕННАЙ АДУКАЦЫІ НА БЕЛАРУСІ ў XVIII — XIX стст.

Для Беларусі XVIII ст. з'явілася найбольш драматычным гістарычным перыядам: Вялікае княства Літоўскае перажывала стан рэзкай канфрантацыі розных магнацкіх групавак. Уступаючы ў доўгатэрміновую барацьбу, яны імкнуліся як мага лепш падрыхтавацца да яе. Пацвярджэннем гэтага з'яўляецца стварэнне некаторымі з іх спецыяльных ваенна-навуковых устаноў для падрыхтоўкі афіцэрскіх кадраў. Так, у 1772 г. К. Радзівіл заснаваў у Нясвіжы сваю кадэцкую школу, у гэты ж час у Вільна працавала казённая ваенна-вучэбная ўстанова.

З прычыны падзелу Рэчы Паспалітай і далучэння часткі земляў да Расійскай імперыі на Беларусі адбываецца працэс станаўлення ваеннай адукацыі, заснаваны на тых жа прынцыпах, што і ў Расіі. Адною з першых ваенна-навуковых устаноў у гэты час было створанае С. Г. Зорычам у Шклове (1778 г.) шляхетнае вучылішча для беларусаў.

Праграма навучання ў асноўным адпавядала праграме падрыхтоўкі выхаванцаў у пецябургскім кадэцкім корпусе, якая грунтавалася на палажэннях зацверджанага 11 верасня 1766 г. «Новаго устава сухопутнаго кадэцкаго корпуса». Паказальна, што ў «Расписании наук для пяти возрастов воинского и гражданского звания», змешчаным у гэтым статуце, былі пералічаны прадметы, якія дазваляюць уявіць цэласную карціну тагачаснага працэсу навучання ў ваенна-вучэбных установах тыпу кадэцкіх карпусоў. Усе навукі падзяляліся на наступныя катэгорыі: 1) што

накіроўваюць да пазнання іншых навук (логіка, красамоўства, фізіка, гісторыя, мовы, матэматыка, механіка і інш.); 2) пераважна патрэбныя цывільнаму званню (павучанне, прыродазнаўчае права, эканомія дзяржаўная і інш.); 3) карысныя (астраномія, тактыка, ваеннае мастацтва, фартыфікацыя і артылерыя, хімія і інш.); 4) мастацтва (рысаванне, жывапіс, архітэктура, музыка, фехтаванне і інш.)¹.

Аналіз гэтага пераліку прадметаў і іх іерархія дазваляюць зрабіць вывад аб тым, што спецыяльнае (ваеннае) навучанне ў гэты час знаходзілася яшчэ не на першым месцы.

25 чэрвеня 1835 г. у Полацку адбылося ўрачыстае адкрыццё кадэцкага корпуса, другога на тэрыторыі Беларусі. Паказальна, што ў гэты час ужо вырысоўваецца дакладная сістэма ваенна-педагагічнага працэсу па падрыхтоўцы кадраў для арміі.

Кадэцкія карпусы ў тагачаснай Расійскай імперыі ў першую чаргу давалі сваім выхаванцам пачатковыя ваенныя веды, якія дазвалялі ім займаць афіцэрскія пасады. Аднак з ускладненнем вайсковай справы, павышэннем тэхнічнай аснашчанасці войскаў у кадэцкіх карпусах пачалі займацца падрыхтоўкай моладзі для далейшай вучобы ў ваенных (юнкерскіх) вучылішчах.

У кадэты першапачаткова залічваліся толькі дзеці дваран і шляхты ва ўзросце ад пяці да адзінаццаці з паловай гадоў. Пазней усталяваўся адзіны ўзроставы цэнз — дзесяць гадоў, а залічэнне ў корпус ажыццяўлялася толькі пасля здачы ўступных экзаменаў.

Вучэбная праграма ў кадэцкіх карпусах у другой палове XIX ст. была даволі напружанай. На працягу навучальнага года (з сярэдзіны чэрвеня) кадэты праслухоўвалі па чатыры паўтарагадзінныя лекцыі штодзённа, акрамя нядзелі. На самападрыхтоўку адводзілася ўсяго дзве з паловай гадзіны. Штодзённа па дзве гадзіны кадэты займаліся фізкультурай. У час летніх канікулаў малалетніх выхаванцаў адпускалі дадому, а старэйшых вывозілі ў лагеры. У гэты час праводзіцца сістэматызацыя вучэбных прадметаў. Праграма тэарэтычнага навучання цяпер уключала: Закон Божы, рускую мову і славеснасць, французскую і нямецкую мовы, арыфметыку, алгебру, фізіку, хімію, гісторыю, геаграфію, законазнаўства, статыстыку, артылерыю, тактыку, ваенную тапаграфію. Абавязковымі былі заняткі музыкой, спевамі, фехтаваннем і танцамі².

Неабходна адзначыць, што адукацыйны ўзровень полацкіх кадэтаў быў у свой час вельмі высока ацэнены педагагічным светам сталіцы, дырэктарамі і інспектарамі іншых карпусоў, калі 15 першых выпускнікоў у чэрвені 1838 г. здавалі экзамен у Пецярбургскі Дваранскі полк для праходжання вышэйшага спецыяльнага курса, пасля чаго ажыццяўлялася правядзенне ў афіцэрскі чын. На экзаменах прысутнічаў галоўны дырэктар вышэйшых навучальных устаноў генерал М. Клінгенберг. Экзаменацыйная камісія выказала поўнае задавальненне першым выпускам Полацкага кадэцкага корпуса. На некаторых прадметах, напрыклад, па гісторыі і славеснасці, экзаменаваныя паказалі вельмі добрыя вынікі³.

Галоўныя задачы, якія ставілі перад сабою адміністрацыя і педагагічны калектыў кадэцкага корпуса, зводзіліся да таго, каб даць сваім падалечным належнае духоўнае, разумовае і фізічнае выхаванне.

Для абмеркавання мер па духоўным і навучальным выхаванні ў корпусе быў зацверджаны выхаваўчы камітэт у складзе батальённага камандзіра, інспектара класаў, ротных камандзіраў і настаўнікаў — назіральнікаў па кожнаму прадмету. Начальства і педагагічны калектыў корпуса імкнуліся развіць у сваіх падалечных такія якасці, якія былі неабходны будучаму афіцэру: вынослівасць, смеласць і рашучасць, самаахвяраванне, здольнасць без наракання, нястомна аддавацца любімай справе.

Педагагічны калектыў кадэцкіх карпусоў (афіцэры-выхавацелі, выкладчыкі), а таксама абслуга складаліся выключна з мужчын. Атрымаць месца выкладчыка ў кадэцкім корпусе было нялёгка. Прыём ажыццяўляўся на аснове конкурснага адбору. Кандыдаты на пасаду выкладчыка павінны былі прачытаць пробную лекцыю на тэму, абраную вучоным камітэтам, у які ўваходзілі дырэктар, інспектар і выкладчыкі. Лекцыю патрэбна было таксама падрабязна запісаць, пасля чаго яна з рэцэнзіяй камісіі прадстаўлялася ў Галоўнае ўпраўленне ваенна-вучэбных устаноў.

Штатныя выкладчыкі называліся настаўнікамі трэцяга роду. Па кожнай дысцыпліне адзін з настаўнікаў трэцяга роду па заслугах і занятках, са згоды галоўнага наглядальніка, прызначаўся настаўнікам-наглядальнікам па сваёй дысцыпліне. Акрамя штатных выкладчыкаў, былі яшчэ і паза-

штатныя — рэпетытары, якія, нават вытрымаўшы адукацыйны цэнз, павінны былі праводзіць пробныя ўрокі на тэмы, абраныя начальствам корпуса. Пад іх наглядам праходзілі вячэрнія заняткі кадэтаў.

Метады выхавання ў кадэцкім корпусе пастаянна ўдасканальваліся. Для таго, каб паставіць выхаванне на патрэбную вышыню, пры Галоўным упраўленні ваенна-навучальных устаноў былі арганізаваны курсы для падрыхтоўкі афіцэраў-выхавацеляў. Праграму курсаў складалі наступныя прадметы: асновы анатоміі і фізіялогіі чалавека, школьная гігіена, пачатак логікі і псіхафізіялогія, гісторыя педагогікі.

Адукацыйны і культурны ўзровень выпускнікоў кадэцкіх карпусоў быў значна вышэйшы, чым у выпускнікоў цывільных сярэдніх навучальных устаноў падобнага тыпу. Доказам гэтаму з'яўляецца тое, што сярод выхаванцаў беларускіх кадэцкіх карпусоў, акрамя герояў вайны і палкаводцаў, былі таксама выдатныя дзеячы навукі, вядомыя пісьменнікі.

¹ Гл.: Устав имп. шляхетского кадетского корпуса. Спб., 1766. С. 8.

² Гл.: Л а л а е в М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению. Спб., 1880. Ч. 2. С. 249.

³ Гл.: Л ю б ч и к В. В. Из истории Полоцкого кадетского корпуса. Полоцк, 1991. С. 9.

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

П. А. ШУПЛЯК

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (некаторыя праблемы выкладання)

Выкладанне гісторыі Беларусі ў БДУ у розныя перыяды яго існавання складвалася па-рознаму, але, на жаль, больш за ўсё працэс гэты развіваўся драматычна, не адпавядаючы патрабаванням часу і неабходнасці фарміравання і захавання пачуцця нацыянальнай годнасці і свядомасці беларускага народа. Няма сумненняў, што такія адносіны да вывучэння роднай гісторыі аказалі рашаючы ўплыў на заняпад нацыянальнага моўна-культурнага стану ў рэспубліцы.

Выключэннем з гэтага шляху развіцця былі, бадай, толькі 20-я гг., якія сталі надзвычай спрыяльным часам для даследавання і прапаганды беларускай культуры, мовы, гісторыі. Рэспубліка ішла па шляху нацыянальна-культурнага будаўніцтва, актыўна ажыццяўляла беларусізацыю. У такіх абставінах ва ўніверсітэцкай адукацыі пачэснае месца занялі такія дысцыпліны, як гісторыя Беларусі, гісторыя народнай гаспадаркі БССР, гісторыя рускага і беларускага права. Вольш таго, лічылася абавязковым выкладанне гісторыі Беларусі ва ўсіх ВНУ і тэхнікумах, пачынаўся працэс пераходу да выкладання яе толькі на беларускай мове. Прыклад у гэтым паказваў першы рэктар БДУ У. І. Пічэта (па бацьку — серб, а па маці — украінец), які ў 42 гады дасканалы авалодаў беларускай мовай: чытаў на ёй лекцыі і пісаў працы.

Вядома, нельга сказаць, што тады ў выкладанні гісторыі Беларусі, як і ў беларускай гістарычнай навуцы, усё было беспамылкова і належным чынам выражана. Але адно несумненна — маладая сістэма гістарычнай адукацыі шукала і знаходзіла правільныя шляхі. Гэты ў многім плённы пошук быў перапынены ў 30-я гг. Перш за ўсё гэта працяглася ў тым, што з'явіліся нацыянальна-культурнага жыцця сталі афіцыйна трактавацца як нацыянал-дэмакратызм, прыроўнены ў хуткім часе да фашызму з усімі зыходзячымі адсюль вынікамі. У гэтых умовах нацыянальная гісторыя не магла займаць ключавога месца ў сістэме асветы рэспублікі, не кажучы ўжо пра вульгарна-сацыялагічнае скажэнне і выпустошванне яе палітычнага і культурнага зместу. Склаліся ўмовы, пры якіх гістарычная адукацыя наогул была пастаўлена перад абавязковай задачай ідэалагічнага абгрунтавання існаваўшага ладу і крытыкі ўсіх палітычных плыняў і тэорый, што супрацьстаялі марксізму-ленінізму, ці не адпавядалі яму ў найбольш прынцыповых палажэннях. Адыход ад гэтай задачы разглядаўся як спаўзанне на буржуазныя ці, ў лепшым выпадку, на рэфармісцкія пазіцыі.

У пасляваенны час, пры фарсіраванні курсу на зліццё народаў і моў, нацыянальная гісторыя лічылася нечым часовым і непerspектыўным. Дастаткова прыгадаць, што да 1981 г. не было нават адпаведнага навучальнага дапаможніка для студэнтаў, дзесяцігоддзямі не выдаваліся прагра-

мы, зусім не ствараліся гістарычныя карты і многія іншыя сродкі нагляднасці. У першай палове 70-х г., напрыклад, гісторыя БССР на гістарычным факультэце БДУ выкладалася толькі два семестры. З іншых факультэтаў гэты курс захаваўся толькі на філалагічным.

Аб'ём гадзін, адведзеных на гэту дысцыпліну там, дзе яна захоўвалася, не даваў магчымасці студэнтам авалодаць нашай багатай спадчынай, асабліва, калі ўлічыць характэрную для ўсёй савецкай сістэмы гістарычнай адукацыі тэндэнцыю непамернага ўзвелічэння таго перыяду, які быў бліжэй да сучаснасці, і заняўвання, калі не забыцця, старажытнасці.

Такія адносіны да гісторыі свайго народа ў ВНУ, таксама як і ў школе, спрыялі фарміраванню комплексу гістарычнай непаўнаценнасці беларуса, штучна культывавалі яго прыніжанаць і нязвольнасць да гістарычнай ініцыятывы.

Нельга сказаць, што на гістарычным факультэце не ўсведамлялі гэтых негатывных працэсаў і заўсёды спакойна падпарадкоўваліся ходу падзей. Так, у 1976—1977 гг. было пастаўлена пытанне аб перадачы для курса гісторыі Беларусі ўсіх гадзін, якія планам адводзіліся на вывучэнне прадметаў, звязаных з асаблівасцямі рэспублікі (між іншым за іх кошт, акрамя гісторыі БССР, выкладалася старажытнаруская мова, замежная літаратура і практычная стылістыка рускай мовы). Савет гістарычнага факультэта павялічыў колькасць гадзін на гісторыю БССР са 100 да 140 лекцыйных і з 30 да 66 практычных заняткаў. Замест замежнай літаратуры была ўведзена гісторыя беларускай літаратуры.

Зразумела, у тыя часы яшчэ не маглі наступіць прагрэсіўныя змены ў самым месце выкладання прадмета, пакуль у афіцыйнай гісторыяграфіі рэспублікі панавалі тэзіс аб бездзяржаўнасці беларусаў да 1919 г., замоўчваліся цэлыя пласты гістарычных падзей.

Вядомыя палітычныя перамены другой паловы 80 — пачатку 90-х гг. карэнным чынам змянілі сітуацыю. Пачаўся пераход грамадства да дэмакратычных асноў жыцця, Беларусь была абвешчана незалежнай дзяржавай. У гэтых абставінах вывучэнне нацыянальнай гісторыі павінна адыграць велізарную ролю для нападнення рэальным нацыянальным зместам дэкараванай незалежнасці. Без шырокага і глыбокага вывучэння роднай гісторыі нельга сфарміраваць нацыянальную і грамадскую свядомасць беларусаў, усвядоміць іх ролю і месца ў сусветнай цывілізацыі. Дабіцца ўсяго гэтага можна толькі праз веданне нашых каранёў, традыцый, каштоўнасцей нашага складанага і цяжкага гістарычнага лёсу.

Разуменне гэтых патрабаванняў і магчымасцей для ажыццяўлення перамен прывялі да ўніверсітэце да карэнных змен у выкладанні гісторыі наогул і нацыянальнай гісторыі ў асаблівасці. Сутнасць гэтых перамен заключаецца, па-першае, у тым, што значна пашыраны курс гісторыі Беларусі — прыкладна да 300 гадзін. Ён чытаецца цяпер на працягу пяці семестраў. Пры гэтым устаноўлена больш рацыянальнае размеркаванне курсу па перыядах. Значна больш часу адводзіцца старажытнаму перыяду і перыяду Вялікага княства Літоўскага. Па-другое, на факультэце чытаецца цыкл дысцыплін, непасрэдна звязаных з гісторыяй Беларусі. Гэта гісторыяграфія гісторыі Беларусі, крыніцазнаўства гісторыі Беларусі, гісторыя беларускай культуры, гістарычнае краязнаўства Беларусі, археалогія Беларусі, этнаграфія Беларусі. Плануецца падрыхтоўка такіх курсаў, як гістарычная геаграфія Беларусі, гісторыя філасофскай думкі Беларусі і г. д. Такім чынам, беларусазнаўчыя прадметы ўжо сёння складаюць каля трэці гадзін, запланаваных на спецыяльныя дысцыпліны. Трэба дадаць, што для выпускнікоў уведзены дзяржаўны экзамен па гісторыі Беларусі, гэтак жа як для абітурыентаў, паступаючых на гістарычны факультэт і на некаторыя спецыяльнасці філалагічнага факультэта.

Змянілася сітуацыя і на другіх факультэтах. У 1987/88 навучальным годзе рашэннем вучонага савета БДУ вывучэнне гісторыі БССР уведзена на ўсіх педагагічных пlynнях універсітэта, а таксама на факультэце журналістыкі. Хаця па аб'ёму курсы не вельмі вялікія (24—30 лекцыйных гадзін), студэнты атрымваюць цэльнае ўяўленне аб асноўных этапах гістарычнага развіцця нашага народа. Больш таго, на некаторых факультэтах (філалагічны, філасофска-эканамічны, механіка-матэматычны) па ініцыятыве дэканатаў уведзены пашыраныя лекцыйныя курсы па гісторыі Беларусі да 80—100 гадзін, якія дапаўняюцца практычнымі заняткамі.

Найбольш шырокай магчымасці для паглыблення сваіх ведаў атрымліваюць студэнты, якія спецыялізуюцца па кафедры гісторыі Беларусі. Тут таксама праходзяць становячыя змены. Абнаўляецца тэматыка спецыяльных

курсаў, курсавых і дыпломных работ. Усё большая ўвага звяртаецца на вывучэнне палітычнай гісторыі Беларусі, гісторыі грамадскай думкі, дзяржаўнасці, нацыянальна-культурнага працэсу на беларускіх землях і г. д.

З наступнага навучальнага года плануецца ўвядзенне дзвюх спецыялізацый па гісторыі Беларусі, адна з якіх будзе прысвечана выключна вывучэнню старажытнай беларуска-літоўскай дзяржавы. А ўвогуле адной з галоўных мэт змянення навучальна-выхаваўчага і навукова-даследчага працэсу на гістарычным факультэце цяпер з'яўляецца стварэнне ўмоў для разумення беларусамі сябе ў якасці суб'екта агульнаеўрапейскага і сусветнага гістарычнага працэсу. Праблема «Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім» — адна з найбольш прыдатных у гэтых адносінах.

Адной з важнейшых праблем для выкладчыкаў гісторыі Беларусі, як і для ўсіх гісторыкаў ВНУ, з'яўляецца вучэбна-метадычнае забеспячэнне навучальнага працэсу. Патрэбны новыя падручнікі, новыя праграмы, пазбаўленыя схематызму, дагматызму і вузкапартыйнай накіраванасці. Аб гэтым у лютым ішла зацікаўленая размова на Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. Некаторыя зрухі ў гэтым напрамку ёсць. На гістарычным факультэце ідзе актыўная падрыхтоўка да выдання курса лекцый па гісторыі Беларусі, у блізкай перспектыве — новае, перапрацаванае выданне хрэстаматыі. Ужо ў гэтым годзе кароткім дапаможнікам па гісторыі Беларусі будуць забяспечаны абітурыенты. Амаль гатовы да выдання навучальны дапаможнік па гісторыі беларускай культуры.

Добра вядома, што падрыхтоўка падручнікаў і дапаможнікаў — задача надзвычай адказная і складаная. Яе не вырашыць «кавалерыйскім наскокам». Патрабуюцца гады напружанай і ўмела скаардынаванай працы. На Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў актыўна падтрымана думка аб неабходнасці заснавання на базе гістарычнага факультэта БДУ вучэбна-метадычнага цэнтра, які б, абіраючыся на дзяржаўнае фінансаванне, вырашаў важнейшыя пытанні падрыхтоўкі новай па зместу і характары вучэбнай літаратуры. Сёння наспела неабходнасць мець у нашай незалежнай дзяржаве навукова-педагагічныя падраздзяленні, асабліва на гуманітарных накірунках і тым больш па гісторыі, якія былі б распрацоўшчыкамі і нават свайго роду заканадаўцамі ў вучэбна-метадычнай галіне. Для іх патрэбен асобны статус.

Неабходна ў бліжэйшы час распрацаваць нацыянальную канцэпцыю гістарычнай адукацыі, адным з галоўных прынцыпаў якой павінны стаць: аднаўленне гістарычнай памяці беларускага народа, фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці і патрыятызму, асэнсаванне свайго месца ў сусветным супольніцтве краін і народаў.

Гісторыкі БДУ робяць усё магчымае па ажыццяўленню тых задач, якія паставіла Усебеларуская канферэнцыя. Не сакрэт, што многія палажэнні Адазвы, прынятай удзельнікамі канферэнцыі, таксама, як і тема дыскусій па пытаннях гістарычнай адукацыі, грунтаваліся на вопыце гістарычнага факультэта БДУ.

На шляху падрыхтоўкі кваліфікаваных гісторыкаў БДУ яшчэ нямала складаных праблем. Але толькі гэты шлях прывядзе да таго, што праз некалькі год і школы, і культурна-асветніцкія, і навукова-даследчыя ўстановы атрымаюць спецыялістаў, здольных кваліфікавана выкладаць гісторыю на роднай мове, глыбока дасведчаных у розных галінах беларусазнаўства, свядомых грамадзян сваёй Радзімы, гатовых прысвяціць сябе справе адраджэння Бацькаўшчыны.

В. Л. КЛЮНЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ И СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В преддверии XXI века Республика Беларусь начала переход к рыночной экономике, рыночному хозяйственному механизму, становление которого не может произойти в одночасье. Дело в том, что исторически развитие рыночного хозяйства происходило как естественный процесс, предполагающий во многом экономический и социальный прогресс человечества. Известно, что зарождение рыночных отношений началось еще при разложении первобытнообщинного строя. Но своего расцвета товарно-денежные отношения достигли при капитализме. В капиталистическом обществе

«рыночное» воспитание человека начинается, можно сказать, с момента его рождения. Вся жизнь настраивает человека на предприимчивость и предпринимательство.

У нас же о рынке говорят и пишут все, но что это такое, каковы правила поведения на нем, знают немногие. В результате неправильно оцениваются многие экономические процессы и явления. Подчас в основу оценок кладется привычное экономическое сознание, которое лишь в редких случаях совпадает с научно обоснованным. Все это становится причиной непродуманных решений, неоправданных задержек с принятием крайне необходимых законов, призванных регулировать экономические отношения. Это — с одной стороны. С другой, говоря о преподавании экономической теории, мы должны вести речь о качестве гуманитарной культуры каждого человека, об интеллектуальном здоровье общества.

Формирование у студенческой молодежи экономического мышления должно содействовать проявлению в ее деятельности таких качеств, как индивидуальность, самоконтроль, организованность, предприимчивость, деловитость, развивать ценностные ориентации и профессиональную направленность личности. Это позволит ей определиться к реально существующим в обществе экономическим отношениям, множественности форм хозяйствования и родов деятельности, позволит проникнуть в их сущность, ощутить экономический интерес к своей учебной и трудовой деятельности, познать сущность экономических явлений, выявить их закономерности, свободно переходить от одной сферы труда в другую, иметь свой стиль поведения, свои взгляды и интересы, свои методы, способствующие успешному претворению теоретических знаний в определенный трудовой опыт хозяйствования, в результате которого создается надежная система обеспечения эффективности труда, интенсивный рост его производительности.

Наряду с этим развитое экономическое мышление, экономическая образованность студентов дадут возможность свободно владеть экономическими понятиями и категориями, уметь прогнозировать развитие объективных экономических процессов, активно бороться с устаревшими формами, выбирать в результате анализа наиболее эффективные способы решения проблем и принимать управленческие решения, по-новому воспринимать экономический рост через такие экономические категории, как рынок, конкуренция, предпринимательство, многообразие форм собственности, маркетинг, менеджмент и др. Сегодня специалисту любого профиля жизненно необходимо грамотно экономически мыслить, а это невозможно без изучения теории. «Для человека, который систематически не изучал экономическую теорию, — писал Поль Самуэльсон, — представляет огромную трудность не только дать ответ на ... вопросы, но уже сама попытка обдумать их как следует. Он подобен глухому, пытающемуся дать свою оценку музыкальному произведению»¹.

Стало очевидным, что изучение экономической теории в ее традиционных подходах характеризовалось все большим отставанием от нарастающих изменений. Факты убедительно свидетельствовали о падении интереса к традиционному курсу политической экономии, для которого преимущественно был характерен догматизм, односторонность, отрыв от действительности, абсолютизация идеологической функции, обслуживание авторитарно-бюрократической системы и т. п. Причина неудовлетворенности возникла и в связи с новыми требованиями к экономическому образованию и, главным образом, из-за отрыва этого курса от актуальных проблем национального хозяйства. Поэтому не следует утешать себя, что устарели лишь какие-то отдельные формулировки, цифры и цитаты. Все это, конечно, подновить несложно, но это делалось неоднократно и без успеха для дела. Недовольство традиционным курсом высказывали и преподаватели. Он ограничивал их инициативу, не позволял найти самовыражение в преподавании, отстранял их от изучения и использования в научной работе и преподавании достижений мировой экономической мысли.

Эти важные обстоятельства — очевидная неудовлетворенность традиционными подходами к преподаванию экономической теории — обусловили появление ряда новых и переводных учебников и учебных пособий по экономической теории, которые появились в последние годы². Однако в этих учебниках и учебных пособиях далеко не полностью воплощена оптимальная модель учебного курса «Основы экономической теории» и поэтому она не может удовлетворить потребности студентов и преподавателей.

Исходя из этого на кафедре экономической теории Белгосуниверситета была разработана программа учебного курса «Основы экономической тео-

рии». В качестве важнейшего приоритета содержательно-тематической направленности курса следует считать отказ отчленения единой дисциплины на две размежеванные части — изучение капитализма и социализма, что было искусственным, порождавшим методологические ошибки, теоретические и методологические трудности.

«Курс» исходит из того, что все развитые страны мира переходят к новому технологическому способу производства, который на Западе получил наименование «постиндустриального общества». Можно долго дискутировать по поводу содержания этой категории. Главное в том, что мир переходит к принципиально новым типам техники и технологии, всесторонней демократизации, развитию многообразных форм самоуправления, приоритетности социально-экономических критериев труда и производства, развитию социальных механизмов, регулирующих отношения труда и капитала, росту научного уровня производства и экологическим императивам. Авторы «Курса» имели в виду, что осуществление этих требований в большей или меньшей мере как процесс социализации характерен сегодня для многих развитых стран. В этих странах осуществляется принцип преобразования общества в направлении гуманизма, сочетания эффективности рыночной экономики с потребностями людей, социальной справедливости, демократии и прав, ориентации в преобразованиях на мировые достижения, на экологическую и военную безопасность.

В нынешних, существенно изменившихся, условиях поиска рациональной организации общества главным инструментом являются уже не идеологические и классовые критерии, а теория организации, теория механизмов, экономика, социология, комплекс наук о человеке. Это обстоятельство предопределило структуру «Курса», содержащего следующие разделы: введение, включающее общеметодологические проблемы экономической теории, характеристику основного категориального аппарата; общие основы экономического развития, т. е. анализ эволюции, структуры и форм организации общественного производства, теории товарного производства и рынка; проблемы микроэкономики, т. е. экономические условия функционирования фирмы, ее современные виды, параметры и функции с освещением теоретических основ менеджмента, предпринимательства, стратегии и тактики поведения фирмы на рынке, т. е. маркетинга; область макроэкономики, охватывающая основные макроэкономические показатели и методы их измерения, механизм функционирования и равновесия национального рынка, модели государственного регулирования экономики, фискальную и социальную политику государства и т. д.; экономические основы и тенденции мирохозяйственных связей.

Хотелось бы обратить внимание на деление национального хозяйства и соответственно «Курса» на микро- и макроэкономику; на два «этажа» или, как говорят западные экономисты, исследование идет как бы через микроскоп и без него. Так, макроэкономические исследования различных экономических проблем охватывают анализ таких величин, как общий объем продукции, общий уровень занятости, общий объем дохода, общий объем расходов, общий уровень цен и т. д. Короче говоря, макроэкономика изучает не деревья, а лес. Она дает нам обзор экономики с птичьего полета. И наоборот, микроэкономический анализ имеет дело с конкретными экономическими единицами, с детальным изучением поведения этих индивидуальных единиц. Здесь мы оперируем терминами «отдельная отрасль», «фирма» и сосредоточиваем внимание на таких величинах, как производство или цена конкретного продукта, численность рабочих, занятых в одной фирме, выручка или доход отдельной фирмы, ее расходы. Микроэкономический анализ необходим для того, чтобы увидеть в самом близком расстоянии некоторые очень специфические компоненты нашей экономической системы. Выделение понятий микроэкономики и макроэкономики не следует понимать так, будто предмет экономической науки столь резко разделен на отдельные отсеки, что любую ее тему можно отнести к макро или микро; многие темы и разделы экономической теории входят в обе эти сферы. Например, если еще 15—20 лет тому назад безработица рассматривалась как преимущественно макроэкономическая проблема («безработица зависит от совокупных расходов»), теперь экономисты признают, что при определении уровня безработицы важное значение имеют также решения индивидуальных рабочих подыскивать себе другую работу и способ функционирования конкретного товарного рынка и рынка рабочей силы.

Современный уровень преподавания и изучения экономической теории предполагает более внимательное отношение к экономическому наследию,

широкое использование современной зарубежной экономической мысли. Важно выявить и доказательно показать наличие определенных сущностных связей новейших экономических концепций с предшествующими экономическими школами и направлениями, раскрыть то положение, что мысли, высказанные в их работах, актуальны и сегодня, в эпоху кардинальных изменений нашего общества. Что касается современной западной экономической теории, то она, вообще, была доступна, в основном, в виде критических обзоров. Характерным было огульное отрицание всего сделанного экономистами-немарксистами, поспешное и не опирающееся на реальное изучение источников наклеивание политических ярлыков. Сейчас такой подход должен смениться вдумчивым, конструктивным изучением экономических концепций в США, Западной Европе, Японии. Ибо значительна их роль в обеспечении жизнестойкости современных систем хозяйствования, экономического роста, в использовании достижений НТР. Многие из того, что накоплено зарубежной экономической мыслью в изучении экономических реалий, имеет непосредственное отношение к современной и, особенно, будущей экономике Республики Беларусь. Поэтому при разработке нового курса авторы попытались отразить временное состояние мировой экономической науки, исходили из теоретических положений, содержащихся в произведениях экономистов, принадлежащих к различным школам.

При чтении курса экономической теории возникает важнейшая методологическая проблема, связанная с обоснованием предмета экономической теории. В данном случае в качестве базисного принципа должен выступать диалектический метод, который в самой общей форме определяется как осознание формы внутреннего самодвижения содержания исследуемого предмета. Он, как единство объективного (форма внутреннего самодвижения содержания) и субъективного (осознание этой формы), имманентен предмету исследования. Поэтому овладение методом означает познание предмета, и, наоборот, познание предмета тождественно овладению методом. Он развивается вместе с предметом и его полное определение есть развернутый в систему предмет.

Всякое определение является остановкой движения в какой-то точке, пункте. Оно поэтому неполное, одностороннее. Предмет экономической теории, рассматриваемый как процесс, может получить множество определений в различных точках своего движения. И такие определения действительно существуют. Спорить об истинности каждого из этих определений было бы, по крайней мере, безуспешно, так как каждое из них отражает различные ступени движения предмета и метода экономической теории. Важно представить эти разрозненные определения как систему, отражающую объективное развитие предмета.

Программа составлена таким образом, чтобы изучение «Курса» способствовало усвоению не абстрактных теоретических истин, а творческому решению в практической деятельности каждым индивидом, предприятием, фирмой трех основных проблем экономической деятельности (что производить и в каком количестве? для кого производить? как производить?) и на основе этого содействовало реализации экономических целей общества, важнейшими из которых выступают: экономический рост; полная занятость; экономическая эффективность; стабильный уровень цен; экономическая свобода; справедливое распределение доходов; экономическая обеспеченность; торговый баланс; обеспечение эффективной экологической защиты общества. Собственно говоря, весь курс посвящен обоснованию теоретических и практических ответов на эти вопросы. Причем ответы даются применительно к регулируемой рыночной экономике. Такой подход означает, что подлинная экономика — это смешанная экономика, функционирующая на основе отношений регулируемого рынка.

В нынешних условиях, на основе органичного сочетания содержательно-тематической и методологической направленности курса экономической теории, требуется система методических средств и приемов, с помощью которых процесс преподавания экономической теории может быть усовершенствован. Главная цель заключается в том, чтобы студент обладал навыками аналитического осмысливания жизненных ситуаций, на основе чего он мог бы делать самостоятельные правильные выводы. Отсюда следует, что наиболее эффективной формой обучения является такая, которая основывается на активном включении студента в самостоятельный поиск знаний. Достижение результативности обучения зависит от форм и методов

активизации учебного процесса, и в частности использования деловых игр, тестов, задач и упражнений при изучении экономической теории.

В условиях НТР формирование целостного экономического образа мышления невозможно без использования современных технических средств обучения, в первую очередь ЭВМ. Моделирование реальных экономических ситуаций создает условия для выработки и закрепления полезных практических навыков и углубленного изучения материала. Использование ЭВМ позволяет анализировать различные варианты решения конкретных проблем, приучает студентов видеть предмет с разных точек зрения. На базе компьютеризации достигается решение новых исследовательских задач, которые могут послужить основой для подготовки курсовых и дипломных работ, обсуждения на спецсеминаре.

В связи с этим нельзя не сказать о принципе комплексности в преподавании экономической теории и в организации самостоятельной работы студентов. Одной из форм его претворения в жизнь должны служить методические рекомендации кафедры, отражающие планирование взаимосвязи между всеми формами обучения: лекция — самообразование — семинар — самостоятельная работа. Это означает, что сейчас необходимы качественно новые методические рекомендации. Они должны включать не просто перечень тем и вопросов, но и определение основной проблемы каждой темы; распределение в ней вопросов по формам учебного процесса; поисковые вопросы для изучения первоисточников; вопросы для самоконтроля, носящие проблемный характер; экономический словарь основных понятий.

Другой формой реализации принципа комплексности в преподавании «Курса» выступает чтение спецкурсов, которые представляют собой углубленное изложение актуальных или совершенно новых проблем экономической теории. Цель каждого спецкурса — дать возможность студенту ознакомиться с содержанием интересующей его проблемы, получить определенную сумму не только теоретических, но и прикладных знаний, необходимых для более эффективного применения их в будущей профессиональной деятельности.

Успешная реализация названных структурно-содержательных, методологических и методических акцентов в преподавании экономической теории, несомненно, будет способствовать формированию глубокого экономического мышления студентов.

¹ Самуэльсон П. Экономикс. М., 1964. С. 24.

² См. напр.: Основы рыночной экономики / Под ред. Камаева В. Д. и Домненко Б. И. Кн. 1, 2, 3. М., 1991; Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. / Пер. с англ. М., 1992; Хейне Пол. Экономический образ мышления / Пер. с англ. М., 1991.

³ См.: Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Т. I. С. 22—23.

Памяці вучонага

МІКАЛАЙ ВАСІЛЬЕВІЧ РОЖЫН

Заўчасна пайшоў з жыцця Мікалай Васільевіч Рожын — загадчык кафедры этыкі і эстэтыкі, доктар філасофскіх навук, прафесар.

М. В. Рожын нарадзіўся 29 лістапада 1926 г. у вёсцы Цёмнае Ньуксенскага раёна Валагодскай вобласці ў сям'і селяніна-серадняка. Час рухаецца няўмольна. І так склаўся лёс Мікалая Васільевіча, што ён усё жыццё даганяў яго, імкнучыся нагнаць гады, што адняла вайна. Калі цяперашняе пакаленне ў 17 год заканчвае школу і паступае ў ВНУ, то Мікалай Васільевіч у 1942 г., скончыўшы 8 класаў, стаў калгаснікам, а семнаццацігадовым хлапчуком пайшоў на фронт: курсант палкавой школы, разведчык, старшыня батальёну. Цяперашняе пакаленне ў 22—23 гады канчае ВНУ, а Мікалай Васільевіч служыць у арміі, якой аддаў 10 год, з іх амаль тры гады — фронту. І толькі ў 26-гадовым узросце, знаходзячыся ў Савецкай Арміі, ён канчае вярхоўную школу і паступае на філалагічны факультэт Белдзяржуніверсітэта, дзе пасля завяршэння вучэбнага курса атрымаў дыплом з адзнакай.

Пасля універсітэта працуе дырэктарам сярэдняй школы ў Жабінкаўскім раёне Брэсцкай вобласці. З 1960 па 1973 г. яго лёс зноў звязаны з універсітэтам: аспірант, выкладчык, старэйшы выкладчык, дацэнт.

З сакавіка 1973 па красавік 1981 г. — супрацоўнік сакратарыята ААН у Нью-Йорку і Вене. У жніўні 1981 г. вярнуўся ва універсітэт. Ізноў працуе дацэнтам кафедры гісторыі філасофіі і логікі, з 1983 г. — загадчык кафедры этыкі, эстэтыкі і навуковага атэізму.

Усё жыццё, наганяючы час, адняты вайной, Мікалай Васільевіч паспеў абараніць кандыдацкую і доктарскую дысертацыі, апублікаваць звыш 40 навуковых прац. Кола яго навуковых інтарэсаў вельмі шырокае: філасофская думка Беларусі, Кант і неакантыянства, пазітывізм і неапозітывізм, махізм, экзистэнцыялізм... Ён адзін з аўтараў вядомага вучэбнага дапаможніка «Асновы марксісцка-ленінскай этыкі». У апошнія гады ўзмоцнена займаўся праблемамі, шляхамі і сродкамі аналізу навуковых ведаў у сучаснай англа-амерыканскай філасофіі.

Ратная і мірная праца М. В. Рожына адзначана шматлікімі ўрадавымі ўзнагародамі: ордэнам Вялікай Айчыннай вайны II ступені, адзінаццацю медалямі, ганаровымі граматамі міністэрстваў вышэйшай адукацыі СССР і БССР, рэктарата універсітэта.

М. В. Рожын быў чалавекам высокай культуры і інтэлігентнасці. Ён валодаў добрымі арганізацыйнымі здольнасцямі, цвёрдым, незалежным характарам. Кафедра шмат чым абавязана яго сумленню, чалавечнасці, разумнай разважлівасці, якія дапамагалі падтрымліваць у калектыве дэмакратычную атмасферу ў самы неспрыяльны час.

І хаця смерць заўсёды прыходзіць начакана, аднак яна не мае ўлады над добрымі справамі. У Мікалая Васільевіча іх было дастаткова. Ён выхаваў шмат таленавітых вучняў і паслядоўнікаў. Удзячная памяць аб ім як вучоным, педагогу, цудоўным чалавеку захаваецца ў сэрцах яго вучняў, сяброў, калег.

ПЕРШАЯ ўСЕБЕЛАРУСКАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ ГІСТОРЫКАЎ (3—5 лютага 1993 г., Мінск)

Набыццё Беларуссю дзяржаўнай незалежнасці, першыя крокі грамадства ад таталітарызму да дэмакратыі настойліва патрабуюць змены прызначэння гістарычнай навукі і адукацыі. Бо вывучэнне гісторыі дазваляе асэнсаваць вопыт, назапашаны продкамі на працягу тысячагоддзяў. Вострая неабходнасць мець уласны погляд на мінулае патрабуе распрацоўкі нацыянальнай канцэпцыі гісторыі Беларусі.

Існуе таксама шырокая патрэбнасць у распрацоўцы нацыянальнага пункту гледжання на сусветную гісторыю. Настаўнікі школ справядліва патрабуюць падручнікаў з новымі падыходамі да гісторыі. Яшчэ больш складаныя праблемы з дапаможнікамі па ўсеагульнай гісторыі і асабліва па гісторыі Беларусі для ВНУ.

Таму не выпадкова, што канферэнцыя, ініцыятарамі якой выступілі гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага універсітэта і Інстытут гісторыі АН Беларусі, набыла выразна акрэсленую назву «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новая канцэпцыя і падыходы)». Яна ўвойдзе ў аналы гісторыкаў як першая ўсебеларуская канферэнцыя. Напярэдадні яе ініцыятары выдалі два тамы тэзісаў дакладаў, вынесеныя на абмеркаванне, «Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Тэз. дакл. і паведамленняў. Ч. I. Гісторыя Беларусі; Ч. II. Сусветная гісторыя. Мн. 1993». Арганізатары, безумоўна, спадзяваліся, што канферэнцыя выкліча вялікую цікавасць навукоўцаў, выкладчыкаў ВНУ, настаўнікаў — усіх, хто вывучае багатае мінулае як нашай Бацькаўшчыны, так і сусвету. Але ўжо першае пленарнае пасяджэнне паказала, што рэальны водгук пераўзышоў усе спадзяванні: актавая зала гістарычнага факультэта не змагла змясціць усіх жадаючых. І хоць гэта з'ява выклікала непрадбачаныя арганізацыйныя праблемы, ўсё ж яна вельмі яркава вызначыла актуальнасць пытанняў, узятых ужо ў пачатку канферэнцыі.

У рабоце 10 секцый форуму (I секцыя: этнагенез беларусаў; II — гісторыя сярэднявечча Беларусі; III — гісторыя Беларусі XIX — пач. XX стст.; IV — гісторыя Беларусі савецкага перыяду (1917—1945); V — гісторыя Беларусі пасляваеннага часу; VI — метадалагічныя праблемы гісторыі; VII — гісторыя старажытнага свету; VIII — гісторыя славян; IX — расійская гісторыя; X — новая і навейшая гісторыя) прынялі ўдзел выкладчыкі амаль усіх ВНУ Беларусі, настаўнікі гісторыі сярэдніх школ Мінска, супрацоўнікі Інстытута гісторыі і мастацтвазнаўства АН Беларусі, абласных музеяў і архіваў. Прысутнічалі і госці з замежжа, далёкага і блізкага. Самы непасрэды ўдзел у абмеркаванні праблем гісторыі Беларусі прынялі даследчыкі гісторыі і святары-навукоўцы з Польшчы.

Работа секцый сканцэнтравала велізарны навуковы патэнцыял: сярод больш 340 прысутных — 28 дактароў і 114 кандыдатаў навук. Уражвае і колькасць узятых праблем: абмеркавана 75 дакладаў, больш 110 паведамленняў. Вакол асобных з іх вяліся гарачыя спрэчкі.

Асаблівую цікавасць выклікала работа секцый па гісторыі Беларусі. І гэта

не дзіўна: сказалася тое, што раней гісторыя нашай Бацькаўшчыны заста-валася па-за ўвагай даследчыкаў і менавіта тут «завязаліся» найбольш тугія вузлы праблем. Вялікую актыўнасць праявілі вайскоўцы, бо цяпер у беларускім войску арганізавана вывучэнне гісторыі.

Дзіўна было б чакаць, аднак, што ўсе вызначаныя праблемы будуць вырашаны за тры дні працы канферэнцыі. Плён яе — і гэта падкрэслівалі амаль усе прамоўцы на заключным пасяджэнні — найперш у тым, што ўдалося вызначыць асноўныя накірункі дзейнасці гісторыкаў, усвядоміць асаблівую моц «подыху» гісторыі сёння, акрэсліць вызначальныя рысы і шляхі пераадолення цяжкасцей у развіцці гістарычнай адукацыі і навукі. Першая Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў падкрэсліла неабходнасць паступовай (без кідання з адной крайнасці ў другую) пераацэнкі спадчыны, запатрабавала паскорыць прыняцце закона аб архівах, зняць рознага роду бюракратычныя перашкоды на шляху грунтоўнага вывучэння і асэнсавання архіўных крыніц. Патрабуючы не змяншаць увагі да канкрэтных праблем гісторыі Беларусі, шмат хто з выступаўшых адзначыў неабходнасць вывучэння нашай мінуўшчыны ва ўзаемасувязі з гісторыяй суседніх народаў, выказваў насяржожанасць з прычыны зніжэння інтарэсу беларускіх даследчыкаў да гісторыі сярэднявечча, заходне- і паўднёваславянскіх народаў. Была вылучана прапанова аб адкрыцці ў складзе Інстытута гісторыі АН Беларусі аддзела ўсеагульнай гісторыі. Паколькі зараз у нашых ВНУ існуе велізарная патрэба ў новых падручніках, праграмах, навучальна-метадычных дапаможніках і матэрыялах, вырашылі ўскласці клопаты па іх распрацоўцы на гістфак БДУ з наданнем яму статуса рэспубліканскага навучальна-метадычнага цэнтра. На заканчэнне канферэнцыя абвясціла сябе Кангрэсам і, стварыўшы Асацыяцыю гісторыкаў Беларусі, прыняла яе Статут.

С. М. Ходзін, М. Э. Часноўскі.